
Б.С.Горбачевский
В СТРАНЕ
КНИГОЛЮБОВ
Издательство
«Детская
литература»

EX LIBRIS
М.А
ШОЛОХОВА
ИЗ КНИГ
ЕГОРА ФЕДОРОВА

Из книг Юрия Гагарина

EX LIBRIS
С.А.ВУЛЬ

ИЗ КНИГ

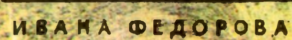

ИЗ КНИГ
К.ШЕСТОВА

ИЗ КНИГ МиГ ХОЛОДОВСКИХ

В.РАЗУМОВА

EX LIBRIS
И.Ф.РЕРБЕРГ

ИЗ КНИГ

ИВАНА ФЕДОРОВА

Ex libris
Арсения
Стемпковского

ИЗ КНИГ
А.К.
КРАВЧЕНКО

ИЗ КНИГ
И·ИКРАМОВА

КЛИМ
КИНА
КНИЖ
КА

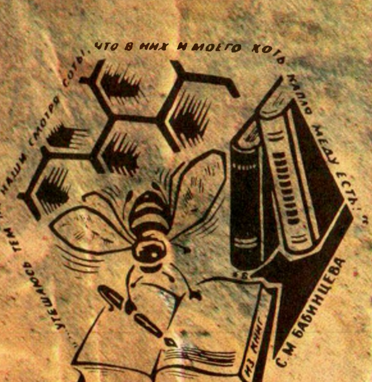

EX LIBRIS
V. KAUPUŽS

SĪ GRĀMATA PIEDER
MARGERIM

AK
OЪ Z.MOCARSKIEGO

ИЗ КНИГ
О.П.ТИХОМИРОВА
16
ОКТЯБРЯ

МК
48
КНИГИ
ЭРКЕНА

"...утешаюсь тем на наши смотря соты, что в них и моего хоть капля меду есть!"
ИЗ КНИГ
С.М БАБИНЦЕВА

EX LIBRIS
KARLIS
BALTGAILIS

Б. С. Горбачевский

В СТРАНЕ КНИГОЛЮБОВ

Москва
«Детская литература»
1979

ББК 78.302
Г67

Научно-художественная литература

Художник А. РЕМЕННИК

Г $\frac{70803—373}{М101(03)79}$ 398—79

Глава I

НАШИ ДРУЗЬЯ — КНИГИ

Книга — такое же явление жизни, как человек,— она — тоже факт живой, говорящий, и она менее «вещь», чем все другие вещи, созданные и создаваемые человеком.

А. М. Горький

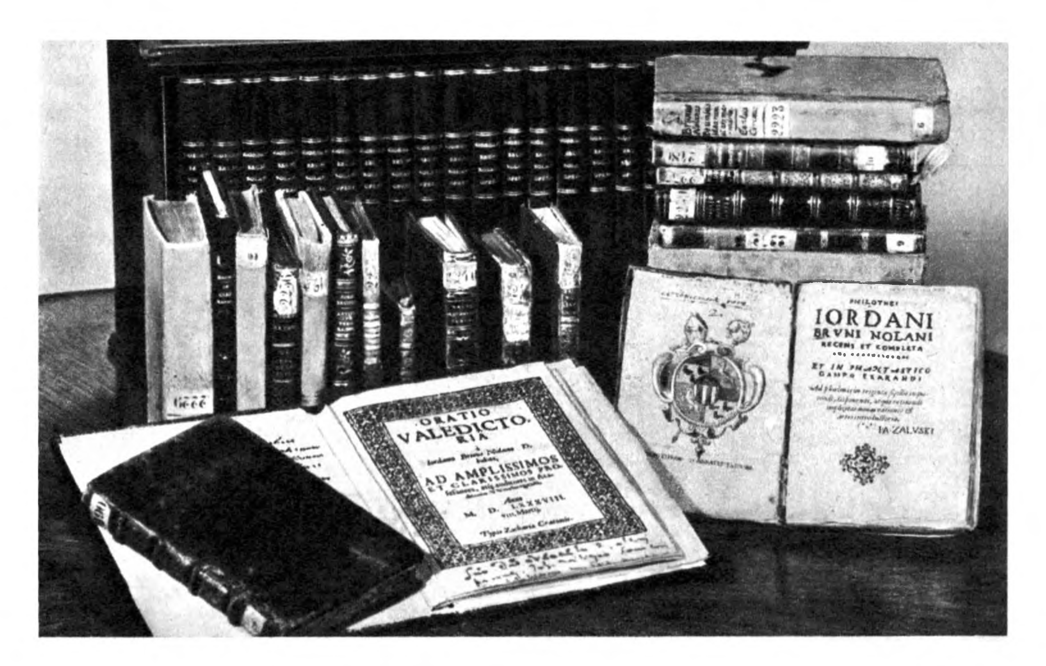
ДРЕВНЕЙШЕЕ ЗАНЯТИЕ

В Государственной библиотеке имени В. И. Ленина есть выставка — «Книжные сокровища». Ее смело можно назвать уникальной. Своеобразная летопись истории книги — от первенцев печати до лучших творений наших дней.

Часто на выставке звучат слова: «первый», «единственный», «редчайший». Да это и понятно. Здесь представлены первые и прижизненные издания выдающихся общественных и политических деятелей, писателей, поэтов, ученых. Многие из произведений дошли до нашего времени буквально в нескольких экземплярах.

На одном из стендов огромный фолиант — французский юридический памятник «Обычное право Нормандии». Напечатана книга почти пятьсот лет назад. В библиотеках мира хранится всего пять экземпляров этого редчайшего издания.

В небольшом черном лакированном шкафчике с дверцей, имитирующей полку с книгами, находится восемнадцать из двадцати шести первых

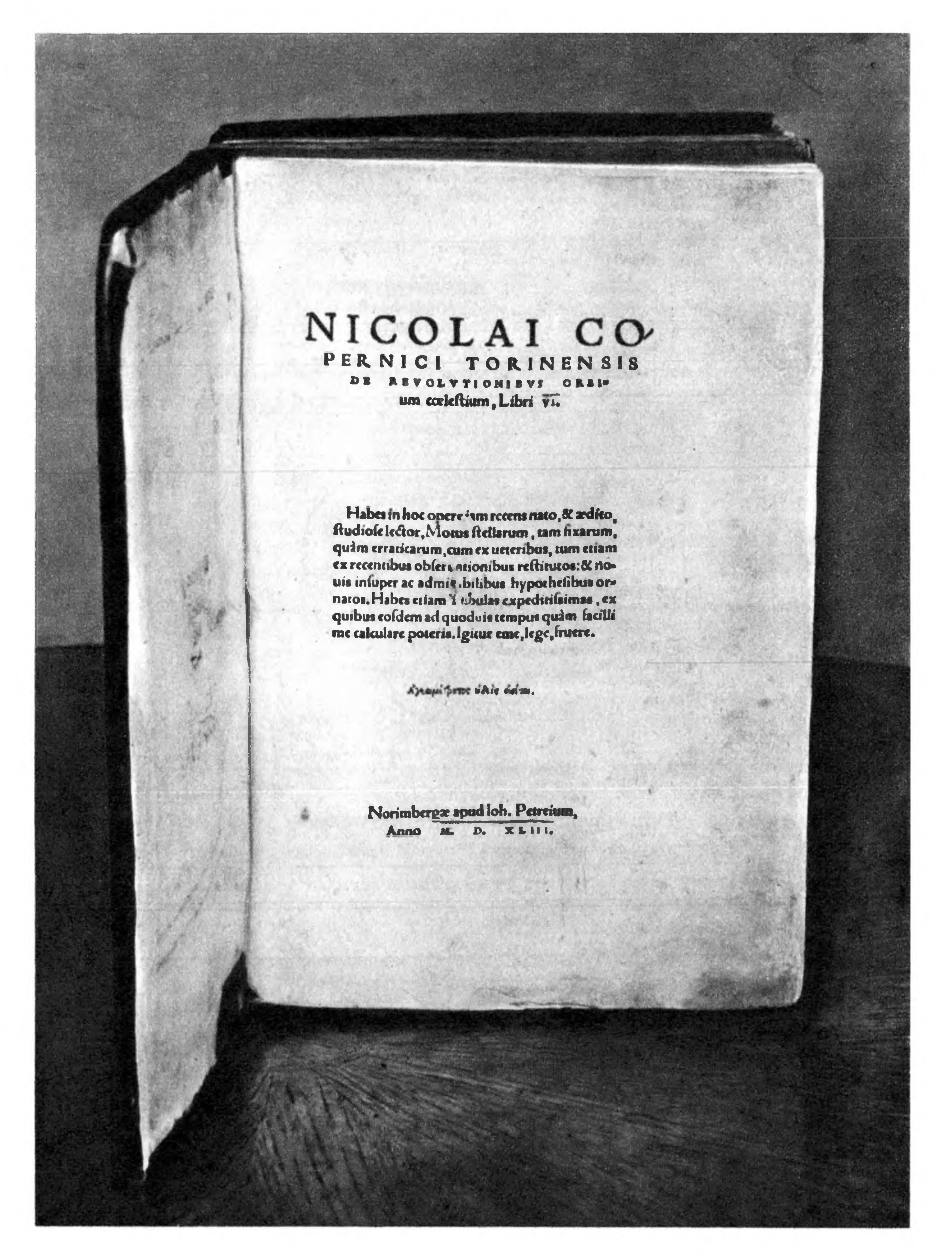
Книги Джордано Бруно.

прижизненных изданий великого итальянского философа Джордано Бруно — одна из самых полных коллекций в мире. Все эти томики, так же как и их автор, были приговорены инквизицией к сожжению на костре.

Вот знаменитая книга Николая Коперника «Об обращении небесных сфер». В ней великий польский ученый впервые изложил учение о гелиоцентрической системе мира. Свой труд он завершил еще в 1530 году, но, опасаясь обвинения в ереси, опубликовал его лишь в конце жизни. Книгу напечатал в 1543 году нюрнбергский типограф И. Петрей. Автор ее увидел уже будучи тяжело больным, за несколько дней до смерти.

Через восемьдесят девять лет после появления книги Коперника, потрясшей умы целых поколений, в январе 1632 года, во Флоренции был издан «Диалог о двух главнейших системах мира» итальянского физика, механика и астронома Галилео Галилея. На гравированном титульном листе книги изображены Птолемей и Аристотель. На обратной стороне — портрет Николая Коперника.

В 1630 году Галилей обратился к папе Урбану VIII за разрешением на печатание «Диалога». Согласие дано было лишь при условии, что учение Коперника будет изложено как одна из возможных гипотез. Через пять месяцев после выхода книги инквизиция приостановила ее продажу, а

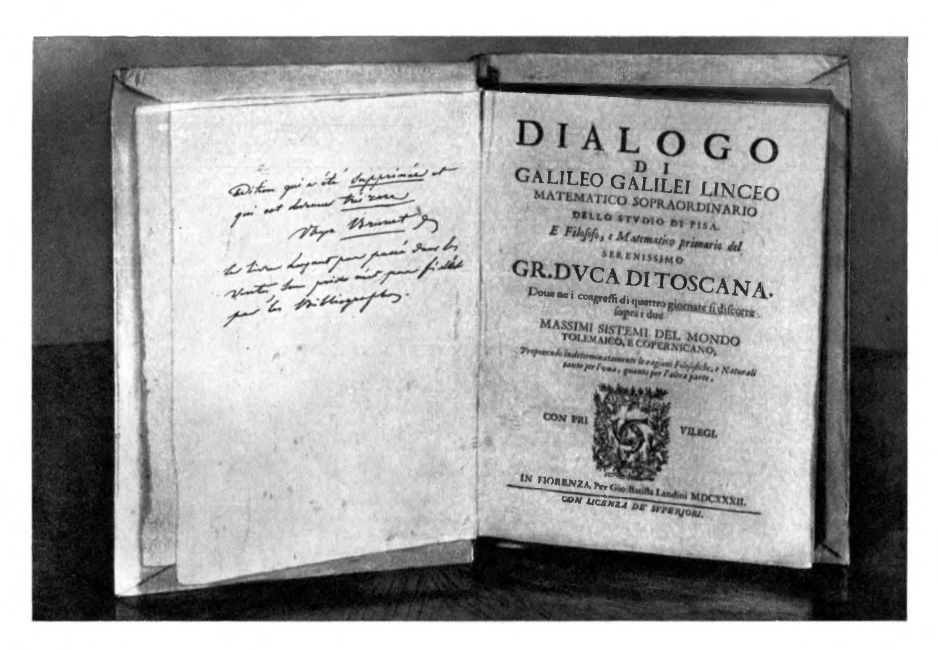

NICOLAI CO-
PERNICI TORINENSIS
DE REVOLVTIONIBVS ORBI-
um cœlestium, Libri VI.

Habes in hoc opere iam recens nato, & ædito, studiose lector, Motus stellarum, tam fixarum, quàm erraticarum, cum ex ueteribus, tum etiam ex recentibus obseruationibus restitutos: & nouis insuper ac admirabilibus hypothesibus ornatos. Habes etiam Tabulas expeditissimas, ex quibus eosdem ad quoduis tempus quàm facillime calculare poteris. Igitur eme, lege, fruere.

Ἀγεωμέτρητος οὐδεὶς εἰσίτω.

Norimbergæ apud Ioh. Petreium,
Anno M. D. XLIII.

Книга Николая Коперника «Об обращении небесных сфер».

«Диалог о двух главнейших системах мира» Галилео Галилея.

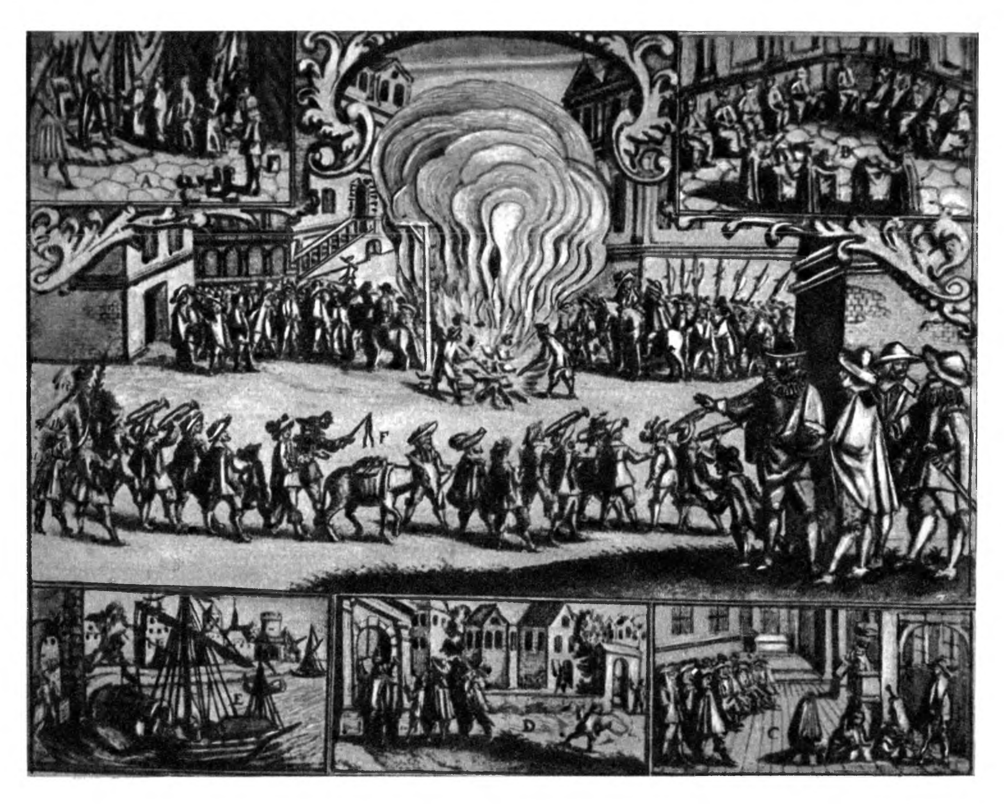
против автора возбудила процесс. 21 июня 1633 года Галилей отрекся от учения Коперника. Книгу запретили, а автору впредь запретили что-либо печатать. Так перекликаются судьбы авторов и книг, сыгравших столь значительную роль в истории.

Мы назвали несколько редких изданий. В смотре победного шествия печатного слова на выставке принимают участие пятьсот книг великих мыслителей всех времен и народов. Число это как бы символизирует пять столетий, прошедших с того исторического часа человечества, когда впервые заработал печатный станок — детище Иоганна Гутенберга.

Почему эти издания были столь дороги для прошлых поколений и не менее дороги для нас, людей второй половины XX века?

Как сохранились они до нашего времени?

Тысячи лет с момента возникновения письменности люди не только читали книги, но и собирали их. Уже в те времена, когда человечество еще не знало печатного станка, а книги переписывались от руки, на что уходили годы и годы, их собирали и бережно хранили. В своих «Воспоминаниях» греческий историк Ксенофонт рассказывает об ученике Сократа Евфидеме, стремившемся собрать «всю мудрость, заключенную в книгах». «Положи твое сердце у чтения»,— призывал в своих стихах Гораций. Книжные

Книжное судилище.

сокровища Аристотеля и Цицерона и по сей день волнуют историков. Страстный любитель чтения Марк Туллий Цицерон, выдающийся оратор и философ, современник Юлия Цезаря, предпочитал свою библиотеку несметным богатствам персидского царя Креза. Ему принадлежат знаменитые слова: «Дом, в котором нет книг, подобен телу, лишенному души».

Сохранились сведения и о библиотеке Ульпия, где находились полотняные книги, письмена на таблицах слоновой кости, драгоценные папирусы — первые шедевры книжного искусства.

Собирание книг — явление столь же древнее, как и сама книга. Бывало, что собирателей книг приговаривали, как и авторов их, как и сами произведения, к сожжению, заточали в тюрьмы. Над ними смеялись! Их осуждали! Их прославляли!

Франческо Петрарка известен не только как поэт, но и как знаменитый книголюб. Он передал в дар Венеции свои книги, которым в то время не было цены. Его книжное собрание послужило началом основания первой публичной библиотеки в Италии. Она существует и поныне. В библиотеке хранится дарственная Петрарки и протокол о принятии его книжного дара, утвержденные 4 сентября 1362 года Верховным советом Венецианской республики.

В протоколе говорится: «...Он желает этого не потому, что у него много ценных книг, а в надежде на то, что с этого момента славный город будет сам пополнять книгохранилище из общественных фондов, и что, следуя его примеру, отдельные граждане, которые любят свое отечество... будут завещать часть своих книг книгохранилищу, и что скоро оно превратится в большую и знаменитую библиотеку, равную библиотекам древности, что будет способствовать славе Республики...»

В старом здании Ленинской библиотеки изо дня в день читатели проходят мимо портрета человека, которому в значительной степени обязаны появлением в 1862 году Румянцевской публичной библиотеки. Николай Петрович Румянцев, видный русский дипломат и историк конца XVIII — начала XIX века, завещал свои книжные коллекции на «благо отечества». Они стали основой знаменитой теперь на весь мир библиотеки. Коллекция книг Джордано Бруно, о которой мы рассказали выше, была собрана русским библиофилом А. С. Норовым. Еще при жизни он передал Румянцевской библиотеке замечательное книжное собрание в шестнадцать тысяч томов.

Ничто не принесло миру столько добра, как книга — самое высокое оружие мысли в руках человека.

С помощью книг мы преодолеваем пространство и время, утверждаем красоту и правду на земле, учимся жить и бороться за счастье человечества, обогащаемся умственно и нравственно.

КНИЖНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ

Трудно представить себе современного человека без книжной полки, к которой он мог бы в любую минуту протянуть ищущую руку. А ведь было время, когда «книжников» — тех, кто пишет, и тех, кто издает, и тех, кто читает и собирает книги,— считали чуть ли не волшебниками.

И сегодня есть люди, которым странными кажутся собиратели книг, когда, как, например, в нашей стране, на каждые пятьсот человек приходится одна публичная библиотека. Однако любое значительное книжное собрание в итоге оказывается не только личной собственностью. Бывает, что в эти собрания приходят различные рукописи, письма, редкие издания книг, иной раз исторические документы. Изучая их, литературоведы

восстанавливают в полном виде тексты произведений известных писателей, историки подытоживают опыт своих предшественников.

Припомним слова Шекспира:

Пусть опрокинет статуи война,
Мятеж развеет каменщиков труд,
Но врезанные в память письмена
Бегущие столетья не сотрут.

Почти шесть веков пребывала в безвестности поэма «Слово о полку Игореве», пока ее не нашел большой любитель книг граф Мусин-Пушкин. В 1795 году он купил единственный «список» «Слова» у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля, изучил его и предал гласности. Так вошел в золотой фонд русской словесности этот литературный шедевр XII века.

Нередко случайная находка позволяет раскрыть тайны, которые ученые пытались разгадать на протяжении многих лет. В 1965 году ученики одной из московских школ, ездившие в экспедицию на Север, передали в Государственную библиотеку имени В. И. Ленина «Часовник» — так на Руси называли буквари, по которым учили детей грамоте. Книга была напечатана кириллицей — древним славянским шрифтом. Часовники, подобные этому, до нас почти не дошли: их зачитывали во время учения.

Исследователи определили, что найденный московскими школьниками часовник принадлежал ученику первопечатника Ивана Федорова Андронику Тимофееву Невеже и был напечатан между 1577—1582 годами или в Александровской слободе, или в Москве.

В исторической науке считалось, что это были годы, когда наступил перерыв в московском книгопечатании.

Изучение часовника позволило установить, что суждение это было ошибочным, и, отказавшись от него, ученые смогли предположительно определить даты выпуска и некоторых других старинных книг.

Пройдет время, и, возможно, будут еще найдены книги, выпущенные в эти годы, и тогда выводы ученых будут подкреплены.

На протяжении многих лет было известно, что первая типография на территории нашей страны была основана знаменитым белорусским просветителем Франциском Скориной в 1525 году в Вильне. Известны и две книги, вышедшие в этой типографии: «Апостол» и «Малая подорожная книжица». На «Апостоле» указана дата появления в свет — март 1525 года. Вторая книга сохранилась в неполном виде, и в ней нет никаких сведений о времени напечатания.

В 1971 году в Королевской библиотеке Копенгагена нашелся более полный экземпляр «Малой подорожной книжицы». После тщательного изучения специалистами найденной книги можно утверждать, что первая

типография на славянских землях была создана на три года раньше, чем это считали до сих пор.

По крупицам собирают ученые и специалисты рассеянные в мире книжные сокровища. Каждая новая подробность помогает восстанавливать какие-то детали прошлого. Бывает и так, что старые рукописные или книжные листки меняют представление об известных фактах, добавляют к ним нечто новое, важное. Накануне Великой Отечественной войны в древнем Суздале среди старых книг случайно была найдена сшитая суровыми нитками тетрадь, принадлежавшая матросу Егору Киселеву.

В 1819 году экспедиция из двух шлюпов, «Восток» и «Мирный», под командованием капитана 2-го ранга Ф. Ф. Беллинсгаузена и лейтенанта М. П. Лазарева — двух замечательных русских флотоводцев — отправилась в Антарктику. Итоги этого примечательного плавания, продолжавшегося 751 день, были опубликованы самим Беллинсгаузеном. Два тома его сочинений вышли в 1831 году в Петербурге.

И вот более чем через сто лет — новое живое свидетельство о славном подвиге русских мореплавателей. Автор тетради — простой матрос — рассказывает об экспедиции, о трудностях, выпавших на долю ее участников, передает свои впечатления о людях, показывает будни плавания изо дня в день. Дневник матроса Киселева был полностью опубликован в конце 50-х годов нашего столетия.

Извлекая буквально из небытия сочинения прошлых веков, изучая их историю, собиратели приносят огромную пользу современной науке.

Собирателя книг древние греки называли филобиблом (philo — любовь, biblos — книга). Впоследствии слово трансформировалось в «библиофил». В таком виде оно было употреблено в 1681 году в заглавии сочинения голландского ученого Сальдена «Библиофильство, или Наставительное упражнение о писании, чтении и оценке книг».

Нередко людей, собирающих книги, называют книголюбами. На первый взгляд трудно усмотреть разницу между словами «книголюб» и «библиофил». Однако эта разница есть.

Книголюбы и библиофилы — верные друзья книги. И те и другие стремятся к познанию и радости общения с ней. Но результаты их поисков не одинаковы. Как правило, книги, собранные книголюбами, интересны всем. «Евгений Онегин» или «Медный всадник», будь это прижизненное издание или только что вышедшее, одинаково дорого книголюбу самим содержанием произведений. И любит он Пушкина в независимости от того, как оформлены его книги, когда они издавались, кто их издавал и насколько они редки. Собрания же библиофилов чаще всего привлекают к себе знатоков, ученых. Первые и прижизненные издания Пушкина или Льва Толстого с их личными пометками прежде всего интересуют исследователей, специалистов-литературоведов.

«Я собирал все книги Пушкина,— рассказывал известный советский библиофил Николай Павлович Смирнов-Сокольский,— такие, какими они

впервые предстали перед глазами читателя, такие, какими видел их сам поэт».

По мере приобретения опыта увлечение библиофила перерастает в научные занятия, которые нередко приводят к серьезным находкам и открытиям. Если такие открытия происходят, редчайшие издания, неизвестные людям, становятся достоянием архивов, музеев и библиотек, то есть достоянием общества.

ПЕРВЫЙ ТРАКТАТ О КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИИ КНИГ

Когда над Лондоном поднимается день, в Вестминстерском аббатстве прихожане склоняются на каменные плиты, на которых высечены имена знаменитых людей Англии. На одной из них можно прочесть имя Ричарда де Бери, дурэмского епископа. Шестьсот тридцать лет назад этот человек написал первый трактат о коллекционировании книг.

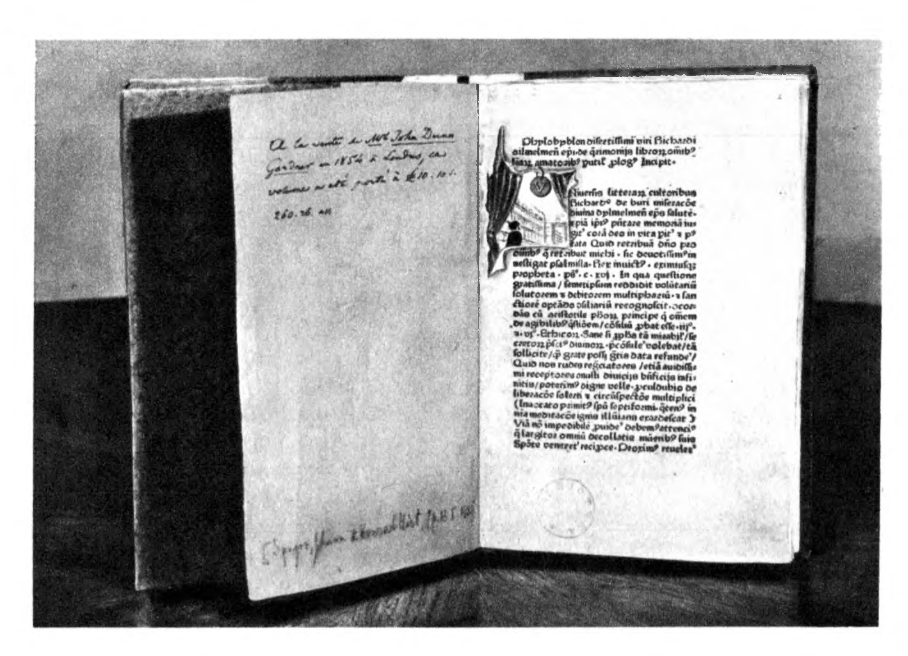
Историки предполагают, что Ричард Онжервиль, впоследствии получивший имя де Бери в честь родного города, родился в 1287 году. Получив блестящее образование в Оксфордском университете, он некоторое время состоял хранителем университетской библиотеки. Здесь судьба столкнула его с королем Англии Эдуардом II, пригласившим его в наставники к своему сыну.

Ричард де Бери учил наследника престола, помогал ему в трудные минуты жизни. И когда Эдуард III вступил на престол, он окружил бывшего воспитателя почетом и вниманием.

В конце 1333 года по просьбе короля папа римский назначает Ричарда де Бери епископом в городе Дурэме. Теперь у него появляется свободное время, и он полностью посвящает себя книгам. Все монастыри раскрывают двери своих библиотек перед дурэмским епископом. К концу жизни он собрал крупную библиотеку, которую завещал Оксфордскому университету. Однако после кончины епископа в 1345 году, как рассказывает один из современников, все его имущество, в том числе и книги, было разграблено. Не сохранилось даже надгробия на его могиле, но уцелела его печать. По ней одно из американских библиофильских обществ восстановило памятник.

Из некогда значительного собрания Ричарда де Бери до нас дошла всего одна книга. Ныне она находится в библиотеке Британского музея. Зато сохранился главный труд жизни этого человека, обессмертивший его имя: сочинение на латинском языке под названием «Филобиблон, или О любви к книгам» (в переводе с греческого языка «филобиблон» — любокнижие).

«Филобиблон» — это по сути дела завещание страстного любителя и собирателя книг. Ричард де Бери закончил его за три месяца до смерти.

«Филобиблон» Ричарда де Бери.

Хотя с тех пор прошло больше шестисот лет, небольшой томик о пламенной любви человека к книге привлекает внимание книголюбов и поныне.

«Филобиблон» состоит из двадцати глав. Первые семнадцать — гимн книге, в трех последних автор дает много советов и наставлений: как пользоваться книгами, как их собирать и беречь. «В книгах,— говорит автор,— я нахожу мертвых как бы живыми, в книгах я предвижу будущее... Они — учителя, наставляющие нас без розог и линейки, без криков и желчи, без одеяний и денег. Если ты обращаешься к ним, они не спят; если, допытываясь, спрашиваешь, они не прячутся; не ворчат, если ты заблуждаешься; они не умеют насмехаться, если ты чего не знаешь...»

Ричард де Бери горячо верил в бессмертие книги, в ее великое будущее. Учил собирать книги с разбором, использовать их для приобретения знаний, а не для украшения жилищ.

Книга дурэмского епископа увидела свет лишь после его смерти, но очень скоро приобрела широкую популярность. Известна примерно в сорока шести средневековых списках, трижды издавалась в XV столетии, пять раз в XVI—XVII веках и в начале XVIII века.

Впервые «Филобиблон» был напечатан в 1473 году в Кельне на латинском языке. Через четыреста лет переведен на английский и французский языки. В начале нынешнего столетия в разных странах появились переводы трактата и на другие языки. Лучшее его издание вышло в 1888 году на английском языке в Лондоне. В 1929 году в «Альманахе библиофила» помещены отрывки в переводе на русский язык.

В Ленинской библиотеке хранится второе издание книги, напечатанное в 1483 году в немецком городе Шпеере. Оно считается более редким, чем первое: сохранилось в меньшем количестве экземпляров.

«ВЫСШИЙ ТИП ЧИТАТЕЛЯ»

Мы часто говорим, что любим книгу. Что же мы в ней любим: содержание, героев, автора, создавшего ее, иллюстрации, неизвестных нам издателей или типографов?

Любовь к книге бывает разной: страстной и пристрастной, бескорыстной и корыстной, щедрой и скупой. Слепая любовь к книге, как к предмету, вещи, без высокой цели может сделать человека эгоистичным, убить в нем вкус, разум, заслонить жизнь. Сохранилось немало строк, осмеявших тщеславных книгонакопителей. Еще Сенека издевался над теми, кто не прочел даже заглавий книг своего собрания. А Лукиан написал против тех, для кого книга лишь модная вещь, целый трактат.

Рассказывают, что некий маркиз Шаламбре долго и терпеливо искал какую-то воображаемую им книгу. Не найдя ее, он в безумстве покончил с собой.

Английский писатель Хью-Джонс в юмореске, посвященной библиофилам, названной им «Всеми правдами и неправдами», нарисовал образ «библиофила» — раба собственных книг. «С чувством ужаса и симпатии я думаю об одном человеке,— пишет автор,— который сделался настоящей жертвой своей книжной мании... Его дом был набит книгами доверху; только в середине была оставлена маленькая — на одного человека — норка, от которой к входной двери вел узенький проход. Когда ему было нужно взглянуть в одну из имевшихся у него книг, он был вынужден выбираться из дома и покупать новый экземпляр этой книги — отыскать свой собственный ему было не под силу. Он был уже не владельцем, а рабом своих книг».

Припомним и карикатурное изображение лысого, бледного, крошечного Сарьетта из романа А. Франса «Восстание ангелов». Он способен был говорить только о книгах. «Рад был обратить в камень всякого просителя книги. Ему казалось зловещим, беззаконным и несправедливым, если книга покидает свою полку».

Любопытен и иной портрет «библиофила», нарисованный писателем: «Он вырывал из книг те страницы, которые ему не нравились, а так как

вкус у него был весьма разборчивым, то в библиотеке его не уцелело ни одной целой книги. Собрание его книг состояло из клочков и обрывков, которые он переплетал в роскошные переплеты».

Издавна сложился образ библиофила, одержимого страстью к книге, ревнивого собирателя книжных редкостей. Таких людей, как правило, называют библиоманами. Для них погоня за каким-либо уникумом становится манией. Бывает, что слепая страсть к книжным редкостям превращает человека в книжного могильщика. Сокровища библиотафов — так называют подобных книговладельцев — томятся, как невольники, в книжных шкафах.

Случается, что страсть к книгам приводит человека не только к заблуждениям, но и к преступлению. Знаменитый русский библиофил Д. В. Ульянинский как-то решил создать «Музей злоключений книг». В его коллекции находился портрет доктора богословия пастора Алоизия Пихлера, похитившего из Публичной библиотеки в Петербурге в 70-х годах прошлого века 4 500 редчайших изданий. Во время обыска на его квартире обнаружили тюки с украденными книгами, приготовленными для отправки за границу.

Пихлер не одинок. Вероятно, мировой рекорд по краже книг побил англичанин Рональд Коутори из Шеффилда. В его квартире нашли 100 тысяч книг, похищенных из публичных библиотек и книжных магазинов. Потребовалось восемь грузовиков, чтобы вывезти украденные книги.

Однако подобные факты не отражают истинную любовь человека к книге. Мы знаем подлинных ее друзей. Собиранию книг воздавали должное А. Пушкин и Л. Толстой, В. Брюсов и М. Горький, Ч. Дарвин, А. Эйнштейн, И. Павлов, Э. Циолковский. Можно было бы назвать немало имен людей, которые по праву носят высокое звание друга книги. Жизнь таких людей наполнена радостным трудом и истинной поэзией.

Как-то Анатоль Франс сказал о библиофилах, что «они такие же безумцы, как и влюбленные. Будем справедливы к ним». Для Анатоля Франса библиофил — это прежде всего человек, страстно влюбленный в книгу как в предмет старины, который ценит ее и по существу и как образец высокого типографского художества. В самом деле, можно ли не уважать человека, который преклоняется перед книгой как величайшим созданием человеческого гения, ценит книжное искусство, интересуется книжными редкостями, видит в собирании книг неисчерпаемый кладезь духовного обогащения и радости?

Еще в начале нынешнего века известный русский книговед и библиограф Н. А. Рубакин в книге «Этюды о русской читающей публике» с горечью писал: «Постоянный читатель, предъявляющий к книге известные запросы, в Российской империи не что иное, как явление единичное». Задумываясь над сказанным, мы не можем не увидеть, какой огромный исторический путь прошла наша Родина к вершинам знаний, культуры, науки, с тех пор как была написана эта книга. Мы законно

гордимся тем, что наша отчизна стала великой «страной читателей. Такой история не знала». Отражение этого факта мы видим в гигантских тиражах выпускаемой литературы для народа, в тысячах библиотек, в миллионах читателей, в огромной любви советского человека к чтению.

В 1974 году создано Всесоюзное добровольное общество любителей книги. Оно объединяет миллионы книголюбов. Читательские конференции и вечера, лекции и беседы, выставки, рассказы по радио и телевидению о литературных новинках, книгообмен — таков далеко не полный перечень тех добрых дел, которыми занимается общество.

Тысячи и тысячи друзей книги в городах и селах — это и читатели, и собиратели книг, и активные просветители, и пропагандисты печатного слова. Они несут любовь к книге, сами учатся лучше ее понимать и ценить и учат этому других. Благодаря их начинаниям растут и множатся духовные богатства народа. Книголюбы организуют народные библиотеки, создают клубы. Выходит «Альманах библиофила». На его страницах книголюбы рассказывают о лучших коллекциях, делятся опытом собирания книг.

Любовь к книге, чтению, собиранию книг — огромная культурная сила общества, один из показателей интеллектуальной жизни народа. Об этом явлении, получившем большое развитие в Советском Союзе, очень точно сказал поэт А. Твардовский: «У нас народился высший тип читателя — читателя-собирателя». Об одном из таких читателей-собирателей, чье имя широко известно книголюбам и чья жизнь может послужить полезным для них уроком, мы расскажем ниже.

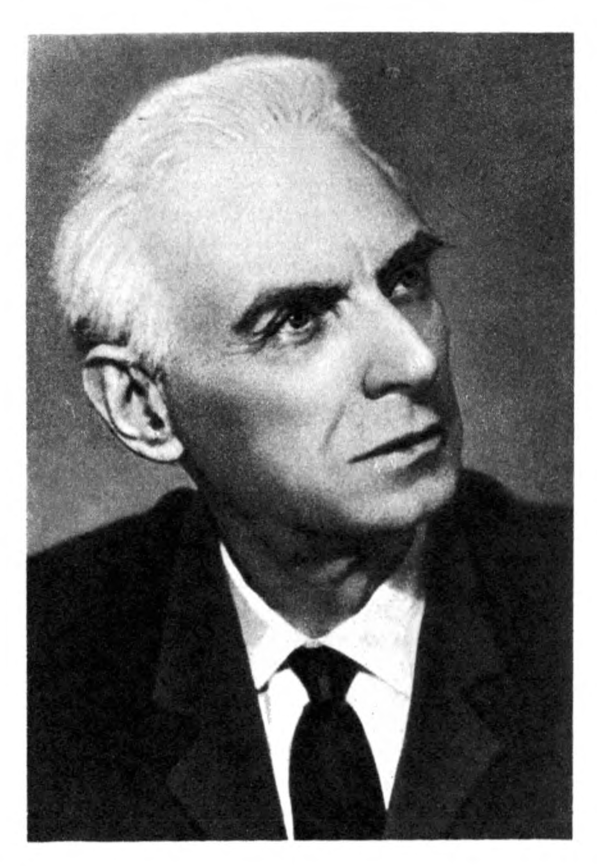
КНИГА БЫЛА ЕГО СТРАСТЬЮ

В 1965 году вышла в свет книга «О людях и книгах». Через два года издательство «Советский писатель» порадовало читателей очерками «Русские книголюбы». В 1971 году на прилавках магазинов появилась «История советского библиофильства».

Чем же примечательна эта «библиофильская трилогия»?

Автор названных произведений — Павел Наумович Берков. Он был одним из зачинателей советского книговедения — науки о книге. Произведения его давно стали настольными для книголюбов. Их читают и перечитывают. В них выражена целая программа отношения человека к книгам и их собирательству.

«Любя книгу,— писал Павел Наумович,— мы любим явление культуры определенной эпохи, любим те сгустки человеческого ума, чувства, воли, которые проявились в содержании и форме книги». Павел Наумович любил всякую хорошую книгу, редкую и нередкую, но в любом случае он интересовался и автором произведения, и историей его появления и распространения, и дальнейшей судьбой.

Павел Наумович Берков.

Как-то ученый сказал, что старые книжники не признают в нем библиофила в собственном значении этого слова. Любовь к книге ради книги, независимо от ее содержания, для Беркова была чужда, хотя многие из привязанностей библиофилов он всегда ценил.

Мне не довелось встречаться с Павлом Наумовичем. Но, слушая рассказы многих библиофилов, читая его письма к ним, на которые он был всегда щедр, нельзя не обратить внимание на одну общую черту, характерную для его отношения к собирателям,— высокое чувство уважения к их «умственным и художественным интересам».

На страницах написанных Берковым книг перед читателем проходит целая галерея портретов русских библиофилов. О некоторых из них

современные книголюбы знают мало. Между тем личность каждого из них представляет интерес своеобразной преданностью любимому увлечению.

Вот портрет видного библиографа и библиофила второй половины прошлого века Григория Николаевича Геннади. Его именем названо целое направление в библиофильстве. Одна из наиболее типичных черт этого направления — охота за книжными редкостями во имя личного обладания ими. «Собирателю таких книг,— утверждал Геннади,— приятна мысль, что книжные редкости принадлежат именно ему и очень мало и даже совсем нет таких же избранников, как он».

Интересен и портрет известного русского библиофила Д. В. Ульянинского — автора трехтомного описания собственной библиотеки, на собирание которой он потратил буквально всю жизнь.

Страстное увлечение редкостями привело библиофила к тому, что все его интересы сосредоточились на книге и, по его собственным словам, погубили в нем живого человека. Он признавал лишь издания безупречной сохранности, не разрешал их даже разрезать.

Глубоко уважая библиофилов, Павел Наумович писал: «Книжная страсть — высокая страсть. Но собирание книг — не предмет необузданного влечения. Оно должно носить осмысленный подход к книгам, чтению и их использованию». Любая личная библиотека должна вести к духовному обогащению человека, его интеллектуальному росту, помогать в его занятиях. В книге «Русские книголюбы» на примере судьбы личных библиотек трех гигантов отечественной культуры — М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина и А. М. Горького — автор показал «блестящие образцы русских частных собраний трех эпох, трех разных мировоззрений».

Интересно, как же ученый-библиофил относился к своей собственной библиотеке?

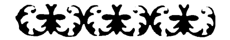
В очерках «О людях и книгах» автор задает вопрос: «Люблю ли я одинаково все свои книги? Не думаю. Но мне трудно расставаться с любой книгой моей библиотеки... Я сделал также наблюдение, что почти ни одна книга не является для меня абсолютно лишней; в какой-то определенный момент она оказывается нужной, полезной — либо мне, либо моим друзьям и ученикам». В заключение он говорит, что «не следует покупать все, что стоит на полках книжных магазинов,— авось когда-нибудь пригодится». Полезный совет.

Двери библиотеки истинного книголюба, по мнению Беркова, всегда открыты для тех, кто любит книгу и желает ею пользоваться. Главная прелесть собирания книг и состоит в том, чтобы передать как можно большему числу людей знания, опыт и вдохновение ученых, писателей, поэтов. Так поступал он сам всегда.

Павел Наумович собрал большую и ценную библиотеку с прекрасно составленной картотекой. Книги по русской литературе и театру. Среди них велико число изданий, выпущенных до XIX века. Широко представлена

в библиотеке литература народов СССР, произведения по литературоведению, книговедению и библиографии.

Павел Наумович долгие годы собирал материалы о библиофильстве, книгособирателях прошлого и настоящего. Мечтал написать книгу «Советские библиофилы, книголюбы, книгособиратели». Она мыслилась как биобиблиографический словарь друзей книги, путеводитель по библиофильским коллекциям, свод публикаций книголюбов. Его ученики и помощники сделали все возможное, чтобы задуманное Берковым довести до конца и подготовить к печати «Словарь библиофила».

Глава II

САМАЯ УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ОХОТА

Самая увлекательная охота — охота на книгу.

С. М. Эйзенштейн

СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ И КНИГ

Книги, как и люди, имеют собственные биографии. Есть книги с благополучными биографиями. Иные пережили многострадальные судьбы и сохранились в малом количестве. Многие сочинения не пощадило время. Сколько томов погибло в результате войн и стихийных бедствий, из-за людского невежества. Немало книг разбрелось по свету, и мы ничего о них не знаем или знаем еще слишком мало.

Оригиналы рукописей древних авторов до нас почти не дошли, и эти ценнейшие документы прошлого безвозвратно ушли в небытие.

Глубокий и яркий след оставила в памяти человечества знаменитая Александрийская библиотека — одно из самых замечательных книгохранилищ древнего мира. Здесь в наиболее полном виде были записаны поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». В эпоху Римской империи Юлия Цезаря, в I веке до нашей эры, число книг-свитков в библиотеке доходило до 700 тысяч. Все они погибли, как и сама библиотека, просуществовавшая почти десять веков.

Окончательно исчезли следы огромных книжных сокровищ Пергамской библиотеки.

А трагедия бесценных «дамасских свитков»... Из них монголы сделали мост через реку Тигр. По нему их полчища в XI веке двигались на завоевание Арабского халифата. Тысячи и тысячи сочинений погибли в пламени костров средневековой инквизиции. Костры из книг пылали и позже. Не избежала их и печатная книга.

К концу великого XV «типографского» столетия с печатного станка сошло около 40 тысяч названий книг общим тиражом почти 12 миллионов экземпляров. Сохранились из них немногие — не более 500 тысяч экземпляров. Книги эти — драгоценные памятники человеческой культуры. Они донесли до нашего времени труды Аристотеля и Платона, вдохновенные строки Данте и Петрарки.

Книги, выпущенные с момента изобретения книгопечатания в Европе и до 1 января 1501 года, книговеды называют инкунабулами. «Инкунабула» по-латыни означает «колыбель». Общее количество «колыбельных книг» в советских библиотеках составляет примерно 8 тысяч экземпляров. Самое крупное собрание из них хранится в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

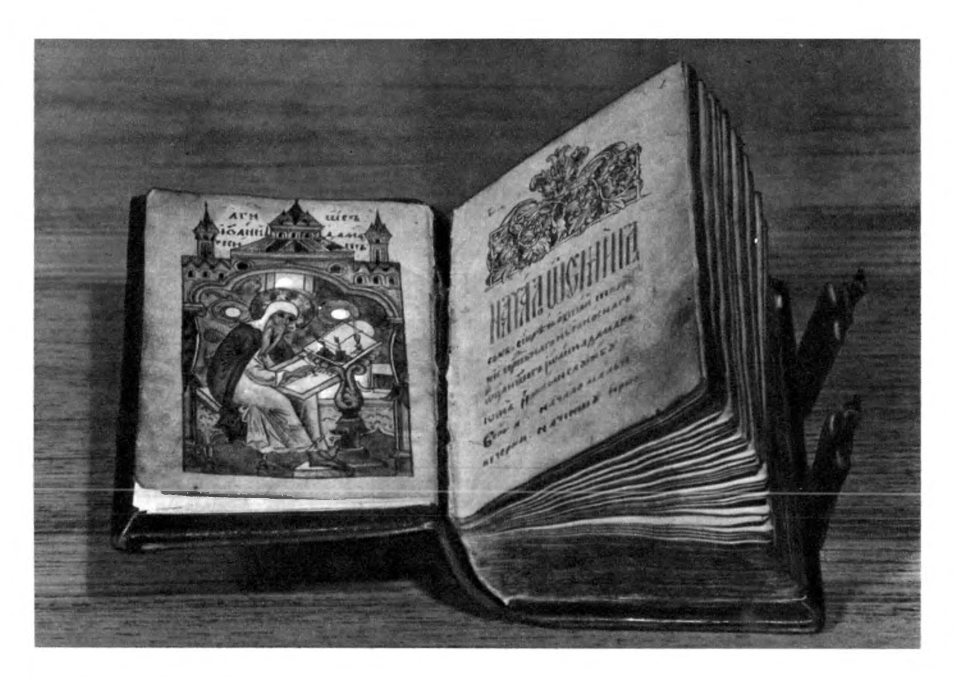
Невосполнимые потери понесла и древняя русская книга. Нашествия татарских полчищ, тевтонских рыцарей и ливонцев, пожары и междоусобные войны, сопровождавшиеся разрушением городов и монастырей, в которых в ту пору в основном были сосредоточены книжные богатства, погубили тысячи рукописей.

В одной из первых русских летописей — «Повести временных лет» — рассказывается о том, как на месте битвы с печенегами в честь святой Софии, богини мудрости, в 1037 году под руководством византийских зодчих был построен храм святой Софии, затмивший своим величием лучшие дворцы «Восточного Рима».

Летописец Нестор сообщает и о том, что в Софийском соборе около 1037 года Ярослав Мудрый основал книгохранилище. В нем было представлено самое полное собрание письменных памятников Древней Руси. В «Повести временных лет» Нестор писал: «Владимир засеял книжными словами сердца людей... Великая польза бывает от учения книжного. Мы приобретаем мудрость и воздержание от слов книжных, так как это реки, напояющие вселенную».

Куда же делось это собрание книг? Существует много самых различных предположений. Возможно, книги погибли в 1124 году во время огромного пожара, когда сгорел почти весь Киев. Может быть, они исчезли позднее, в 1240 году, когда полчища Батыя оставили на месте Киева лишь поросшие бурьяном песчаные холмы.

В 1052 году русские люди построили новую «Софию» — на этот раз в легендарном Новгороде. «Где святая София, там и Новгород!» — любили говорить новгородцы, гордившиеся собором. При нем они основали

Старинные рукописные книги — живые памятники мировой культуры.

и библиотеку. Многие ее книжные сокровища погибли. Однако эта книжная кладовая старины подарила нам первый датированный письменный памятник Древней Руси — «Остромирово евангелие» (1057). Книга эта хранится в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В новгородском Софийском соборе ныне воссоздан облик древней библиотеки. Придя сюда, можно зажечь свечи, и воображение легко перенесет вас в далекие времена. Здесь собрано более тысячи рукописных книг и старопечатных изданий, в том числе старинный трактат «Наказ писцам» о высоком значении письменного слова...

Печальна судьба и первых русских печатных книг. Ни одна библиотека не имеет полного собрания изданий первого века книгопечатания в нашей стране.

Как часто сами авторы уничтожали собственные произведения. Например, из тиража первого поэтического сборника Фета «Лирический Пантеон» почти ничего не сохранилось. Посчитав свой первый стихотворный опыт неудачным, он сам скупил у книгопродавцев нераспроданные экземпляры и сжег их.

От издания «Ганц Кюхельгартен», идиллии в стихах, первого юношеского сочинения Н. В. Гоголя, выпущенного под псевдонимом В. Алов, чудом сохранилось всего пять экземпляров. Отрицательные отзывы заставили автора скупить и уничтожить почти весь тираж.

Какие же книги мы называем редкими и почему они для нас столь дороги?

О КНИЖНЫХ РЕДКОСТЯХ

Заветная мечта всякого книголюба, особенно библиофила,— приобрести какое-либо редкое издание. Сочинение, скажем, времен первых кругосветных путешествий, мемуары участников Бородинского сражения под Москвой, письма декабристов или драгоценные листы, на которых Лермонтов писал стихи, Крылов — басни.

Любой библиофил был бы горд тем, что в его личной библиотеке хранятся книги, побывавшие в руках Державина, Карамзина или Герцена.

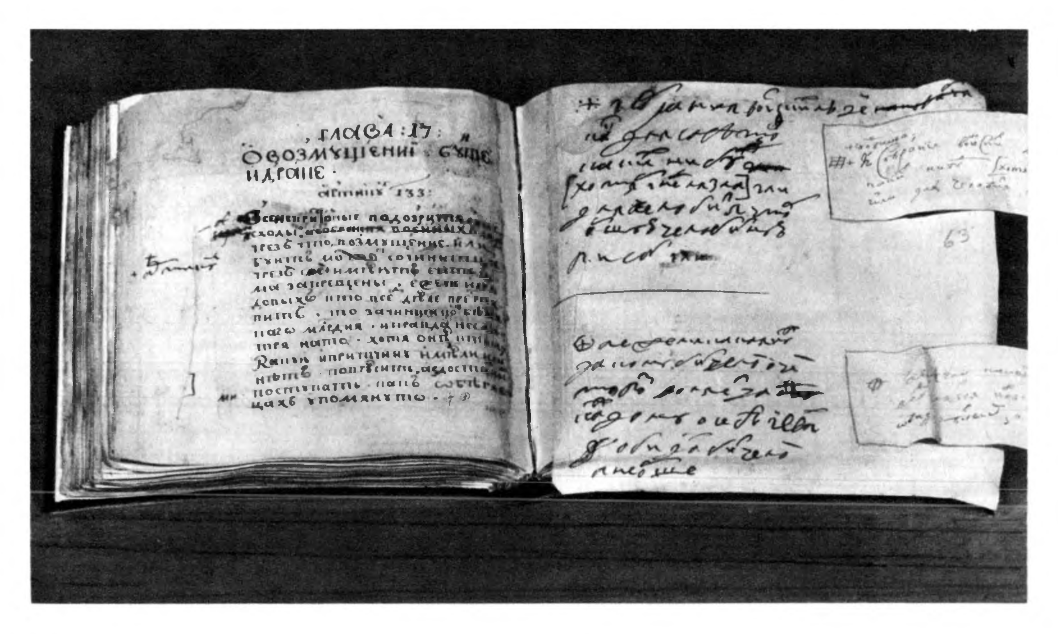
От стоящих на полках книг в потускневших кожаных или полотняных переплетах веет сухим, чуть горьковатым ароматом мудрой старины. Но в старой книге мы видим не один колорит той или иной эпохи. Книги эти пленяют наше воображение. Мы воспринимаем их как живое проявление нашей жизни, связывающей еще ближе настоящее с прошлым. Открывая книгу, которую, может быть, листал и перечитывал сам автор, мы как бы вступаем в особые с ним душевные связи. Кажется, будто дошедшие до нас книжные страницы хранят тепло рук самого автора. И тогда его мысли, выраженные в книге, становятся нам еще ближе.

Изучая биографии книг, можно лучше понять не только личность самого автора и время, в которое он жил и творил, но и воздействие тех или иных произведений на судьбы целых поколений, вплоть до наших дней.

Сколько волнующих страниц, например, в биографиях таких книг, как роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», тургеневские «Отцы и дети» или гоголевские «Мертвые души»! Каждое из этих произведений составило целую эпоху в общественной жизни России. Во многих городах мира есть даже памятники, поставленные в честь отдельных книг, сыгравших выдающуюся роль в истории человечества.

Что же прежде всего привлекает библиофилов в редкой книге?

Как правило, одним из главных критериев редкости книг служит количество сохранившихся экземпляров того или иного издания. Если книга даже самого величайшего писателя сохранилась в достаточном количестве экземпляров и доступна, ее не считают редкой. Однако очевидно, что редкость книги определяется не столько тем, в каком количестве экземпляров она сохранилась, где и кем она была издана, хотя и то, и другое важно. В первую очередь нас интересует содержание книги, ее историческая судьба, художественная ценность, о чем убедительно свидетельствует, например, судьба книги А. Радищева «Путешествие

«Воинский артикул» 1714 г. с правкой Петра I.

из Петербурга в Москву». Книга эта ценна для нас не только тем, что она сохранилась в немногом числе экземпляров, но и тем, что она сыграла замечательную революционную роль в истории нашей Родины.

Книга А. Радищева, которого Екатерина II назвала «бунтовщиком хуже Пугачева», находилась почти 115 лет под запретом, как и имя ее автора. Судьба этого человека, приговоренного за опубликование «Путешествия из Петербурга в Москву» к смертной казни и после помилования сосланного на десять лет в Илимский острог в Сибири, широко известна.

Второе издание книги А. Радищева было опубликовано в 1858 году в Лондоне и напечатано Герценом по неточной рукописной копии. В начале 70-х годов XIX столетия издатель П. А. Ефремов отважился выпустить двухтомник сочинений А. Радищева, включив в него и «Путешествие», но книги тотчас были уничтожены. В конце XIX века «Путешествие» издали тиражом всего 100 экземпляров для собирателей редкостей. В 1902 году издатель П. А. Картавов вновь попытался выпустить «Путешествие», но и на этот раз тираж арестовали и уничтожили. Только после революции 1905 года «Путешествие из Петербурга в Москву» стало доступно широкому читателю.

«История этой многострадальной книги,— писал Н. П. Смирнов-Сокольский,— история удивительная, почти напоминающая историю живого существа». Специалисты проследили судьбу всего семнадцати экземпляров, сохранившихся из тиража первого издания в 650 экземпляров, выпущенного в 1790 году. Четырнадцать из них находятся в советских библиотеках и музеях, в том числе четыре в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина и три в Пушкинском доме в Ленинграде.

Историк книги А. П. Толстяков немало времени потратил на то, чтобы выяснить, не сохранились ли где-либо еще экземпляры этого издания, судьбу которых ему удалось прояснить до определенного момента. Он приводит сведения о тринадцати таких экземплярах.

Так, в собрании русского журналиста и издателя А. С. Суворина находился один экземпляр «Путешествия». Об этом упоминается в каталоге книг А. С. Суворина, опубликованном в 1903 году. Суворинская коллекция книг поступила в Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, однако радищевской книги в ней не оказалось.

Отдельные экземпляры книги находились в различных частных собраниях: петербургского букиниста В. И. Клочкова, историка А. А. Кизеветтера, умершего в Праге в 1933 году. Где сейчас находятся эти экземпляры, нам неизвестно. Разыскивали специалисты и экземпляр «Путешествия», находившийся в свое время у библиофила В. М. Лазаревского, близкого знакомого Н. А. Некрасова и Т. Г. Шевченко. Этим экземпляром пользовался издатель П. А. Ефремов при подготовке к печати в 1872 году двухтомного собрания сочинений А. Радищева.

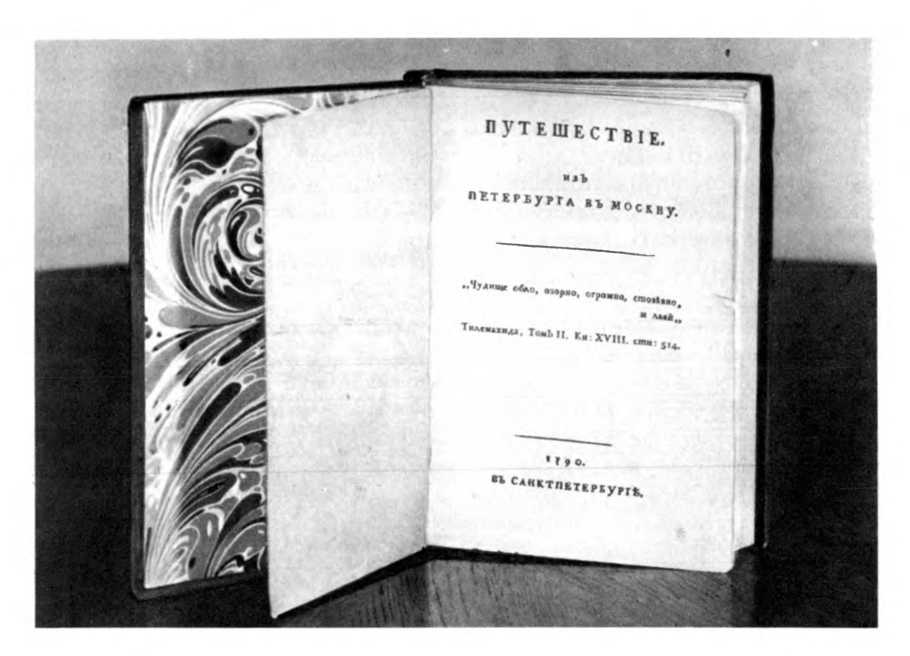
После Октябрьской революции, в 20-е годы, один экземпляр радищевской книги хранился в Одесской публичной библиотеке. Какова его дальнейшая судьба? В своей книге «Рассказы о книгах» Н. П. Смирнов-Сокольский задает вопрос: «Там ли он сейчас?»

Вот как на этот вопрос отвечает А. П. Толстяков: «Я послал письмо живущему в Одессе известному историку книги профессору С. Я. Боровому с просьбой сообщить о судьбе экземпляра Лазаревского и получил грустный ответ: «Книга Радищева в Одессе не сбереглась... В первые же дни войны были эвакуированы ценные издания, среди них была и книга Радищева. Теплоход, на который был «погружен Радищев», был потоплен (кажется, на рейде Поти?)».

Неужели исчез и этот экземпляр «Путешествия»? Или, может быть, след его отыщется с помощью оставшихся в живых свидетелей трагедии, разыгравшейся в один из суровых дней Великой Отечественной войны?

А. П. Толстяков говорит, что приводимый им перечень экземпляров «Путешествия» приблизителен, неполон и поиски должны быть продолжены.

Для рядового читателя любая книга, которую трудно приобрести, может стать редкой, ценной, но библиофил такую книгу не зачислит в редкости. И наоборот, какое-либо редкостное издание по технике полиграфического исполнения покажется иному читателю скучным, а для библиофила это

Первое издание «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Радищева.

находка. Как мы видим, редкость книги зачастую определяется и интересами собирателя.

Старинные книги — не просто предмет собирательства. Книги эти прежде всего живые памятники мировой культуры. Они сами частица истории, и благодаря им до сегодняшних дней мы можем слышать отголоски жизни наших далеких предшественников.

В старых книгах еще немало загадок. Многие из них еще не изучены, не описаны. И они ждут своих исследователей.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ КНИЖНОЕ УВЛЕЧЕНИЕ

Сколько сохранилось рассказов о счастливых встречах с книгой, ставших поводом для собирания личных библиотек!

Осенью 1904 года Демьян Бедный приобрел в одной из книжных лавок на Литейном проспекте в Петербурге две тоненькие книжечки: стихи поэта Кольцова и сборник русских пословиц и поговорок. Книжечки «поселились» в небольшом фанерном чемодане. Они оказались первенцами впоследствии одной из лучших личных библиотек нашего времени.

Четыре десятилетия поэт собирал книги. Все, что он делал, о чем думал, писал, чем жил, перекликалось с собираемыми им книгами. Он искал книги, которые ему были необходимы для изучения истории литературы, для своего собственного творчества. Искал подолгу, самыми разными путями и чаще всего находил. Пятнадцать лет разыскивал он комедию «Дон Педро Прокодуранте», написанную Яковом Чаадаевым. В ней автор, скрываясь под именем испанского драматурга Кальдерона, обличал сановников екатерининской эпохи. В Калуге поэт приобрел книгу М. Чулкова «Пригожая повариха» — подарок местной учительницы. «Русские сказки» В. Левшина разыскал на тульском рынке в куче макулатуры.

Сын Д. Бедного Свет Придворов, вспоминая о книжных увлечениях отца, писал: «У отца был острый «нюх» на старую книгу и какое-то особое счастье нападать на нужное издание... До самой смерти отец не переставал изумлять окружающих своими неуемными поисками редких книг... Уже совершенно больной, он все еще мечтал о каких-то редчайших экземплярах, которые, как он был уверен, удастся раскопать в тайниках букинистов».

Так складывалась эта знаменитая библиотека. На ее полках представлена буквально вся русская литература за три века: от Кантемира до Чехова и Горького — около 30 тысяч книг. Наиболее полно в ней были собраны издания трех самых любимых Д. Бедным писателей: Пушкина, Некрасова и Крылова.

Свое книжное собрание, о котором еще при жизни его владельца рассказывали буквально легенды, народный поэт передал в Государственный литературный музей.

В школьные годы, а затем и в студенческую пору Евгений Дмитриевич Петряев выступал в уральских газетах с короткими рассказами о прошлом Урала и Сибири, об их выдающихся деятелях. Увлечение родным краем сделало этого человека, по образованию врача и ученого-биолога, страстным рыцарем книжных поисков.

Прошли годы, и появились книги, автором которых был сам собиратель: «Исследователи и литераторы старого Забайкалья», «Литературные находки», «Люди, рукописи, книги», «М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке».

С именем Петряева связано создание литературных музеев в Чите и Кирове. Немало новых страниц открыл Евгений Дмитриевич в жизни А. И. Герцена и М. Е. Салтыкова-Щедрина в периоды их пребывания в Вятке (ныне г. Киров.— *Б. Г.*).

В одной из своих статей, «Библиофилы старой Вятки», автор рассказал об истории книжного дела в старой Вятке, которая издавна называлась «книжным сундуком» огромного края. Он проследил историю многих личных библиотек вятских библиофилов. «Их труды и дни достойны внимания всех, кто интересуется историей накопления наших книжных богатств»,— говорит Петряев.

Евгений Дмитриевич Петряев.

На страницах его книг нарисованы портреты замечательных людей прошлого, истинных «носителей книжности», имена которых несправедливо забыты, хотя их жизнь полна славных дел во имя просвещения народа, развития отечественной культуры.

Вот лишь одно имя: Николай Николаевич Блинов — составитель еще в прошлом веке первой «Азбуки» для удмуртских детей. Сколько интересного рассказал Евгений Дмитриевич об этом скромном человеке, столько сделавшем для целого народа!

Как-то собирателю задали вопрос: «Что побудило вас, ученого-медика, стать писателем, библиофилом?» — «На этот вопрос,— сказал Евгений Дмитриевич,— можно ответить вопросом, и не одним. Почему великий невропатолог В. М. Бехтерев в молодости писал стихи? А как не вспомнить сына врача, ученого-биолога Н. А. Холодковского, который известен как блестящий переводчик «Фауста»... Я уже не говорю о врачах Чехове, Вересаеве...»

Теперешняя личная библиотека Петряева — четвертая по счету. Первая погибла в годы минувшей войны, вторую он собрал в Сибири, третью — в Свердловске. В настоящей библиотеке около 10 тысяч томов. Это книжное собрание отражает его научные и литературные интересы, увлечение культурой родного края. Обширны коллекции книг о Сибири,

Урале, Вятском крае. Много редких изданий. Особо дорога подборка изданий «Слова о полку Игореве» и книг об этом редчайшем памятнике нашего прошлого.

В 1973 году, к 60-летию писателя, ученого, краеведа и библиофила, Кировская областная библиотека выпустила перечень работ Петряева и литературы о нем.

Путь к собиранию книг известного актера Бориса Чиркова начался с поэтических сборников, необходимых ему, начинающему актеру, для чтения дома вслух стихов. Поначалу он брал книги из библиотеки, а потом сам стал их собирать. «Однажды в магазине (это был конец 20-х годов),— вспоминает актер,— мне попались книги Н. А. Некрасова, выпущенные при его жизни. Я принес их домой, начал читать и вдруг почувствовал, что стихи Некрасова для меня как-то ярче звучат. Ярче, чем те же стихи в современном издании. И я решил собирать книги, изданные при жизни их авторов. Важно начать, а потом у тебя и глаза по-другому видят и среди множества книг найдешь необходимую. И вот год от года стала расти моя библиотека».

Пришло увлечение Пушкиным. На каком-то книжном развале однажды попалась тоненькая брошюра: прижизненное пушкинское издание «Братьев разбойников». Страстью библиофила стали прижизненные издания: Пушкин, только самое любимое, потом и его современники. Более сорока лет Борис Чирков собирает книги. В его личной библиотеке есть книги с автографами Жуковского, Майкова, Некрасова, Маяковского. Редкие «Песенники» XVIII и начала XIX века.

Пять десятилетий посвятил собиранию книг ленинградский музыкант Иван Борисович Семенов. Еще во время учебы на первом курсе Ленинградской консерватории он приобрел портреты-гравюры Пушкина и Чайковского. А дальше в его квартире появилась поэма Пушкина «Медный всадник» с иллюстрациями Александра Бенуа и несколько книг о Чайковском. Постепенно круг интересов коллекционирования молодого музыканта расширялся. Наряду с книгами он стал собирать автографы, редкие издания нот, экслибрисы, репродукции, марки, посвященные музыке и музыкантам.

Долгие годы формировалась эта своеобразная библиотека — музей русской музыкальной культуры. Книжное собрание насчитывает 1500 книг: мемуары, сборники, альбомы, словари. Немало редких изданий. Например, первый, выпущенный в России в 1795 году альманах «Карманная книга для любителей музыки». Книги по теории и истории музыки. С особой любовью коллекционер собирает скромные издания провинциальных авторов. Многие из них затерялись. Их не найдешь ни в какой библиотеке.

Наши короткие встречи с книгособирателями закончим рассказом о Владимире Кирпичкове. История его книжного увлечения сама по себе небезынтересна. Началась она еще в годы Великой Отечественной войны, когда он заканчивал десятый класс.

Как-то зайдя в дом одного из односельчан, Володя обратил внимание на фотографию Героя Советского Союза Александра Борисова. Заинтересовался: какой подвиг совершил этот человек, кто он, как сложилась его судьба? Стал расспрашивать, разыскал людей, знавших славного танкиста. Выяснил, что Александр Борисов погиб в 1941 году в неравном бою, уничтожив несколько вражеских танков. Так появилась первая заметка в ярцевской районной газете «Знамя Октября».

Маленький поиск помог воссоздать портрет человека героической судьбы. Стал и началом того дела, которое впоследствии заняло одно из главных мест в жизни Владимира Кирпичкова.

Ныне Кирпичков работает наладчиком токарных автоматов на заводе. В свободное время вот уже более двух десятилетий собирает книги и материалы о Героях Советского Союза. И собрал свыше двух тысяч книг, тысячи газетных и журнальных вырезок, письма, фотографии, альбомы, портреты, открытки, марки. Знакомство со всеми этими материалами помогает узнать немало славных страниц героической истории нашей Родины.

В составленной собирателем картотеке тысячи карточек. Каждая из них содержит краткие биографические данные героя и библиографию о нем. Алфавитный и предметный каталоги помогают найти необходимые материалы о людях, книгах, биографические справки. Отдельные карточки заполнены еще не целиком. Но собиратель верит, что придет время, и он или другие люди смогут рассказать гораздо больше о жизни и подвигах того или иного героя, о котором пока известно еще далеко не все.

В числе адресатов книголюба пятьсот Героев Советского Союза, их родные, друзья, библиотеки, музеи, издательства, школы. Уже опубликованы в журналах и газетах десятки его статей о Героях Советского Союза, об его увлекательных и столь важных для нас и будущих поколений поисках.

Пройдут годы, и, наверное, историки, изучающие незабываемые годы Великой Отечественной войны, помянут добрым словом книголюба, избравшего предметом своего собирательства столь благородную область. Кирпичков мечтает передать собранные им материалы в Государственную библиотеку имени В. И. Ленина или в Центральный музей Советской Армии.

Пять портретов книголюбов. У каждого своя тема подбираемых книг, свое увлечение, свой особый «собирательский почерк». Но всех их роднит одно: страстная любовь к книге и книжному поиску. И стремление не только сохранить находки для себя, но и сделать их достоянием многих друзей книги.

Собирание книг — огромный, многолетний труд. Не случайно библиофилов часто называют подвижниками. Но радость от этого труда огромна, как и радость от его завершения — находки. Недаром собиратели книг избрали своим девизом слова: «Искать и находить!»

«ИСКАТЬ И НАХОДИТЬ!»

В 1968 году в печати появилось сенсационное сообщение: американский филолог, профессор Массачусетского университета Юлиус Пиккус, работая в Мадридской национальной библиотеке, неожиданно обнаружил около семисот листов неизвестных до сих пор рукописей Леонардо да Винчи. Это и записи художественного, технического и научного содержания, и рисунки.

Недавно весь мир облетела весть о еще одной удивительной находке. В небольшом дорожном саквояже, помещенном в один из лондонских банков 150 лет назад, обнаружены были подлинные авторские рукописи «Паломничества Чайльд Гарольда» Байрона и рукописи стихотворений «Гимн интеллектуальной красоте» и «Монблан» Перси Шелли.

В 1974 году мы стали свидетелями нового книжного открытия — разгадки судьбы личной библиотеки М. В. Ломоносова. Долгое время считалось, что она утеряна. По данным историка Г. М. Коровина, потратившего много лет на воссоздание облика ломоносовской библиотеки, она насчитывала примерно семьсот названий. Лишь отдельные экземпляры книг, принадлежавших отцу русской науки, дошли до нашего времени.

Поиски библиотеки велись на протяжении почти двухсот лет и вот, наконец, увенчались успехом. В результате кропотливого изучения архивных документов советские исследователи обнаружили следы утерянного собрания. Они привели их в Финляндию, в Хельсинкский университет.

До так называемой «финляндской находки» были известны всего три названия из библиотеки М. В. Ломоносова. В библиотеке Хельсинкского университета среди двухмиллионного книжного собрания найдено сто двадцать семь книг. На пятидесяти семи книгах личные пометки ученого!

О поисках ломоносовской библиотеки, которые еще не окончены, рассказано в книге «Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова», вышедшей в 1975 году.

В 1977 году Хельсинкский университет передал в дар библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде пятьдесят пять книг из личной библиотеки М. В. Ломоносова.

С большим интересом встречено было известие о случайно найденной в 1956 году в Ялте части личной библиотеки писателя Владимира Михайловича Жемчужникова, одного из инициаторов и соавторов «Сочинений Козьмы Пруткова». О ялтинской находке подробно рассказал во втором выпуске «Альманаха библиофила» Александр Иванович Анушкин.

Обнаруженная библиотека раскрыла еще одно качество писателя: он был страстным книголюбом и собрал свыше тысячи томов, представляющих историческую и литературную ценность.

Литературные открытия, о которых мы рассказали, случаются не часто. Между тем любая такая находка, как документ определенной эпохи, раскрывает нечто новое, дополняет наши знания и о личности автора,

Знак клуба кировских книголюбов.

и о его творческом наследии. Иной раз обнаружение всего одной книги превращается в событие. Так, сотрудник Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина Н. Левкович случайно обнаружил в библиотеке книгу из личного собрания декабриста К. Ф. Рылеева. Один из пяти томов «Творений» Н. П. Николева, напечатанный в Москве в 1795 году. На книге скромный экслибрис: «Из книг К. Рылеева». Но где же хранятся все другие книги из этого некогда развеянного собрания? Их ищут.

Все большее число книголюбов включается в поиски утерянных или распыленных по разным библиотекам и музеям страны книжных редкостей, пытаются прояснить их судьбы.

Да, ищут книги — в букинистических магазинах, в частных собраниях. И находят. Немало таких драгоценных находок восполнили пробелы на книжных полках крупных государственных библиотек нашей страны. Но никакая самая крупная библиотека не справилась бы с подобной задачей без помощи бескорыстных друзей книги — книголюбов.

Несколько лет назад на страницах «Комсомольской правды» было рассказано о безуспешных попытках найти первые изданные работы К. Э. Циолковского. Сразу же после этой публикации книги были принесены в Ленинскую библиотеку одним книголюбом.

Как-то в Ленинскую библиотеку пришла бандероль из Парижа: автографы английского писателя Оскара Уайльда, французских писателей Проспера Мериме, Марселя Пруста и Пьера Лоти. Адресат, назвавший себя «русским, не забывшим Родины», рассказал в письме, что бумаги эти он подобрал на улице во время оккупации гитлеровцами Парижа.

Встречаемся мы и с иными фактами, когда тот или иной собиратель, не придавая должного значения хранимым в своей библиотеке книгам или документам, на долгие годы лишает специалистов возможности сделать их достоянием науки.

В 1972 году страну облетела удивительная новость — в Ленинскую библиотеку поступили автографы А. С. Пушкина: десять оригиналов рукописного текста. Материалы эти давно опубликованы. Но сами оригиналы до сих пор никто не видел и ничего о них не знал. Все это было напечатано либо на основе авторитетных списков, либо по первым публикациям.

Свыше ста лет драгоценные листки, написанные рукой поэта, находились в личном архиве семьи Миллеров и пережили, как установили специалисты, пять владельцев, пока не перешли в руки литературоведов и не обогатили Пушкиниану.

Найти какой-либо автограф, первое или прижизненное издание — дело трудное. Но, обнаружив маленькую зацепку, тоненькую ниточку и размотав ее, можно установить нечто важное в судьбах книг и их авторов. Об одной такой ниточке рассказывает 20-й выпуск «Записок отдела рукописей» Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

В 1957 году в ялтинский Дом-музей А. П. Чехова пришла небольшая бандероль из Пензы от Бориса Петровича Сацердотова. В ней лежали двадцать шесть пожелтевших от времени листов тонкой почтовой бумаги, написанных черными чернилами. В изящном, ажурном почерке специалисты тотчас распознали знакомое перо. Нетрудно представить радость сотрудников музея, державших в руках рукопись последнего прижизненного рассказа А. П. Чехова «Невеста». Однако в данном случае речь шла не о возрождении пропавшего оригинала, не просто о находке еще одного чеховского автографа, что само по себе всегда ценно. Полученная рукопись оказалась той самой ниточкой, которая позволила глубже заглянуть в творческую лабораторию писателя.

Из всего огромного наследия писателя до наших дней лишь к одному рассказу «Невеста» сохранились материалы всех стадий творческой работы автора — пять редакций, включая две корректуры. Присланный текст, как показало его сличение с опубликованным рассказом, существенно от него отличался. Стало ясно, что автограф рассказа «Невеста» — подарок Румянцевской библиотеке, сделанный в 1912 году М. П. Чеховой, лишь черновой вариант, а полученная рукопись — последняя прижизненная авторская редакция.

Каким же образом рукопись оказалась в Пензе? Отец Бориса Петровича в 1918 году приобрел на петроградской толкучке связку книг — их продавали в качестве бумажной макулатуры. Разбирая приобретенные книги, предназначенные для растопки печей, Сацердотов, тогда студент Лесного института, обнаружил среди книжных страниц случайно заложенную рукопись. Почти четыре десятилетия чеховский автограф хранился в его личной библиотеке. Не задумываясь о научном значении находки, собиратель считал, что сможет лучше сберечь для потомства строки любимого писателя. Поняв свою ошибку, он решил подарить рукопись сестре Антона Павловича, М. П. Чеховой. К сожалению, присланная в Ялту бандероль не застала ее в живых.

Как же чеховская рукопись попала на петроградскую толкучку? В конце февраля 1903 года писатель отправил начисто переписанный рассказ в редакцию «Журнала для всех». Редактор В. С. Миролюбов, забрав рукопись домой, заложил ее в одну из книг. Вместе с ней никем не замеченная рукопись в числе прочей макулатуры попала на рынок для продажи. В юбилейном чеховском выпуске «Литературного наследства» напечатан полный текст найденной последней редакции рассказа «Невеста».

Благодаря собранным в библиотеках рукописным материалам были опубликованы «Воспоминания А. А. Дельвига», «Дневник А. С. Пушкина», «Письма Л. Н. Толстого и к Л. Н. Толстому», сборники материалов о Н. В. Гоголе, И. А. Гончарове, Н. А. Некрасове, полный текст записных книжек А. П. Чехова и писем к нему.

УДИВИТЕЛЬНОЕ — РЯДОМ

Влечение к книгам у журналиста Александра Ивановича Анушкина проявилось с юношеских лет. В первой его «ученической» библиотеке хранилось немало интересных изданий. Вторая библиотека — свыше тысячи томов — была в Казани, но лишь незначительную ее часть он привез в Вильнюс, куда судьба его забросила после Великой Отечественной войны.

Здесь Анушкин собрал около трех тысяч книг, но и эта библиотека не уцелела. Последняя, четвертая библиотека составляла около двух тысяч книг. Самый большой ее раздел — исторический. Но в ней много книг по литературоведению и искусству. Хорошо представлена художественная литература, энциклопедии, словари. Старательно собирал книголюб произведения по истории книги и книгопечатания, библиографические работы.

Отдельные полки предназначены для прижизненных изданий выдающихся писателей и ученых. И наконец, «редкости» — плод долголетнего коллекционирования. «Трудно быть равнодушным,— говорил книголюб,— при виде этих живых памятников истории и культуры».

Вот «Естественная история» Плиния, напечатанная в Женеве в 1593 году, базельское издание сочинений Цицерона 1687 года, старопечатные редкости, прижизненные издания русских классиков.

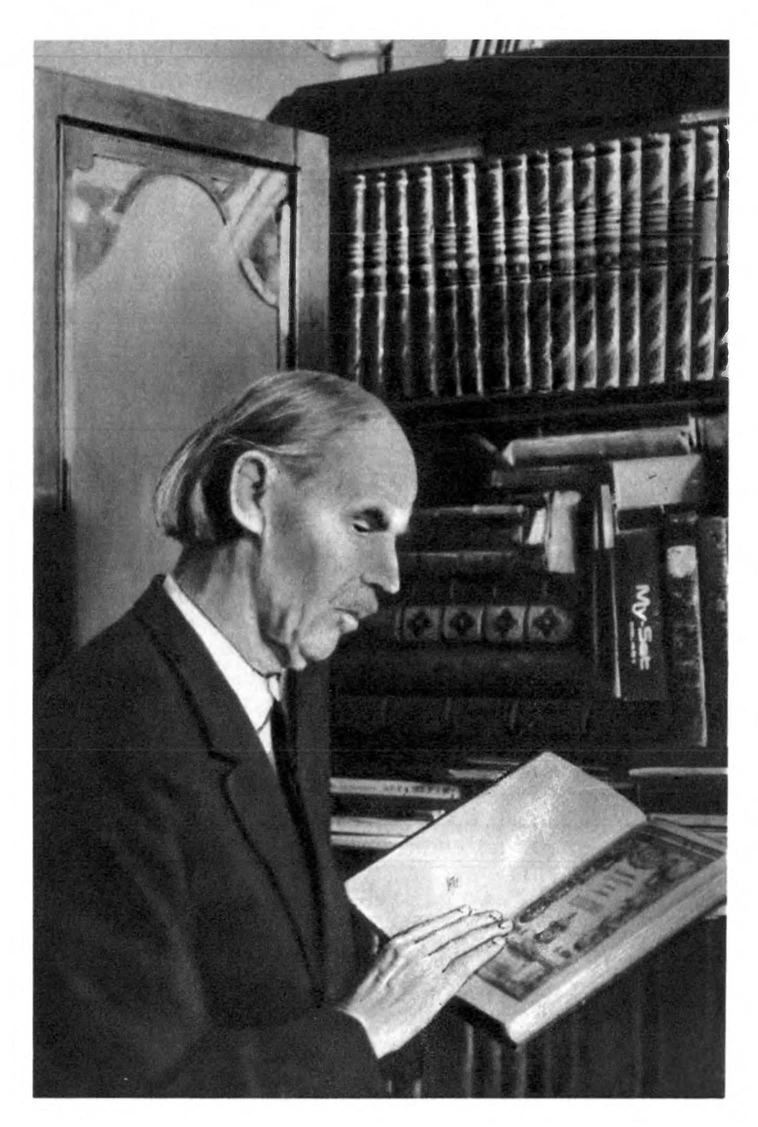
Долгие годы Анушкин посвятил поиску сатирических журналов 1905—1906 годов. Среди них есть и редкий первый номер журнала «Жупел», выходившего при участии А. М. Горького.

Изучая историю книги на восточнославянских землях, Анушкин собрал десятки микрофильмов о первенцах печати XVI—XVII веков, сохранившихся до наших дней в единственных экземплярах.

Особое место в библиотеке занимают миниатюры на бересте — плод одного из увлечений собирателя. Когда стало известно, что в Новгороде на раскопках нашли берестяные грамоты, библиофил задумал овладеть техникой письма на бересте — верхнем слое березовой коры. Задача эта оказалась нелегкой. Он кропотливо изучал берестяные грамоты, учился искусству мастеров-книжников древности. И вот, наконец, создана первая книжка на бересте. Он назвал ее «Книги — суть реки». Страницы небольшого томика украшены заставками и концовками и заключены в берестяной коричневой расцветки переплет. На каждой из страниц миниатюрной книги приведены выдержки из сочинений русских книжников о пользе для человека книг и их чтения.

В честь знаменитых находок Анушкин изготовил и копию первой берестяной книжицы, найденной при раскопках в Новгороде. Он перерисовал ее с фотоснимка, опубликованного в печати.

Возникла мысль — изготовить собрание миниатюр на бересте, посвященных одному из поэтических образов России — русской березке. Из рук «издателя» и «типографа» выходят один за другим необычные томики с отдельными строками из стихов Пушкина, Рылеева, Лермонтова,

Александр Иванович Анушкин.

Некрасова, Тютчева, Есенина, Маяковского, Прокофьева. Есть и томик с отрывками из поэмы чилийского поэта Пабло Неруды «Колокола России», где запечатлен образ русской березы. В отдельной книжечке строки из «Песни о Гайавате» Лонгфелло в переводе Ивана Бунина. В этой же серии книжица со стихами Ю. Ливеровского «Новгородская береста» и строки о березе из «Былины о Добрыне Никитиче». Антология «Белая береза» насчитывает семнадцать томиков, создано четыре сборника строк о березе из песен и двадцати восьми отдельных произведений, стихотворные строки девяноста авторов.

В разную пору жизни собирателя и разными путями пришли книги на полки его библиотеки. Иные — после обхода книжных магазинов во многих городах, где побывал журналист. В букинистическом магазине Вильнюса приобретено издание «Горя от ума» А. С. Грибоедова с иллюстрациями Д. Н. Кардовского, выпущенное в 1913 году. «Мертвые души» Н. В. Гоголя с 366 иллюстрациями — знаменитое подарочное издание 1900 года — куплены в Казани.

Анушкин получил премиальные деньги и все их потратил на покупку этой книги, в оформлении которой участвовало буквально целое созвездие лучших русских художников-графиков.

Любопытна история находки «Фауста» Гёте — роскошно иллюстрированной книги, напечатанной в России в 1899 году. Размеры ее 44×34 см. Кому-то иллюстрации показались «бесовского» характера, и книгу решили сжечь, но не успели. Теперь она украшает собрание Анушкина, а рядом с ней на полке примостилась книга-малютка — тоже «Фауст»,— изданная в Лейпциге в 1965 году размером 4×5 см.

«Какие из книжных находок для вас самые дорогие?» — спросил я как-то книголюба. «Самыми дорогими,— ответил Анушкин,— считаю два прижизненных пушкинских издания: «Братья разбойники» и «Повести Белкина», а также альманах «Сто русских литераторов». В первом томе альманаха впервые опубликован «Каменный гость». Дорого для меня, как пример Петровской эпохи, «Введение в историю Европейскую», напечатанное в 1723 году всего в 300 экземплярах. И такая находка, как небольшая книжица в кожаном переплете — «Политическое завещание г. Вольтера» с автографом М. И. Кутузова. Книжка эта, выпущенная в 1785 году, и автограф стали поводом поиска личной библиотеки великого русского полководца. Дорога мне и книга «Наш Дальний Восток». Издана она в 1897 году. На ней печатка-экслибрис «Крейсера 1 ранга «Аврора».

Особенно для собирателя были памятны книги его комсомольской юности. Одна из первых книг, которую он приобрел для себя еще в 1918 году,— это брошюра В. И. Ленина «Задачи пролетариата в нашей революции», опубликованная в 1917 году. Он не расставался с ней до последних дней жизни. Дорожил он и одним из первых изданий Советской власти — сочинением Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». «С этой книгой,— вспоминал Анушкин,— мне пришлось поработать не один день. Приобрел

ее в 1923 году, когда трудился на строительстве Волховской ГЭС. Тогда мы, комсомольцы, регулярно после трудового дня собирались в клубе на политзанятия и усердно изучали марксистско-ленинскую науку».

Анушкин всегда стремился прояснить судьбу приобретенных им книг.

Пытаясь воссоздать портрет ялтинского библиофила, я попросил Александра Ивановича рассказать хотя бы об одном из своих поисков. В ответ он прислал мне очерк под названием «Хорунжий Трофимов», помещенный в седьмом номере журнала «Уральский следопыт» за 1976 год.

Вот что написано в предисловии к очерку: «Как-то ялтинскому журналисту-книголюбу А. И. Анушкину местный фотограф А. И. Рябцов подарил комплект еженедельного приложения к газете «Русский листок» за 1905 год. Любопытный сам по себе, еженедельник заинтересовал книголюба владельческим книжным знаком — овальной печаткой, на котором значилось: «Из книг Муратовой Е. М. № 3826». Кто она? Затем в фондах городской библиотеки и в некоторых личных библиотеках ялтинцев были обнаружены другие книги с той же печаткой. Начались поиски. Они привели в краеведческий музей, в областной архив, на квартиры ялтинских старожилов, и выяснилось: поселившийся в Ялте перед войной М. В. Трофимов, будучи человеком преклонного возраста, заказал для книг своей библиотеки печатку с именем жены Е. М. Муратовой...»

В результате дальнейших поисков, занявших несколько лет, книголюб прояснил историю жизни человека удивительной судьбы, обладателя крупной библиотеки. М. В. Трофимов и его жена Е. М. Муратова были расстреляны гитлеровцами в Ялте в 1944 году.

Сколько таких поисков было в жизни Анушкина? Много. С его именем связана и находка библиотеки поэта-сатирика В. М. Жемчужникова, о которой мы уже рассказывали. Однако главный книжный поиск Анушкина — это изучение истории отечественного книгопечатания так называемого вильнюсского периода.

Собирая библиотеку, Анушкин заинтересовался судьбой книг первого века книгопечатания в нашей стране. Свои поиски он начал с вильнюсских изданий. На долю Вильнюса выпала честь зачинателя книгопечатания на территории нашей страны. В итоге многолетних поисков опубликованы книги: «Во славном месте Виленском» и «На заре книгопечатания в Литве». О результатах изучения первопечатных изданий Анушкин рассказал в книге «Тайны старопечатной книги. Поиски, находки, загадки».

С чего же начал собиратель-исследователь путь по следам первопечатников, занявший более двух десятилетий? Он обращается к книгам старых русских библиофилов и библиографов. Принимается за обследование книгохранилищ. Кропотливо изучает старопечатные книги. Пишет письма в библиотеки, архивы и музеи страны. Читает книги последующих веков, ищет в них упоминание о первенцах печати. Кто-то их видел, что-

то о них знает. Всего несколько строчек, небольшое упоминание. Но это уже, возможно, маленький след. И его надо проверить, прояснить, а потом дальше — на новые поиски.

Порой одна деталь — герб, орнамент, буквица, заставка, концовка, владельческая запись на книге — проливала свет на ее судьбу, подсказывала дальнейшие пути поисков.

Исследователю помогали советом, справками о дошедших до нашего времени первопечатных книгах многие библиографы и библиотекари. Из Орловской областной библиотеки сообщили, что там хранится книга 1600 года. В библиотеке Симферопольского университета было найдено «Евангелие учительное», напечатанное в 1619 году в Рахманове Кириллом Транквиллионом и сожженное церковниками как еретическое.

В Центральном Государственном архиве древних актов Анушкин обнаружил два экземпляра брошюры князя Андрея Курбского, бежавшего от царского гнева из Москвы в Литву. Любопытно название этого сочинения, напечатанного в 1586 году: «От другие диалектики». До этого считали, что книжка сохранилась всего в единственном экземпляре. В «Таврике» — библиотеке Крымского краеведческого музея — оказалась целая коллекция старопечатных изданий: пять книг XVI века и одиннадцать — XVII века.

Опять новые розыски, консультации, письма. Работа в библиотеках, архивах, музеях. Адреса старопечатных книг обнаружены были и в зарубежных странах. Из Польши прислали исследователю микрофильм о книгах, хранящихся в Корницком замке, где размещается филиал Польской Академии наук. Здесь находится и единственный известный экземпляр книги под названием «Апофегмат» — сборник повестей из жизни знаменитых людей античного мира. Он был составлен и издан белорусским ученым XVI века Беняшем Будным в Вильнюсе в 1599 году.

Из Копенгагена получен микрофильм с «Букваря языка славенска», напечатанного в 1618 году,— издание, о котором мы до сих пор ничего не знали. Между тем эта книга — предшественник и ровесник знаменитой «Грамматики» Мелетия Смотрицкого, по которой учился М. В. Ломоносов.

«Всякая новая находка, раскрытая тайна подливала масла в огонь,— рассказывал Анушкин,— и никакие отдельные неудачи уже не могли потушить этот огонь».

Постепенно складывалась картина о памятниках отечественного книгопечатания. Все меньше на ней оставалось «белых пятен». Из тетрадей и блокнотов выписки методически переносились на карточки. В каждой из них делались четкие записи: автор, содержание, источник, где та или иная книга описана или упомянута, место ее хранения, число сохранившихся экземпляров.

Так возник каталог истории старопечатной книги, в основном вильнюсского периода, неоценимый источник для исследователей. Каталог насчитывает 698 карточек — кратких биографий книг — первенцев отече-

ственного книгопечатания: с 1525 по 1625 год. Книги эти, как выяснил и установил Анушкин, находятся в 55 городах мира, из них 19—советские города. Причем 50 изданий дошли до нашего времени в единственных экземплярах.

Полная картина начального этапа русского книгопечатания еще не воссоздана. Но Анушкин был глубоко убежден, что пройдет время и мы раскроем загадки в судьбах московских, вильнюсских, львовских, острожских, киевских изданий — первых родничков, из которых впоследствии образовались могучие, полноводные книжные реки на территории нашей Родины.

В статье «О занятиях увлекательных и плодотворных» Анушкин писал: «Благородная страсть обуревает рыцарей книжных поисков. Главное здесь — не спортивный интерес и стремление найти и заполучить редкостное издание. Главное — не только стремление книголюба составить наиболее полное собрание по той или иной теме, но и духовное обогащение, расширение своего кругозора и, я бы сказал, исследовательский интерес».

Удивительное — рядом. Но как много надо иметь желания и приложить усилий и знаний, чтобы его обнаружить! И наконец, верно заметил Анушкин: главное в собирательстве — не сами по себе отдельные находки, а приобщение к поиску как можно большего числа энтузиастов-исследователей, кому дорого наше богатое культурное наследие.

Умер талантливый журналист и библиофил осенью 1978 года...

Глава III

ТВОЯ БИБЛИОТЕКА

У одних книги заполняют жизнь;
У других — только книжные полки.

Л. И. Гумилевский

БОГАТСТВО ПОД РУКОЙ

Что означают слова: «моя библиотека» или «библиотека собрана мною»? Приобрести книги — еще не означает создать библиотеку.

Есть библиотеки с неповторимыми чертами. В их подборе запечатлены и многие годы собирательства, и увлечение определенным родом книг, и глубокие знания. Конечно, такие книжные собрания выходят далеко за пределы обычных домашних библиотек. Собрать же библиотеку, которая, по словам художника Николая Рериха, стала бы «благородным знаком нашего дома», под силу каждому книголюбу.

«Библиотеку не надо делать, библиотека сама по себе делается,— писал А. М. Горький,— сама собой собирается. Идут годы, приходят и уходят друзья, книги все прибавляются и прибавляются. Смотрите, и вы уже ищете место для новых полок». Но давно известно, что книжная полка раннего детства — спутник человека на всю жизнь.

Трудно переоценить значение наших первых встреч с книгами, их воздействие на нас. «У каждого возраста свой Пушкин,— писал поэт Самуил Маршак.— Для маленьких читателей — это сказки. Для десяти-

летних — «Руслан». В двенадцать-тринадцать лет нам открывается пушкинская проза, «Полтава», «Медный всадник». В юношеские годы — «Онегин», лирика. А потом — стихи, и проза, и лирика, и поэмы, и драматические произведения, и эпиграммы, и статьи, и дневники, и письма... И это уже навсегда!»

Об испытанных в юные годы чувствах от первой встречи с хорошей книгой пишут в своих книгах, письмах и дневниках Гёте и Стендаль, Ромен Роллан и Томас Манн, Герцен, Тургенев, Горький.

Стендаль как-то признался, что встреча с книгой «Дон Кихот» Сервантеса была, пожалуй, самым важным событием в его жизни. Лев Толстой, прочитав «Записки охотника» Тургенева, записал в дневнике: «Трудно писать после него». Чехов, читая Льва Толстого, говорил: «С каждой новой страницей я становлюсь богаче, сильнее, выше!» Число подобных примеров велико.

С чего же начинается у каждого из нас первая книжная полка? Наверное, с нескольких томиков в переплете или в обложке. Поначалу, может быть, это был «Робинзон Крузо» или стихи Самуила Маршака, мужественные повести Аркадия Гайдара или увлекательные рассказы М. Ильина о науке, овеянные романтикой произведения А. Грина; Николай Островский или Александр Фадеев, чудесные очерки о природе Виталия Бианки, Жюль Верн, фантастика Рея Бредбери или Александра Беляева...

Несколько десятков приобретенных на первых порах книг кажутся беспорядочным, случайным собранием. На полке смешение имен, названий, эпох, языков. Проходит время. Мы продолжаем собирать книги. Теперь, правда, берем уже не все подряд, а то, что соответствует интересам ума и души. Невидимая нить связывает одну за другой книги в единое целое. Складывается библиотека, определяются главные пути подбора книг. В дом все чаще входят книги-друзья.

Начиная подбирать книги, редко кто-либо ставит перед собой какую-то окончательную цель — что собирать. К примеру, книги о великих мореплавателях, по истории математики или «все о Маяковском». Заинтересовавшись определенной темой, книголюб постепенно определяет для себя и круг собирательства.

Известный советский библиофил Н. П. Смирнов-Сокольский начал подбор библиотеки со сборников афоризмов, старых анекдотов и песенок, которые были ему необходимы как актеру эстрады. Библиофил В. И. Симаков еще в детстве увлекся народными песнями, сказками, частушками. Так возникла одна из коллекций книг по устному народному творчеству.

Как правило, большинство личных библиотек имеют универсальный характер. В них — политическая литература, художественные произведения, справочники, научно-популярные издания, фантастика, мемуары.

Есть библиотеки-«работяги». Здесь книги связаны главным образом с профессией собирателя. Врач собирает медицинскую литературу, инже-

нер — научно-техническую, агроном — сельскохозяйственную, литературовед — книги по литературоведению и критике.

Среди книжных собраний есть звезды первой величины. Популярность таких личных библиотек, их общественное значение велико.

Но какой бы ни была библиотека, общей или специальной, ее состав во многом зависит от интересов собирателя. Чего только не собирают книголюбы! Книги о великих мыслителях прошлого и настоящего и видных революционерах, о любимых писателях и актерах, о космических полетах и родных городах, о моде и кулинарии, альбомы и миниатюрные издания.

О некоторых библиотеках мы расскажем. Три тысячи поэтических томов собрал каменщик из города Саранска Г. Мелентьев. Больше тысячи сборников сказок народов нашей страны и мира хранит владивостокский писатель В. Кучерявенко. Интересно собрание сатирической литературы преподавателя Карельского педагогического института В. М. Морозова. Сергей Алексеевич Иванов вот уже более сорока пяти лет собирает книги по истории Дальнего Востока. Бакинский инженер-электрик Григорий Сергеевич Арзуманов посвятил свою книжную коллекцию городу Баку. Клавдий Васильевич Гладыш вот уже более четверти века собирает книги о своем родном городе — Полтаве.

Немало собирателей увлечены книгами по истории флота. Среди них Игорь Сергеевич Алебастров, житель города Иваново, в прошлом педагог; полковник-инженер Владимир Васильевич Лабуров. В их библиотеках лучшие труды флотоводцев. Большую ценность представляет «Русская морская библиотека» капитана 1 ранга в отставке известного ленинградского библиофила Я. Б. Рабиновича. За сорок лет он собрал 10 тысяч книг и журналов о море, кораблях и моряках — на русском языке и многих языках мира, около тысячи редких изданий, в том числе двадцать книг петровского времени. У него редкая коллекция книг XIX века с описанием первых русских кругосветных путешествий.

Некоторые книголюбы предпочитают собирать «всё» о каком-либо любимом писателе, ученом, актере, героях гражданской или Великой Отечественной войны, об истории отдельных заводов, театров, отдельных книг.

Встречаются собиратели — любители редких литературных курьезов, книжных диковинок, афористики. Собирают книги по самым разнообразным творческим интересам. Юрист Георгий Терентьевич Аресев из Ярославля собирает все, что написано о водопадах мира: книги, статьи, фотографии, легенды, стихи. Из этого увлечения выросла оригинальная книга о водопадах.

Социолог В. Петрицкий и библиограф Б. Казанков перечисляют более двухсот направлений книгособирательства. Думается, их гораздо больше. Мы просто еще не знаем многих и многих собирателей. По мере того как растут ряды книголюбов, расширяется и сама тематика книгособиратель-

ства. Однажды во время беседы с одним из книголюбов я спросил его: «Что вы собираете?» Он ответил: «Все, кроме монументов на площадях». И это действительно так, если сказанное отнести ко всем книголюбам.

Книголюбы, увлеченные какой-либо конкретной темой, как правило, не собирают крупные библиотеки. Их книжные интересы целенаправленны. Изучение любимых книг превращает таких собирателей в книжных знатоков — незаменимых помощников библиотек, издательств, ученых.

Полезное занятие — собирать хорошие книги. Но главное, чаще обращаться к ним. Еще предки наши говорили тем, кто покупал много книг: «Не в библиотеку клади, а в душу».

О ВЫБОРЕ КНИГ

При подборе библиотеки, пожалуй, один из главных вопросов заключается в том, какова цель собирания книг? Ответить на него можно и просто: «Для чтения». Первые частные библиотеки в России так и назывались — библиотеками для чтения. В самом деле, разве основное назначение книги не заключается в том, чтобы быть читаемой? Вовсе не обязательно быть библиофилом. Читают от сердечной склонности, из любознательности. Потому что надо — для дела, профессии, образования.

Чтение зависит от личных вкусов, увлечения, уровня образования, возраста. Вкусы и наклонности бывают разные. Для Пушкина Шекспир был «отцом». Он писал о «Борисе Годунове»: «Свою трагедию я расположил по системе отца нашего Шекспира». Лев Толстой считал неудачным «Бориса Годунова» и скептически относился к Шекспиру. Дарвин в молодости любил поэзию, а в старости предпочитал романы, причем обязательно с хорошим концом.

Ни одна библиотека не похожа на другую, как не похожи и сами люди и книги. Означает ли сказанное, что вообще невозможно выработать какие-то общие принципы составления личных библиотек?

Определить универсальную схему на все случаи жизни для собирателей бессмысленно. Трудно согласиться с категорическими суждениями, когда мы слышим: «В личной библиотеке должны быть не столько самые интересные, сколько самые необходимые книги». Или говорят так: «Собирайте все подряд, нет вообще бесполезных книг». «Собирайте то-то и то-то, а вот это не собирайте...»

Однако все же мы осмелимся высказать некоторые общие суждения. Как существует искусство чтения, очевидно, есть и искусство составления личных библиотек. Об этом свидетельствует богатый многовековой опыт, запечатленный в сочинениях выдающихся библиотековедов всего мира. Одним из них был Габриэль Ноде, книговед и публицист, профессор медицины, придворный врач Людовика XIII, библиотекарь Ришелье и Мазарини, а впоследствии главный библиотекарь Королевской шведской

библиотеки. В 1627 году он выпустил книгу «Советы для устройства библиотеки», получившую широкое распространение в Европе. На протяжении многих лет она служила настольной книгой библиотекарей. В ней автор сформулировал основные принципы составления библиотек, куда включил такие требования, как строгий отбор литературы, полнота собранного, внимательное отношение к «маленьким» авторам. С той поры, как была издана эта книга, прошло больше трех столетий, но многие советы Габриэля Ноде не потеряли значения и по сей день.

О том, как собирать книги и лучше устроить домашние библиотеки, написаны сотни книг. Обширное собрание таких книг — советчиков книголюбов — находится в кабинете библиотековедения Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в Москве. Среди них есть и специально написанные книги для юных книголюбов, молодых собирателей книжных коллекций.

Советы авторов этих книг можно принимать или не принимать. Но познакомиться с ними полезно. Чему же они нас учат? Собирание книг — это и целенаправленность, и осмысленный подход к отбору произведений, и настойчивость в книжных поисках, и знание основ библиографии, и умение читать книги,— таковы лучшие качества собирателя.

Широко известны слова: «Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты». «Вопрос о том, что читать,— говорил Лев Толстой,— это великий вопрос!» Наше отношение к книгам, то есть то, что мы читаем, оказывает огромное влияние на формирование личной библиотеки, но в первую очередь на формирование нашей личности. Ведь всякое книжное собрание — не просто увлечение, а прежде всего отношение человека к жизни. Наверное, эта позиция и позволяет наиболее верно оценивать то или иное книжное собрание и самого собирателя.

Книголюб постоянно выбирает. Но разве он не должен быть разборчив? Книги связаны с внутренним миром человека. И никто, кроме него самого, не может лучше разобраться в этом мире.

Иногда можно услышать, например, и такой совет: «Приобретать нужно только такие книги, которые с удовольствием перечитываешь. Все прочие книги можно брать в общественной библиотеке». Не все книги, которые мы стремимся прочитать, должны храниться дома. Просто невозможно такое. Как бы полны ни были наши книжные полки, без посещения общественной библиотеки не обойтись. Наконец, вообще мыслимо ли определить точные границы того, что мы хотим собирать и хранить в домашней библиотеке? Вопрос этот не простой. Вот как отвечает на него советский ученый и известный библиофил А. И. Маркушевич: «Книга прочитана — что делать? Но ведь нет такой хорошей книги, к которой на протяжении своей жизни вы несколько раз не возвращались бы. И это не только справочники, научные монографии, это и художественные произведения. Я, например, еще школьником прочитал «Войну и мир». Но разве я постиг ее? Я живу — и вновь и вновь возвращаюсь к этой книге.

и конца этому нет. Больше того, чтобы быть культурным человеком и поддерживать свою образованность на высоком уровне, нужно уметь не только перечитывать книгу, но и перелистать ее. Потому что, если за всю жизнь не очень много можно прочесть книг, то перелистать можно в десятки раз больше. И чем человек культурнее, тем больше он вынесет от вдумчивого перелистывания книги».

Нет спора, приумножать библиотеку всегда полезно. Но при этом, очевидно, не следует забывать старое мудрое изречение «Объять необъятное — невозможно», хотя бы потому, что не хватает места для книг. Писатель Виктор Шкловский как-то высказал такую мысль: «Если книги заполонили всю комнату, то клади их на кровать, а сам спи на полу».

Мы умиляемся, когда заходим в иную квартиру и видим повсюду книги: на полках, в шкафу, в прихожей и даже под кроватью. Однако разве подобная картина и есть выражение истинной любви к книгам? Сомнительно.

Личные библиотеки могут быть крупными и небольшими. Важно не количество книг, а любовь к ним, цель их собирания, содержание. В библиотеке великого философа Спинозы насчитывалось всего шестьдесят томов, но написанные этим человеком книги пережили многие века. Как-то, размышляя о том, сколько же надо человеку книг, Александр Блок сказал: «Интеллигентному человеку достаточно библиотеки в сто книг, но... эти сто книг нужно отбирать всю жизнь».

Главное в книгособирании не размер библиотеки, а отбор книг.

Подбирать домашние библиотеки облегчают так называемые литературные серии. Обычно их выпускают под единым серийным названием и оформлением. Как правило, издатели включают в серии лучшие произведения, и они посвящены какой-либо одной тематике.

Назовем лишь несколько современных серий, завоевавших признание читателей. Например, «Пламенные революционеры» — художественно-документальные повести о выдающихся революционерах. Или серия «Герои Советской Родины». Обе издает Политиздат.

О Родине, подвигах, чести — таково содержание «Библиотеки юного патриота» Воениздата. Разные по жанрам, тематике, литературной манере книги этой серии объединяет одно общее — героическое прошлое нашей Родины, страницы революционной борьбы, многообразная жизнь советских людей.

Гордость отечественного книгоиздания — «Библиотека всемирной литературы» — художественная летопись человечества. Она состоит из трех серий: литература Древнего Востока, античного мира, средних веков, Возрождения, XVII и XVIII веков; вторая серия охватывает литературу XIX века; и, наконец, третья серия — литература XX века.

В книгах «Библиотеки» показан многовековой путь развития литературы в ее высших образцах — от античной лирики, «Одиссеи» Гомера и до наших дней. Каждый том в отдельности и все двести — грандиозная картина всемирной литературы. На Международной выставке в Лейпциге

«БВЛ» — гордость советского книгоиздания.

в 1971 году книги этой серии были отмечены высшей наградой — золотой медалью «Гран-при» и в 1978 году серия была отмечена Государственной премией СССР. Мировую известность приобрели и такие серии, как «Библиотека поэта», «Сокровища лирической поэзии», «Жизнь в искусстве».

Широкую популярность завоевали многочисленные серии издательства «Молодая гвардия». Среди них серия «Дорогой отцов» — литература, посвященная комсомолу и молодежи. Хорошо знает читатель и такие серии: «Памятные даты истории», «Тебе в дорогу, романтик!», «Компас», «Эврика», «Честь, отвага и мужество», «Бригантина», «Спорт и личность». Книги этих серий стали добрыми спутниками юношества в дороге жизни.

Редко в какой библиотеке теперь не встретишь книгу, на корешке переплета которой белеет пылающий светильник — эмблема знаменитой серии «ЖЗЛ». Кто из читателей не мечтает собрать эти книги о замечательных людях всех времен и народов в своей библиотеке! Каждая из них — бесценный человеческий пример служения народу, Родине. Как увлекательно всегда перелистать страницы биографии Сервантеса или Жанны д'Арк, побывать в мастерской Ореста Кипренского или Михаила Нестерова, встретиться с знаменитым русским мореплавателем Витусом Берингом или с великим шахматистом нашего времени Александром Але-

хиным, мысленно пройти по дорогам героев-революционеров Никоса Белоянниса и Че Гевары.

С 1966 года издательство «Молодая гвардия» выпускает историко-биографический альманах «Прометей». Целый мир самых необычных открытий предстает перед молодым читателем на страницах книг этой серии.

Большое число разнообразных серий выпускает издательство «Детская литература». Например: «Легендарные герои», «Герой нашего времени», «Библиотека приключений и научной фантастики». С 1976 года издательство приступило к выпуску философской серии для подростков «Люди, время, идеи», а также к изданию 50-томной «Библиотеки мировой литературы для детей». В ней будет представлено более 120 писателей страны и мировой классики. Недаром на корешке переплета каждого из томов этой серии воспроизведена эмблема земного шара, пронзенного поэтическим пером.

Хорошая книга не может быть прочитана лишь однажды. Поэтому большинство личных библиотек собирается по принципу — моя любимая книга. Такая, которую всегда хотелось бы перечитать или просто перелистать, вспомнить отдельные места, любимые строки.

САМОЕ ДОРОГОЕ НА МОЕЙ КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Во всякой библиотеке есть полка, которую писатель Юрий Олеша назвал золотой. На нее ставят любимые книги, те, что оставили какой-то необыкновенный след в душе. Они — память лет, когда та или иная книга стала для человека учебником, началом знакомства с классикой или открытием волшебства поэзии, первым путешествием в глубь веков.

Золотая полка инженера И. Стрежнева — книги, иллюстрированные замечательным мастером Н. Кузьминым. Художник выполнил для библиотеки архангельского книголюба экслибрис. В Ленинской библиотеке есть картотека наиболее интересных книг из собраний старейшего советского библиофила Михаила Ивановича Чуванова, в прошлом наборщика. Не всякая книжная коллекция может быть удостоена такой чести — быть представленной в национальной библиотеке страны. Чуванов собрал 20 тысяч томов — редчайшую библиотеку, отражающую буквально весь путь русской книги. Здесь есть «Апостол» и «Острожская библия» первопечатника Ивана Федорова, подборка книг знаменитого русского издателя И. Д. Сытина о Москве. Особым почетом библиофила пользуются книги с автографами русских, советских писателей и ученых — таких изданий пять тысяч.

Богата библиотека аджарского художника Дурсуна Хасановича Имнаишвили. В ней около 12 тысяч книг: классические произведения русских, советских и зарубежных писателей, большое число книг по искусству. Особое место во всем этом книжном собрании занимает коллекция изданий

«Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели — жемчужины грузинской литературы. За сорок лет Имнаишвили собрал 200 различных изданий «Витязя». Среди них и первое печатное на грузинском языке с предисловием и под редакцией царя Вахтанга VI.

Книги прошлого века и нашего времени: на русском, украинском, литовском, немецком, французском, чешском и японском языках.

Как родилась идея создания этой золотой полки? Вот что рассказал Дурсун Хасанович: «В 1937 году отмечалось 750-летие рождения поэмы. За оформление юбилейного издания «Витязя» принялись лучшие грузинские художники, такие, как Кобуладзе, Тоидзе, Абакелия. В то время я учился в Академии художеств, и мне посчастливилось наблюдать, как они искали различные приемы и формы лучшего оформления книги. В своих поисках большое значение художники придавали встречам с библиофилами, сохранившими до наших дней редчайшие издания поэмы. Этот пример для меня не прошел бесследно. Он стал той искрой, что еще в студенческие годы зажгла во мне огонь любви к книгособирательству».

«Священное место» — так называет латышский книголюб Эдуард Кастиньш из города Бауска небольшой шкаф, где хранятся собранные им за многие десятилетия первые и прижизненные издания поэта Яна Райниса. На одной из полок — литературно-художественный журнал «Маяс виесис». Здесь впервые была опубликована символическая пьеса Яна Райниса «Огонь и ночь».

Вот сборник с переводом на латышский язык «Фауста» Гёте.

Одно из самых редких изданий «священного места» — сборник «Тихая книга», созданный в Швейцарии, куда поэт вынужден был эмигрировать из России после революции 1905 года. История этой далеко не тихой книги, которую автор посвятил жертвам революции и призыву к продолжению борьбы, примечательна. Напечатанная в 1909 году в Петрограде, она так и не увидела свет. По указанию царской цензуры в типографии книги были разрублены на части. В библиотеке книголюба есть один из немногих уцелевших экземпляров.

«Самое дорогое на моей полке» — это, конечно, и замечательные книги, судьба которых с момента их появления привлекала и продолжает привлекать внимание миллионов читателей во всех странах мира. Многих из авторов нет в живых. Сохранились их книги.

«Десять дней, которые потрясли мир» американского публициста Джона Рида и «Огонь» французского писателя Анри Барбюса, «Репортаж с петлей на шее» чешского писателя, борца-антифашиста Юлиуса Фучика и «Дневник» юной датской патриотки Анны Франк. «Моабитская тетрадь» Мусы Джалиля и «Молодая гвардия» Александра Фадеева — не выдуманные книги, а документы живой и волнующей истории нашего века и необыкновенной судьбы людей, оставивших после себя страницы, написанные кровью сердца. За этими книгами люди, жизнь которых для нас —

пример. Они — наши спутники, источник, в котором мы черпаем мужество и веру в победу разума. Книги эти хранят, читают и перечитывают.

Как-то «Комсомольская правда» опубликовала анкету под названием «На Марс — с чем?» Многие читатели прислали в редакцию газеты ответы. Среди десяти лучших книг советской литературы назван был роман Николая Островского «Как закалялась сталь».

Книгу не назовешь редкой. С первых дней появления романа на страницах апрельского номера журнала «Молодая гвардия» за 1932 год и до наших дней он выходил многотысячными тиражами. С начала опубликования и до 1979 года книга эта издавалась только в нашей стране 432 раза на 61 языке, общий ее тираж достиг почти 25 миллионов экземпляров.

«Как закалялась сталь» — одна из самых любимых, настольных книг советской молодежи. Говоря о Павле Корчагине, Александр Фадеев писал: «Во всей советской литературе нет пока такого другого пленительного по своей чистоте и в то же время такого жизненного образа».

Биографию Николая Островского знают все. Судьба его произведения сама приобрела героический характер. Никакая другая книга за четыре последних десятилетия не имела такого успеха и не оказала столь огромного влияния на умы и сердца людей, как эта. К роману написали вступительные статьи и предисловия М. Кольцов, А. Караваева, Р. Роллан. Книгу иллюстрировали лучшие художники. Переводили на иностранные языки известные переводчики. О ней написаны сотни статей и книг, на ее основе сделаны театральные постановки и кинофильмы.

В Москве, в Музее Николая Островского, собраны отдельные экземпляры разных изданий романа «Как закалялась сталь». Каждый из них — маленькая, но значительная страница истории самой книги.

Сколько раз книгу запрещали, сжигали, уничтожали, за ее чтение людей преследовали и бросали в тюрьмы. Она была сожжена в Тегеране. Лишь один экземпляр из всего тиража, брошенного рукой палача в костер, уцелел. Юному смельчаку удалось выхватить из пламени обгоревшую книгу, которую и можно увидеть в музее.

Когда в Германии к власти пришел Гитлер, книгу запретили. В 1937 году ее перевели на французский язык и издали в Париже. Во время оккупации Франции гестапо арестовало переводчика Валентина Фельдмана, профессора Дьепского университета. 27 июня 1942 года его расстреляли.

Обращаясь к Николаю Островскому, Ромен Роллан писал:

«Верьте мне, что если в вашей жизни и были мрачные дни, она сама есть и будет источником света для тысяч людей».

Свет книги Николая Островского проникал через тюремные решетки и цензурные запреты в сердца людей, будил мысль, придавал силы и веру борцам за свободу.

Осенью 1935 года дочь известного болгарского революционера Н. Цырвуласова нелегально переслала роман заключенным Старо-Загор-

ской тюрьмы. Здесь, в камере, за двадцать пять дней его перевели на болгарский язык и восемь экземпляров переписали от руки. Их передавали из камеры в камеру и читали тайком от надзирателей.

Книга сражалась в Испании, на Кубе, помогает бороться за свободу чилийским патриотам. В музее хранится обожженный экземпляр без первых страниц, найденный в подбитом танке капитана Вайновского. Рукой советского офицера сделана надпись: «Она прошла вместе с нами боевой путь. Ее читали танкисты и бойцы 12-й Интернациональной бригады генерала Лукача — Мате Залки — друга Николая Островского». «Самого храброго и умного бойца мы называли Корчагиным»,— написано на маленьком томике, подаренном музею кубинскими революционерами. С ним они сражались против диктаторского режима Батисты.

На одной из книг, хранящейся в Музее Островского в городе Шепетовке, есть такие слова: «Жаль, что нет обычая награждать книги за их боевую славу. Книгу «Как закалялась сталь» можно было бы наградить орденом Отечественной войны».

Лучшей наградой для книги стал сам факт ее участия в борьбе за победу нашей Родины в годы Великой Отечественной войны.

Вот боевая биография одного из экземпляров книги. Ни обложки, ни переплета, ни титульного листа не сохранилось. Начинается книга с 231-й страницы. Меж строк мы читаем слова: «Наш боевой счет за прошедшие бои: 1. Уничтожено 500 немцев. 2. Отбито 6 танковых атак». Книга принадлежала участникам легендарного морского десанта, высаженного под Новороссийском. Семь месяцев советские воины сдерживали на Малой земле вражеские атаки. В свободные минуты читали вслух «Как закалялась сталь», которая придавала им силы, вселяла веру в победу.

Один из дошедших до нас экземпляров книги, напечатанный в 1936 году, служил в батальоне с рядовым Александром Матросовым. Может быть, накануне подвига солдат-герой читал его...

В дни Сталинградской битвы в груде камней и разбитых вещей бывшего студенческого общежития солдаты случайно обнаружили экземпляр книги, разорванный и испачканный в саже. Он стал символом мужества советских воинов — защитников города-крепости на Волге.

Судьба еще одного экземпляра «Как закалялась сталь» трагична. В дни войны его послала на фронт вдова писателя Р. П. Островская. Книга прошла вместе с солдатами от Витебска до Восточной Пруссии. Она хранится в музее. На ней следы крови героя-комсомольца Ф. Федотова.

Совсем недавно в Москву привез томик романа из Чехословакии бывший партизан интернационального партизанского отряда имени Николая Островского Р. П. Автомонов — первое издание книги на чешском языке 1936 года. Ее передали в музей Карел и Божена Шпирковы в знак чешско-советской дружбы. Книга эта более сорока лет, как они пишут в письме, была украшением их домашней библиотеки.

Разные издания, все они тесно связаны с судьбами людей, которым принадлежали. Есть одно общее, что роднит книгу Николая Островского с теми, кто ее читал, любил и стремился сберечь: вера в человека, в победу передовых идеалов нашего времени. «Эта книга заставляет гордиться званием человека»,— сказал английский писатель Джек Линдсей.

Значение этой книги в жизни молодежи всего мира велико. Например, в Германской Демократической Республике знакомство с романом Николая Островского обязательно для юношей и девушек, вступающих в комсомол, как и с тремя другими книгами: «Седьмой крест» Анны Зегерс, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого и «Молодая гвардия» А. Фадеева.

Мы рассказали о волнующей судьбе одной книги. Она живо перекликается с судьбами других книг — бесценных реликвий Великой Отечественной войны.

КНИГИ ГЕРОИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ

Осенью 1975 года в Москве состоялась Международная выставка книги. На ее стендах демонстрировались тысячи книг из 44 стран мира. Каких только здесь не было изданий! Книги-политики и книги-ученые, книги-путешественники и книги-справочники. Шедевры полиграфического искусства.

Среди многочисленных разделов выставки был один, у стендов которого люди чаще молчали, пристально вглядываясь в книги. Стояли, как стоят у Вечного огня. Здесь собраны были книги-герои, книги-бойцы. Они прошли вместе с советскими воинами по дорогам Великой Отечественной войны.

Выглядят книги скромно. Их переплеты или обложки, как и сами страницы, точно выцветшие солдатские гимнастерки. Как правило, напечатаны на плохой бумаге. Многие поблекли, пожелтели. Одеты в тонкие обложки. Ни золотого, ни красочного тиснения.

Книги эти жили в блиндажах, их читали при тусклом свете коптилок. Несли за плечами в вещевых мешках в стужу, под дождем, бомбежками. Некоторые из них без переплетов, без отдельных страниц. Пробиты осколками, прошиты пулями, обожжены. Нередко на книгах и следы крови читателей-солдат, павших в бою.

Небольшая книжечка со следами ожогов на обложке — поэма В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Ее спасли от пожара и сберегли бойцы. «Эту книжечку я пронес через всю войну»,— написал на ней Я. А. Фундаренко. Почти три десятилетия берег солдат книгу. В 1974 году в канун Дня Победы он подарил ее Музею В. В. Маяковского в Москве. Рядом на стенде еще одна книга Владимира Маяковского, вышедшая в 1941 году. «Любимая книга — спутник боев и походов — находилась со мной все время войны на торпедном катере, прошла оборону Одессы, при гибели катера во время боев в Азов-

Книги фронтовых лет.

ском море в июле 1942 года спасена личным составом. Пробита осколками разрывной пули в бою с торпедными катерами противника 13 сентября 1943 года» — такую запись на книге сделал старшина 2-й статьи М. Бошоткин.

Еще одна книга. На ее страницах запись солдата 16-й Литовской дивизии Йонаса Юргайтиса, сделанная у орловской деревни Семидворки, сожженной гитлеровцами. Неподалеку от пепелища боец нашел случайно уцелевшую розу. Он вложил в книгу ее лепестки — память об освобожденной земле, на которой он воевал. История эта вдохновила поэта Межелайтиса на балладу «Звезда и роза»...

Фронтовые библиотеки были небольшими. Многого с собой на передовую не возьмешь. Поэтому выбирали самое необходимое, дорогое. На выставке можно было увидеть томики произведений М. Шолохова, Н. Островского, В. Василевской, К. Паустовского, А. Твардовского.

9 марта 1942 года в «Правде» был напечатан небольшой рассказ Сергеева-Ценского «Хитрая девчонка» — о смелой восемнадцатилетней санитарке, а затем выпущен миллионным тиражом. Размер книжки был рассчитан на карман солдатской гимнастерки — так выпускали книжки в то время.

Велика была роль печати и книги в партизанских отрядах, сражавшихся в тылу врага. «Высылайте боеприпасы и обязательно 200—300 экземпляров «Правды»,— радировали минские партизаны на Большую землю. К 1944 году в захваченных врагом районах нашей страны выпускалось 270 подпольных партизанских газет.

Удивительна судьба сборника стихотворений белорусского поэта Анатоля Астрейки «Слуцкий пояс». На книге обозначено место и время ее издания: партизанский лагерь, 1943 год. Сборник отпечатан в подпольной партизанской типографии тиражом 1000 экземпляров.

Представить только: в те дни, без достаточного оборудования, без специалистов, в какой-то полутемной лесной землянке самодельно отпечатать такой тираж — ведь это само по себе подвиг! Вот почему книга начинается посвящением Володе Канановичу, одному из главных печатников — народному мстителю и умельцу.

Бумагу и краски партизаны раздобыли у немцев. Клише вырезали на дереве, печатали полистно, по нескольку экземпляров, сшивали книгу медной проволокой. Брошюровали и тотчас экземпляр за экземпляром посылали в отряды. Книгу читали партизаны, жители деревень, оккупированных гитлеровцами, передавая ее из рук в руки.

На обложке книги имя партизанского художника Александра Золотого, которому помогал сделать обложку партизан Саша Беляев. В годы войны Золотой был помощником начальника штаба партизанской бригады имени Чкалова. Сюда же в 1943 году прилетел из-за линии фронта белорусский поэт Анатоль Астрейка.

Книгу в 1963 году нашел журналист, в прошлом тоже партизан, М. Дастанка. Он ее редактировал в 1943 году. Ныне книга-партизанка хранится в Слуцком краеведческом музее, родном городе поэта. В музее можно увидеть еще одно издание сборника стихов Анатоля Астрейки. Оно заново выпущено в 1963 году на прекрасной бумаге, точно в таком же формате, как и первое, в память о тех годах войны. На Всесоюзном конкурсе на лучшее оформление и полиграфическое исполнение книг в честь 50-летия Великого Октября «Слуцкий пояс» был отмечен дипломом.

Напав на Советский Союз, гитлеровцы не только пытались уничтожить наше государство, но и стремились поработить советский народ, разрушить отечественную культуру. Они сожгли свыше 50 тысяч общественных библиотек, в огне которых погибли миллионы книг. Погибли и многие личные библиотеки. Одна из них принадлежала писателю Юрию Тынянову. Вместе с книгами безвозвратно исчезли и собранные им рукописи русских писателей и поэтов XIX века.

6 января 1942 года умер от голода во время ленинградской блокады писатель-фантаст Александр Беляев, произведения которого изданы миллионными тиражами. Разграблена и его библиотека в Пушкине, под Ленинградом, где жил и написал свои замечательные книги писатель.

Уничтожена и большая часть библиотеки в Алуште писателя Сергеева-Ценского.

Вениамин Каверин как-то рассказал, что, уходя на фронт, он забрал с собой в полевой сумке письма Максима Горького — они уцелели. Весь остальной архив погиб во время блокады в Ленинграде.

Не страшась смерти, в годы оккупации советские люди берегли книги, прятали их в подвалах, на чердаках, закапывали в землю. Каждая такая книга была для них оружием в борьбе с врагом. Спасая целые библиотеки, они знали, что настанет день, когда книги вновь понадобятся и по ним будут учиться их дети и внуки. На выставке можно было увидеть том В. И. Ленина, сохраненный в годы войны сельской учительницей.

Когда фашистская армия оккупировала Донбасс, в то время Володе Москаленко было пятнадцать лет. Юный герой спрятал на чердаке целую библиотеку. К ним в дом, где он жил с отцом, приходили партизаны. Однажды над домом Москаленко нависла угроза. Володя зарыл все книги в землю. Пятьдесят из них сохранилось. Каждая из спасенных книг может рассказать о многом. И конечно, о людях, которые в те дни их читали и шли в бой с врагом.

Многие книголюбы берегут книги героической судьбы. Одной из них стала для нас книжка — первый документальный рассказ о подвиге героев-комсомольцев Краснодона, небольшой сборник «Герои Краснодона». Он был выпущен ЦК ВЛКСМ в 1943 году. В сборнике собраны материалы и документы о работе в тылу врага подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия»: письма молодогвардейцев, тексты листовок, слова клятвы. Здесь же и знаменитая записка Любы Шевцовой, написанная ею матери за несколько часов до расстрела: «Прощай, дорогая мама. Твоя дочь Люба уходит в сырую землю...»

На основе этих и многих других материалов, собранных А. Фадеевым по следам живых событий в Краснодоне, была написана и опубликована в 1946 году «Молодая гвардия». Несмотря на то что сборник «Герои Краснодона» был издан стотысячным тиражом, он сегодня представляет большую редкость и напоминает об истории рождения романа и о героическом подвиге краснодонцев.

Прошло больше тридцати лет, как закончилась Великая Отечественная война. Многие из книг тех суровых лет безжалостно уничтожило время. Сохранить и сберечь книги, прошедшие фронтовые версты вместе с советскими воинами до Дня Победы,— святой долг всех книголюбов!

ДЛЯ ЛЮДЕЙ И ДЛЯ СЕБЯ

Говорят, что книгу надо беречь: ее могут «зачитать» — слово древнее. Наши предки на Руси, наставляя юных отроков, говорили: «Читай книгу, да не зачитывай». За примерами далеко ходить не надо, чтобы рассказать

о библиофилах, которые как огня страшатся просящих книги: «Всё, кроме книги».

Для некоторых собирателей любая книга — святая святых и дать ее прочитать они согласны далеко не всякому. Есть и иные собиратели. «Книги на то и печатают, чтобы их читали», — говорил Лев Толстой. Вспоминая о встречах с Максимом Горьким, писатель Всеволод Иванов писал: «Он собирал книги, любил их, дорожил ими, но если вам нравилась какая-нибудь из иногда чрезвычайно редких книг, он вам немедленно дарил ее». Думая о будущих собирателях, о чувстве радости, связанном с поисками и находками, известный советский ученый и большой книголюб В. А. Десницкий завещал, чтобы после его смерти собранная им библиотека «растворилась».

И все же, сопоставляя различное отношение собирателей к своим книгам, мы не имеем права, как поступают иногда некоторые «критики», осуждать людей за то, что они дорожат своими любимыми книгами. «Собирание хорошей, ценной библиотеки, — писал П. Н. Берков, — большой человеческий труд». И труд этот нельзя не уважать!

Рассказывают, что один из друзей известного в свое время коллекционера С. С. Боткина, увидев у него чудесную акварель К. Брюллова и восхищенный ею, сказал: «Да ведь суметь разыскать и добыть такую вещь — это не меньше, чем ее сделать». Усилия собирателя, для которого книги его библиотеки — величайшее чудо, заслуживают подобной оценки.

Все мы, читатели, хорошо знаем, что некоторые из нас небрежно обращаются с книгами и что после чтения таких «книжных браконьеров» взять книгу в руки не то что больно, а просто невозможно. Из года в год публичные библиотеки прилагают немалые усилия, чтобы вернуть искалеченным книгам их прежний вид и поставить обратно на полки.

Все это так. В то же время зададим вопрос: мыслимо ли для книголюба собирать книги только для себя, превращать их в домашние экспонаты престижного характера — «У меня есть, а у тебя нет» — или, наконец, в предмет наживы? Бывает же и такое. Поступать так — значит лишать книгу самого главного ее предназначения: общения с читателями.

Более ста лет назад, на открытии в старой Вятке первой публичной библиотеки, А. И. Герцен произнес знаменитые слова: «Надо уважать книгу, надо с почтением входить в этот храм мысли».

Любая книжная коллекция, не говоря об уникальных собраниях, тот же «храм мысли»!

Из многих личных собраний составлены целые общедоступные библиотеки.

В Центральной библиотеке старейшего немецкого города Веймара находится одна из примечательных коллекций мира — знаменитая Фаустиана. Возникнув из собраний библиофила Александра Тиллеса и лейпцигского врача Герхарда Штумме, она насчитывает свыше 20 тысяч томов. Здесь собраны все издания величайшего творения Гёте, которое поэт назвал

«главным трудом всей своей жизни» и над которым он работал более пятидесяти лет, до последних дней. В Фаустиане — тексты и музыкальные композиции на поэму, рисунки выдающихся художников разных стран и народов, критическая литература, библиографические издания.

В столице Армении Ереване несколько лет назад возникла шекспировская библиотека — детище профессора Рубена Заряна. В ней собрано свыше трех тысяч книг произведений Шекспира и многочисленные издания о нем на тридцати языках, в том числе и на армянском. Основой шекспировской библиотеки послужили 169 томов из собственного собрания библиофила. В ее создании участвовали многие советские и зарубежные шекспироведы.

Культурная деятельность книголюбов неоценима. Они не только передают собранные ими книги в библиотеки, но и устраивают выставки, создают народные библиотеки, целые музеи на общественных началах. За такими квартирами-библиотеками закрепилось название: «университет на дому». Еще в 20—30-е годы одним из домашних университетов стала знаменитая библиотека русской поэзии профессора Ивана Никаноровича Розанова.

Розановская библиотека — около 10 тысяч томов — сохранена и находится в Музее А. С. Пушкина в Москве. Сюда ее безвозмездно передала в полном виде вдова Розанова Ксения Александровна Марцишевская. В 1975 году издательство «Книга» выпустило библиографическое описание «Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова» — путеводитель по этому уникальному книжному собранию, отражающему с достаточной полнотой два с лишним века истории отечественной поэзии.

«И так же как душа Ивана Никаноровича раскрывалась навстречу каждому, и библиотека его по-прежнему будет раскрыта для всех,— пишет И. Л. Андроников во вступительной статье к библиографическому описанию.— Началась вторая жизнь собрания, которому равного по полноте и подбору нет в целом мире. Оно может и должно служить образцом для всех, кто собирает коллекции. Накопленные богатства не хранятся здесь под замком, а приносят огромную пользу науке, обществу. И стали общественным достоянием не только в переносном, но и в самом прямом значении этого слова».

Ученики Розанова — многие из них давно стали известными учеными — рассказывают о том, какую неоценимую роль в их жизни и научной работе сыграла эта библиотека. Сколько времени они провели в ней, изучая с помощью советов своего учителя, душа которого «раскрывалась навстречу каждому», иные редкости, что не сыскать ни в какой публичной библиотеке.

Благородны устремления собирателей, превративших книжные коллекции в народные библиотеки. Тысячи читателей пользуются книгами этих библиотек и советами добровольных библиотекарей. В Луховской школе под Саранском живет и работает ее директор Алексей Александрович Котлов — почитатель Сергея Есенина. Он собрал «всё» о Есенине.

В кабинете директора школы, своеобразном музее книги, лучшие портреты поэта, сувениры, подарки. Любовь к есенинской поэзии отец привил и сыновьям. Библиотека Котлова открыта для тех, кто желает узнать как можно больше о любимом поэте. При ней работает клуб юных книголюбов.

Местный врач в таджикском городке Ура-Тюбе Абкар Бобоходжаев открыл в своем доме народную библиотеку, назвав ее «Кошонаи Саади», что означает в переводе на русский язык: «Дом мудрости имени Саади». Она насчитывает несколько сот постоянных читателей. Здесь проводятся читательские конференции, литературные вечера, интересные встречи. Отсюда отправлены книги для строителей БАМа.

Книги с дарственными надписями книголюбов можно встретить на БАМе, КамАЗе, во многих районах страны, где рождаются города будущего и где создаются для их жителей первые общественные библиотеки. Идут бандероли с книгами в местные музеи и библиотеки от писателей, ученых, художников, педагогов, рабочих, юных книголюбов.

Тысячи книг послали писатели буквально всей страны книголюбам далекого якутского села Толон. Здесь в доме, где жил Эрилик Эристин, автор романа «Молодежь Марыкчана», которого называют «якутским Островским», организован музей.

Из личных собраний рождаются целые музеи. Житель Тамбова Николай Александрович Никифоров организовал на дому литературный музей, где хранится 12 тысяч экспонатов: книги, автографы, рисунки, картины, редкие фотографии. Большую ценность представляют материалы об А. П. Чехове. Особенно комплекты старых русских газет и рецензий, связанных с творчеством писателя. На основе разысканий Никифоров написал книги: «Поиски и находки» и «Поиски продолжаются».

В Ялте В. П. Горбуленко создал на общественных началах музей Николая Островского. В Ельце есть подобный музей Ивана Бунина. Его открыл у себя на квартире В. М. Некрасов, собирающий «всё» о любимом писателе.

О домашнем музее библиофила Павла Павловича Назаревского в Новочеркасске знают многие книголюбы. За четыре десятилетия человек этот, увлеченный историей музыки, собрал 50 тысяч экспонатов. Около пяти тысяч книг, ноты русских и зарубежных авторов, целые комплекты лучших музыкальных журналов. Одна из коллекций посвящена композиторам, музыкантам, писателям, художникам, актерам Дона. Павел Павлович решил передать все свои коллекции государству для создания музея музыкальной истории Дона.

Как прекрасно, что рядом с нами живут такие люди. Главным делом всей их жизни стало бескорыстное и благородное служение обществу, людям, книге. Об одном из них мы расскажем.

ЭСТАФЕТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Поначалу короткая справка. От Ленинграда до Токсова — дачного поселка в живописном уголке Карельского перешейка — электричка довезла меня за полчаса. С привокзальной платформы до улицы Некрасова прямиком по шоссе вдоль вековых сосен рукой подать, минут пятнадцать ходу.

Небольшой палисадник. На стене домика, что за ним теснится в глубине двора, скромная фанерная табличка. Первое, что бросается в глаза: «Библиотека Е. Е. Тимошенко открыта для всех желающих читать книги по средам с 5 часов вечера».

Адрес библиотеки этой не значится ни в одном из официальных справочников. В ней нет редкостей, прижизненных изданий или золотых полок. Обыкновенная библиотека интеллигентного человека, уважающего и любящего книгу. Правда, собрано свыше четырех тысяч книг, но славна эта библиотека не обилием книжных корешков, не именитыми авторами или тисненными золотом переплетами, а совсем иным.

Вот уже более шестнадцати лет этот дом-библиотека на общественных началах, так вернее назвать то, что я увидел, открыт для всех, кто хочет читать книги.

Все здесь сделано собственными руками: и сам дом, и сад, и книжные полки — стены, разделяющие жилище на три комнаты, где всегда приветливо и уютно людям, книгам и их читателям.

Каждый может прийти сюда и запросто попросить для чтения любую книгу с книжной полки. Сотни жителей Токсова и Ленинграда — ее читатели.

Сюда приходят за книгами, за добрым словом и дружеским советом, а уходят не с пустыми руками. Здесь всегда ждут человека. В первый раз и потом, всегда, во всякую пору жизни: от восьми — десяти лет и до семидесяти. Ничего не требуют: ни расписки, ни залога, ни какого-либо документа. Лишь скромно просят любить книгу, беречь ее и, прочитав, вернуть. «В этом доме все прекрасно,— как-то сказал один из читателей,— и люди, и сама обстановка, и подвывающий вокруг ветерок, заблудившийся в соснах».

Теперь пришла очередь рассказать и о самом хозяине дома. В 20-е годы в далеком сибирском городе Тара, расположенном в четырехстах километрах от железной дороги, жил и учился Женя Тимошенко. Вокруг — таежная глушь. Никакой связи с внешним миром, кроме с великим трудом доставляемой почты.

Как и многие его сверстники, Женя решил собирать марки. Хотел лучше знать, что делается на всем земном шаре. Однажды он прочитал в журнале «30 дней» очерк о встрече двух молодых писателей, Льва Кассиля и Иосифа Уткина, в Италии с Максимом Горьким, о его обширной переписке.

Евгений Евгеньевич Тимошенко с юной читательницей.

«Сколько марок пропадает зря,— подумал юный коллекционер,— наверное, великий писатель выбрасывает их вместе с конвертами. Может быть, попросить его прислать марки, хотя бы за один день почты со всего земного шара?» Рождается мысль написать письмо в Италию и рассказать о своем увлечении.

С нетерпением мальчик ждал ответа. Через два месяца почтальон принес толстый пакет, полученный из солнечного города с загадочным названием Сорренто, в нем четыреста марок и письмо. «Вот вам марки, но все-таки пустяковое дело марки. Лучше бы вы прочитали книги Майн Рида, Купера, Диккенса, Гоголя. Хорошие книги написали они. Хотите пришлю»,— писал простому четырнадцатилетнему мальчишке-школьнику Максим Горький.

Как не согласиться... Горький прислал в Сибирь и те, что предлагал в письме, и многие другие хорошие книги. История, неоднократно описанная в разных вариантах, не просто сама по себе интересна. Она во многом определила еще с юных лет отношение Евгения Евгеньевича к книге. Приводя этот, несомненно, важный факт в биографии Тимошенко,

некоторые авторы именно в нем видят начало рождения книголюба. Это не совсем верно. Вот что во время нашей встречи в Токсове рассказал сам Евгений Евгеньевич...

«Я вырос в семье, где всегда царил культ книги. Мой отец выписывал лучшие русские журналы и все приложения к ним. Выезжая по делам службы в Омск, он обязательно покупал книги. Постепенно у нас собралась небольшая, но хорошо подобранная библиотека. Отец любил читать вслух, и на вечерние чтения, которые я очень любил, нередко собирались родные, друзья, знакомые.

В первые годы Советской власти мы вместе с отцом выехали на берег Иртыша. Ему, технику-строителю, тогда поручили возглавить строительство лесохимического завода. Поначалу мы жили в домике лесника. Через некоторое время, оттеснив тайгу от берега, на освобожденной площади был построен поселок. С наступлением осени, чтобы не ушли рабочие и как-то скоротать время, отец собирал их вечером в нашем бараке и при свете лучины, зажженной в камельке, читал им Толстого, Тургенева, Гоголя и многих других любимых авторов. Заводил граммофон и проигрывал записи Собинова, Шаляпина. Я слушал все это и, принимая близко к сердцу, мечтал стать писателем, чтобы рассказать людям о жизни, ее радостях и горестях, которые видел и о которых нередко задумывался. Тем более что говорить мне было трудно из-за болезни — я сильно заикался. Первая самостоятельно прочитанная книга была «Серая Шейка» Мамина-Сибиряка. Она потрясла меня, потом я прочитал «Записки охотника», «Белый пудель», рассказы Чехова, Короленко. Когда строительство закончилось, мы с отцом вернулись в город. Я вновь поступил в школу. Тогда же пришло письмо Горького и книги. Все это пало добрым зерном на уже подготовленную почву».

До сих пор Евгений Евгеньевич бережно хранит в самодельном конверте, как драгоценную память, горьковское письмо. Второе письмо писателя сохранить не удалось, как и сами книги. Они вместе с первой библиотекой погибли в годы Великой Отечественной войны в Пушкине, куда переехал из Сибири Тимошенко после смерти отца. Годы, проведенные в этом городе, были самой светлой порой в его жизни. Здесь он познакомился с писателями А. Н. Толстым и В. А. Шишковым, часто бывал у них дома, видел их прекрасные библиотеки. Сам еще ревностнее стал собирать книги.

Из довоенного книжного собрания осталась лишь единственная небольшая книжечка Васильчикова «Пушкин в Царском Селе, пушкинские места в Детском Селе» с рисунками художника В. М. Свешникова. Одна из самых дорогих для книголюба. После войны, переехав в Токсово, пришлось начинать все заново. Построить здесь дом, собрать новую библиотеку.

Прожита большая жизнь. Евгений Евгеньевич мечтал стать писателем — не получилось. Он закончил Лесотехническую академию, стал ин-

женером, проектировал сложные машины. Но пламенная любовь к книге, рожденная еще в юные годы, не угасла. Он решил, что должен нести людям добро с помощью книг, написанных другими.

Книга для Евгения Евгеньевича всегда чудо. Но еще большее чудо — сами люди, те, кто ее читает, ищет в ней и радость, и ответы на самые трудные вопросы жизни. Так возникла идея превратить свою личную библиотеку в общедоступную.

«Какое же все-таки главное направление вашего собирательства?» — спрашиваю книголюба. «Я собираю книги о человеке. Не о каком-нибудь определенном человеке: писателе, ученом, общественном деятеле, художнике, путешественнике. Просто о человеке, о самом простом человеке, о его жизни, хороших и добрых делах, о его радостях и переживаниях. Книги, повествующие о том, как различные судьбы, точно ручейки, сливаются в одну многоводную реку, имя которой — человек».

Это и есть избранная им тема книгособирательства. На полках библиотеки в основном художественные произведения, русская и зарубежная классика, политическая и философская литература, книги по искусству, издания советских авторов. Просто любимые книжки, те, что стали вехами в его собственной жизни. В первую очередь он называет три книги: «Братья Карамазовы», «Война и мир» и «Записки охотника».

Библиотека Тимошенко — это не одни книги и собранные за многие годы журналы. Здесь читатели могут найти и тематические сборники газетных и журнальных вырезок. Например, «Все о Пушкине», «Все о Шаляпине», «Все об Айвазовском». Подборки материалов по истории, археологии, литературе и искусству, краеведению, экономике. К памятным датам и важным политическим событиям. В библиотеке не только выдают книги, но и учат читать и лучше понимать их.

Обслуживать почти триста жителей — а летом, когда в Токсово приезжают дачники, их гораздо больше,— постоянно составлять и обновлять подборки материалов, а их немало, вести переписку с читателями, приобретать новые книги, следить за их сохранностью,— кто же всем этим занимается?

Организатор и душа библиотеки Евгений Евгеньевич. Он и библиотекарь, и пропагандист книги, и библиограф, и издатель, и литературовед. Главный хранитель книг и заведующая детским отделением — его двоюродная сестра Вера Николаевна Селезнева, в прошлом педагог. Помощники — юные читатели. Они помогают вести учет выдачи книг, заполнять читательские карточки, «лечить» книги, берегут их.

Читатели... Основной контингент — школьники, студенты, молодые рабочие. Как правило, жители поселка. Многие из них буквально выросли в библиотеке. Впервые пришли сюда, занимаясь еще в третьем — пятом классе, прочитали здесь сотни книг. И сегодня, окончив школу, технические училища, институты, работая врачами, педагогами, инженерами, рабочими, они по-прежнему продолжают ее посещать. Приходят сюда

за книгами по традиционным средам. Им хочется поговорить о прочитанном, высказать собственное мнение, услышать суждения Евгения Евгеньевича.

Просматривая читательские карточки, можно отчетливо проследить многочисленные и разнообразные судьбы мальчишек и девчонок, зримо представить, как возник и формировался мир их чтения, а параллельно — как складывалась и сама их жизнь.

Эмма Пейсахова еще в пятом классе переступила порог дома-библиотеки и попросила первую книгу. Евгений Евгеньевич помогал ей в отборе книг, приобщал девочку к классике. Постепенно вырабатывалась система чтения. Прочитав Золя — ее любимый писатель,— школьница стала искать книги о нем и его времени, вести библиографические записи. После школы поступила в Библиотечный институт имени Н. К. Крупской. Сейчас она работает в одной из библиотек Ленинграда и сама учит молодежь читать книги.

Леонид Королев был в школьные годы самым заядлым читателем. В его карточке — названия сотен прочитанных книг. Он окончил Ленинградский радиотехнический институт имени Бонч-Бруевича и работает инженером. Саша Поташов пришел в библиотеку, когда был в четвертом классе. Десять лет он брал здесь книги. Ныне он офицер Советской Армии.

Бывший читатель Генрих Железняк стал литературоведом.

Вместе со своими читателями Евгений Евгеньевич с 1963 года выпускает рукописный журнал «Вокруг книги». На его страницах — живые впечатления о прочитанных книгах, в основном новинках, письма ученых и писателей, читателей, настоящих и бывших, еще не опубликованные стихи, рисунки, фотографии, небольшие очерки и зарисовки. Такие материалы всегда интересны и самим читателям, и авторам, и исследователям.

Например, ленинградский писатель Леонид Борисов прислал в журнал рассказ «Январь сорок второго», написанный им в осажденном Ленинграде, и неизвестное стихотворение Александра Грина. Жена покойного писателя Леонида Соловьева подарила пять стихотворений из записной книжки мужа, а читатель А. Кузнецов — редкую фотографию Михаила Зощенко. Рисунки и экслибрисы прислал из Киева художник-график К. Козловский.

Неопубликованные материалы «Из переписки Валерия Брюсова с одной начинающей поэтессой» поступили от профессора-литературоведа В. А. Мануйлова. Интересное письмо получено из новосибирского клуба книголюбов. В следующем выпуске — очерк о выпускном вечере в местной школе. В одном из первых номеров можно увидеть еще детские рисунки читателя библиотеки Володи Лившица — ныне он художник-график.

В «Гостях у Пушкина», «Мы были в Новгороде», «По Чехословакии» — так озаглавлены фотоочерки. «Письма с Чукотки» прислал в Токсово Генрих Железняк. В журнале есть и рубрика: «Почему я люблю книги».

В ней своими мыслями делятся читатели библиотеки прораб Евгений Мишин и электромонтер Кирилл Селезнев.

В чем же Евгений Евгеньевич видит смысл своей деятельности, как он понимает роль библиотеки на общественных началах? Зачем она, если от Токсова до Ленинграда не так далеко и в поселке при Доме культуры библиотека? Есть и личные книжные собрания.

«Я стараюсь всю свою библиотеку предоставить людям,— говорит книголюб.— И радуюсь, когда вижу, как хорошие книги приносят им пользу и кто-то из моих читателей стал нравственно лучше. Книга должна учить людей жить не только для себя, но и для других. В заботе о других человек должен видеть счастье и удовлетворение». Это не пустые слова.

Книголюб переписывается с писателями, учеными, педагогами, с бывшими читателями. Письма идут в Токсово из разных городов. За каждым из них страничка жизни, раскрывающая увлечение собирательством, радость общения многих из тех, кто начинал свой путь к книге на «токсовском Парнасе» — так нередко называют библиотеку Тимошенко — или в разные периоды с ним соприкасался.

В течение пяти лет Евгений Евгеньевич возглавлял областное литературное объединение. Оно дало путевку в жизнь многим начинающим писателям и поэтам. На одной из дорогих для него полок можно увидеть и их первые и последующие издания с благодарственными надписями. В этих книгах видит он и долю своего собственного труда.

Пропагандист книги... Сама по себе библиотека, открытая для чтения,— не единственная цель. Это целая нравственная система, стремление приобщить с юных лет читателей к духовным ценностям, на примере лучших книг раскрыть перед читающими обширные возможности человека. Для Евгения Евгеньевича человек и книга неразделимы. И процесс приобщения человека к культуре, к знаниям — самый важный процесс. Он видит в чтении залог не только духовного роста, но и нравственного возмужания человека.

Книголюб — пропагандист книги в самом высоком смысле этого слова. И именно таким пропагандистом Евгений Евгеньевич выступает в общении с читателями. Главное для него — научить их выбирать лучшие книги, думать, размышлять над прочитанным, сопоставлять собственную жизнь и опыт с миром, который открывает перед ними книга.

Он как бы идет вместе со своими читателями от книги к книге, направляя их чтение, воспитывая вкус к хорошим книгам. Учит читать с помощью самих книг, обращаясь к Пушкину и Толстому, Тургеневу и Бунину, Чехову и Горькому, к великому наследию русской классики.

Что же Евгений Евгеньевич думает о своих читателях? Вопрос этот больше всего его волнует. Книга — удовольствие, отдых, но она и учебник жизни. «Между тем не все, читающие книги, так понимают чтение,— говорит книголюб,— часто в книге видят лишь развлечение, средство убить

время, быстрое прослеживание сюжетов». Он сетует на то, что нередко некоторые из его читателей проходят мимо классики, предпочитая ей приключенческие книжки, вполне заманчивые и легкие сюжеты; его беспокоят глотатели книг, занятые лишь «слизыванием вкусной их части» — так называл подобное «чтение» М. Пришвин. Отложив книгу, они тут же забывают только что прочитанное.

Вот почему для Тимошенко не существует понятия «широкая читательская аудитория». Любой читатель, как и сама книга, выбранная для чтения,— само по себе событие, требующее особого внимания.

Что же думают сами читатели о библиотеке или те люди, кто читал и знает о ней, переписывался или переписывается с Евгением Евгеньевичем? В его архиве сотни писем. Читая их, видишь, как по-разному относятся люди к книге, собирательству и к тому, что составляет главный смысл жизни токсовского книголюба.

Вот письмо Константина Симонова. Писатель желает доброго пути библиотеке и журналу «Вокруг книги». «Книга в жизни человека,— говорит писатель,— это так много, что я лично не могу представить себе жизни без книги. Жизнь без книги — это куцая жизнь, это самое большое — полжизни. Тот, кто не читает книг, потому что не имеет к этому возможности,— несчастный человек, тот, кто не читает книг, потому что пренебрегает этой возможностью, обкрадывает сам себя так, как его не ограбит никакой вор».

Теплые слова адресованы и библиотеке, и самому Тимошенко писателями Сергеем Баруздиным, Андреем Дементьевым, Василием Черновым, литературоведом-переводчицей К. Т. Гнедич. С уважением говорит о библиотеке собиратель-книголюб Б. Казанков. «Желаю успеха в этом светлом и приятном деле» — так заканчивает свое письмо ленинградский поэт Александр Решетов.

Сколько доброго в адрес библиотеки сказано в книге отзывов — она ведется с 1963 года. Эпиграммы, шутки, афоризмы, стихи, рисунки, простые и нежные слова. «Вы нужны людям», «Долго не был у Вас — скучно», «Наш любимый уголок», «В этом славном толстом томе строки от души»... Таких строк не перечесть. Кто-то в шутливой форме написал: «В кругу больших и умных книг он жизни высший смысл постиг...»

Есть и иные строки в письмах и во взглядах на то, чем занимается Тимошенко. Например, будто занятие токсовского книголюба — это дело общественных библиотек. «Вы же занимаетесь,— говорят,— делом, далеким от истинного библиофильства, от подлинной страсти к книгам». Или вот еще одна точка зрения: «Вы — библиотекарь, а не библиофил. Не бережете книги для потомства». Кто-то Евгения Евгеньевича считает чудаком, а дело его называет «напрасным культурничеством».

Старый спор: давать или не давать для чтения книги из собственной библиотеки? Действительно, некоторые читатели книги портят, пачкают или вовсе не возвращают. Большинство читателей так не поступает.

Конечно, от массового и частого обращения книги портятся, но ведь это значит, считает книголюб, что их прочитали многие. Надо идти и на такое ради главной цели — служения книги людям. Чем больше людей прочтут одну и ту же хорошую книгу, тем больше она принесет радости и добра. «Помните,— говорит он,— как Максим Горький называл хорошую, правильную книгу великим праздником! Так пусть эти праздники будут частыми для многих моих читателей».

На его улице бывают не одни праздники. «Разве я могу мириться с тем,— рассказывает Евгений Евгеньевич,— когда приходят дети и, например, говорят, что им дома не разрешают брать книги из личной библиотеки, так как их можно испачкать или потерять. Между тем в этом же доме — приличная библиотека. Есть классика и немало хороших новинок современных писателей. Иногда можно услышать, что ребята не хотят поделиться книгами со своими товарищами. Факты эти не характерны. Но они есть, и о них мы не должны забывать».

Иногда, думая его обрадовать, некоторые читатели говорят:

«А у меня теперь, Евгений Евгеньевич, по вашему примеру тоже есть уже домашняя библиотека».

«Радостно это всегда слышать,— рассказывает книголюб.— Но бывает и так. Познакомишься с иной «библиотекой», и становится грустно. Тут и «выгодный обмен», и исключительно погоня за «модной» книгой, и «товарищи завидуют», и видишь перед собой не книголюба, а типичного микробиблиомана».

Тимошенко стремится и своим примером, и примером большинства читателей привить и детям, и взрослым иные принципы отношения к книге. «Мои читатели-школьники,— говорит Евгений Евгеньевич,— вырастая, приобщаются к книге, создают собственные библиотеки и делятся книгами с товарищами. Традиция эта, очевидно, то самое дорогое, что я больше всего ценю в своей деятельности». И люди такое понимают. Они доверяют этому человеку. Придя в библиотеку школьниками, становясь взрослыми, через многие годы они приводят сюда уже своих детей. И дети видят те читательские карточки, которые в свое время заполняли их отцы и матери, те книги, которые они читали, и идут вслед их путем.

Книги из библиотеки не только уходят, но и нередко приходят. Их присылают, дарят, приносят, как символ уважения к книге и самому благородному делу книголюба. Его примеру следуют все новые книголюбы. Однажды зашел с большой связкой книг местный врач. Уезжая, он решил оставить часть своей библиотеки: пусть народ читает. Шлют в Токсово книги из Москвы, Ленинграда, Украины, Сибири: пусть народ читает...

В местной токсовской библиотеке на абонементе записано 800 читателей. Но часто библиотекарь говорит: «Идите к Евгению Евгеньевичу. Он, наверное, уже приобрел книгу, которую вы просите». И люди идут к знакомому крыльцу.

Вот пусть после нашего рассказа и судит сам читатель, кто прав: те, кто осуждает токсовского книголюба, или те, кто радуется вместе с ним и с его читателями, кто верит в его высокие нравственные принципы и понимает, что любить книгу можно по-разному, но посягать на эту разность никто не имеет права. Что же касается издержек, то без них не обойтись, если человек решил открыть личную библиотеку для всех, кто хочет читать.

Задумываясь над этой действующей нравственной системой служения людям Евгения Евгеньевича, над самой жизнью ее создателя, мы вспоминаем слова А. М. Горького: «Всем хорошим во мне я обязан книгам... Великое дело — книги». Не случайно всякого входящего в дом-библиотеку Тимошенко читателя как бы встречает портрет писателя, чьи заветы пронес через всю свою жизнь Евгений Евгеньевич. Беря с полки книгу и открывая ее, читатель видит экслибрис, выполненный кемеровским художником Т. А. Паньковым. На нем воспроизведен портрет А. М. Горького, гордый буревестник реет над вспененным морем и высится силуэт Медного всадника...

Живет Евгений Евгеньевич скромно. Никакие материальные соображения его не волнуют. Все, что мог, он отдал и отдает людям и книгам, и предела щедрости его сердца нет. Отвлечь этого человека от любимого занятия, которому он посвящает себя изо дня в день, если не шалит сердце, ничто не может. В нем весь смысл его жизни и вся ее красота! И поэтому, вероятно, во всем, что он делает, постоянно присутствует какая-то особая праздничность и ощущается внутренняя гордость.

Он уверен в могущественном влиянии литературы на людские судьбы, хотя иногда сетует на то, что не всегда достигал желанной цели. О книгах способен беседовать долго, особенно о любимых, говорит о них нежно. Часто осторожно подбирает слова, и, наверное, не потому, что еще с детских лет заикается после перенесенной травмы, а, скорее, по иной причине. Говорит о книгах так, будто ведет речь о живых существах.

Покидая Токсово, я припомнил слова Александра Твардовского: «Он может быть больным и старым, усталым — счастлив все равно...»

С тех пор как впервые четырнадцатилетний Женя Тимошенко получил из Сорренто письмо и книги от Горького, прошло больше пятидесяти лет. Но вот совсем недавно Евгений Евгеньевич получил из Казахстана письмо от четырнадцатилетнего мальчишки — школьника Масалимова.

Узнав о библиотеке Тимошенко, мальчик сам собрал библиотеку в 157 книг и открыл ее для товарищей. Он просит прислать ему книги, которые трудно достать в селе, где он живет. «Вот она, эстафета любви к книге, преемственность поколений», — радостно говорит Евгений Евгеньевич.

Глава IV

ДРАГОЦЕННЫЕ УРОКИ

Любовь к книге — это древняя, проверенная временем любовь человечества.

Н. П. Смирнов-Сокольский

В ПИСАТЕЛЬСКИХ БИБЛИОТЕКАХ

Личные библиотеки великих писателей — что мы о них знаем? Разве, например, не увлекательно пройти дорогой, которой прошли Пушкин, Лев Толстой, Брюсов или Горький?

С юных лет и до последнего своего часа Пушкин собирал книги. В самые лучшие, светлые годы, «в изгнанье, горести, разлуке» — всегда они были неразлучны с поэтом — верные «друзья его души и музы». К книгам Пушкин обратил свой последний взор перед смертью. «Прощайте, друзья!» — сказал он, тоскливо глядя на книжные полки.

Любовь к чтению возникла еще в детские годы, во время учения в Лицее. Лицейская библиотека была богата. В ее шкафах хранились лучшие творения мировой и отечественной классики, обильно представлены выходившие в то время журналы.

Здесь мальчики-лицеисты «беседовали с умами Расина, Вольтера, Руссо», восхищались гением Жуковского, Батюшкова, Крылова, Гнедича, заглядывали в «книги отцов русской поэзии» Ломоносова, Хераскова,

Державина. Здесь на протяжении шести лет, «питая душу чтением», провел немало счастливейших часов среди книг и друзей юный Пушкин.

В библиотеке писались лицейские журналы, непременным участником которых был Пушкин, друзья читали друг другу первые стихи, наслаждаясь их «пленительной сладостью», в жарких спорах они обсуждали события своего времени.

Уже тогда сверстники Пушкина видели, что в чтении он во многом их опередил, больше знает на память и в стихосложении первый. «При самом начале — он наш поэт»,— вспоминает Пущин.

В стихотворении «Городок», опубликованном в 1815 году, Пушкин запечатлел первые радостные встречи с любимыми авторами, когда он «часто целый свет с восторгом забывал», перечитывая их:

На полке за Вольтером
Виргилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать...

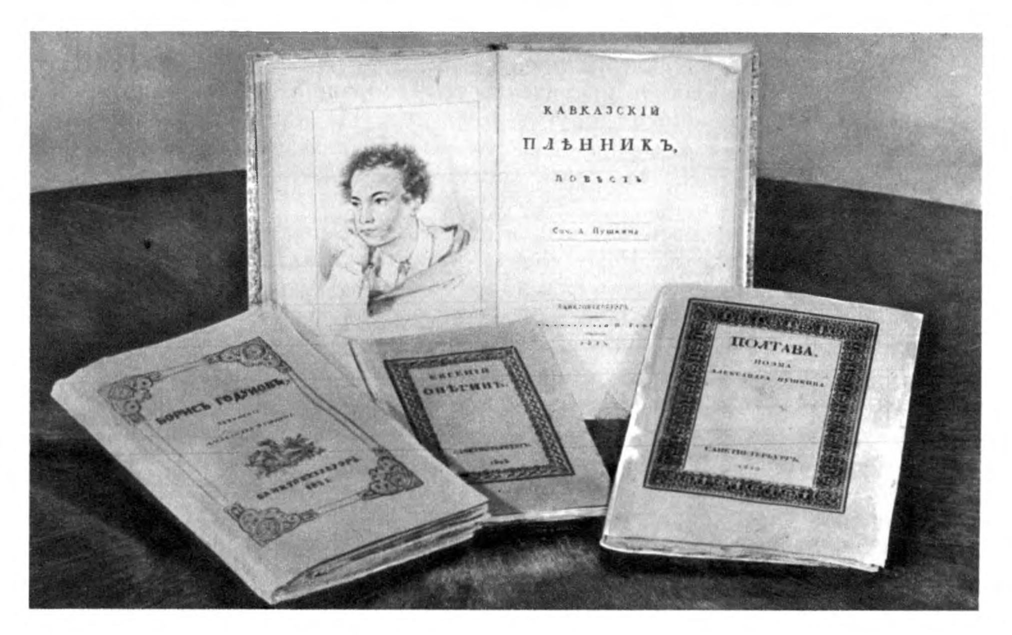
Читая это стихотворение, можно составить целый список авторов, привлекших внимание шестнадцатилетнего Пушкина. Впоследствии многие их произведения заняли видное место на полках его домашней библиотеки.

Один из первых исследователей жизни Пушкина Я. Гротт говорит о том, что уже по его лицейским стихам видно, насколько хорошо юный поэт был знаком с мировой классикой. Он в совершенстве знал французскую литературу. Знал на память Мольера, преклонялся перед Шекспиром, любил без памяти Гейне, Байрона и Мицкевича. Позднее поэт скажет: «Виргилий, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекспир, Тассо и многие другие читаны будут, доколе не истребится род человеческий».

В Лицее родилась и мечта о собственной библиотеке. Однако лишь во время ссылки в Одессе опальный поэт стал собирать книги. Библиотека росла быстро.

Денег не хватало. Но на покупку книг Пушкин готов был всегда «разориться». По свидетельству современников, узнав о какой-либо заинтересовавшей его книге, он стремился тотчас ее приобрести. Некоторые произведения в оригиналах, которые трудно было достать, выписывал из-за границы.

Как часто в своих письмах поэт говорит о книгах, награждая их самыми ласковыми эпитетами. «Да, книг, ради бога, книг! Стихов, стихов, стихов! Это пища для души». В одном из писем, адресованном жене, он с гордостью пишет: «Книги из Парижа приехали, моя библиотека растет и теснится».

Пушкиниана — первые и прижизненные издания поэта.

Всякий раз, приезжая в гости к друзьям, Пушкин любил подолгу рыться в старых домашних книжных собраниях, любил заниматься в публичной библиотеке, с большой охотой бродил по книжным лавкам Москвы и Петербурга. Нередко после очередной книжной прогулки его письменный стол оказывался заваленным книгами. По воспоминаниям современников, у Пушкина всегда были «жадные глаза на книгу».

Особенно частым гостем Пушкин был в книжной лавке известного русского издателя первой половины XIX века Александра Филипповича Смирдина. Ему принадлежат слова «Дотоле не умру, пока не напечатаю всех русских литераторов». И действительно, Смирдин многое успел сделать для распространения в России отечественной литературы: выпустил 70 изданий сочинений русских писателей.

Книжная лавка Смирдина в Петербурге представляла собой своеобразный литературный клуб, где часто собирались лучшие писатели того времени. Издатель владел и превосходной библиотекой, которую высоко ценил Пушкин.

В честь переезда книжной лавки в новое здание писатели преподнесли любимому издателю свои сочинения, из которых он составил двухтомный альманах «Новоселье». На титульном листе первого выпуска альманаха

помещена гравюра с иллюстрации, выполненной Александром Брюлловым, «Обед в книжной лавке Смирдина».

Среди изображенных на рисунке гостей, собравшихся за столом, сидят Пушкин, Крылов и многие другие писатели. На титульном листе второго выпуска альманаха изображена сама книжная лавка. На первом плане Пушкин, а в глубине за своей постоянной конторкой — сам ее хозяин.

В книге поэта интересовало все: и пламенное слово, и бумага, и шрифт, и «одежда». 24 марта 1821 года Пушкин писал Гнедичу, получив от него экземпляр поэмы «Руслан и Людмила»: «Платье, сшитое по заказу вашему на «Руслана и Людмилу», прекрасно. Вот уже четыре дни, как печатные стихи, виньетки и переплет детски утешают меня». Но, конечно, в книге он прежде всего ценил живую мысль, новое слово. Об этом свидетельствует пушкинская библиотека, ее подбор.

Библиотека уцелела до наших дней не полностью. Но и то, что сохранилось, поражает огромным разнообразием. Ныне она находится в Пушкинском доме. В ней — 3560 томов: 1522 названия книг. В том числе 529 — на русском языке и 993 — на иностранных языках. Сочинения по истории, этнографии, естественным наукам, медицине, юриспруденции, словари, учебники, альманахи — на четырнадцати языках. Книги на полках стояли в особом порядке, который знал лишь их хозяин.

Много редких сочинений. Среди них найден один из экземпляров первого издания «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева.

На титульном листе книги рукой поэта написано: «Экземпляр, бывший в Тайной канцелярии, заплачено 200 рублей».

Любил собирать Пушкин мемуары, старые рукописи. В них он видел своеобразные портреты той или иной эпохи и ее людей. С особой привязанностью хранил подборку журнала «Вестник Европы», основанного Н. М. Карамзиным, который он читал еще в Лицее.

В первом каталоге с описанием пушкинской библиотеки, составленном в 1910 году Б. Л. Модзалевским, двадцать два раздела. Их изучение показывает, что поэт тщательно подбирал лучшие произведения мировой и отечественной классики.

В библиотеке немало книг с дарственными надписями. На первом месте среди них роскошное издание «Илиады» Гомера с надписью Гнедича: «А. С. Пушкину в знак истинного уважения от переводчика». С особой нежностью поэт относился к книжным дарам лицейских друзей. К книгам, преподнесенным ему Жуковским, Крыловым, Мицкевичем.

В библиотеке было собрано 241 собрание сочинений — поистине пантеон мировой литературы. Один из истоков высокой образованности поэта. Начитанность его, как часто отмечали современники, была поразительна. Чернышевский писал о Пушкине: «Редко можно встретить человека, который прочел так много книг, как он, поэтому неудивительно, что он был одним из самых образованнейших людей своего времени».

В яснополянской библиотеке. Здесь работал Л. Н. Толстой.

Пушкин свободно читал на французском и английском языках. Знал немецкий и итальянский, владел латынью и старославянским языком. В последний период жизни изучал испанский язык.

«Пушкин читал почти всегда с пером в руке; страницы русских альманахов и разных брошюр были покрыты его заметками»,— рассказывает П. В. Анненков. И еще одна характеристика, принадлежащая А. В. Дружинину: «Пушкин читал много, читал с наслаждением, задумывался над прочитанным, делал отметки на страницах, выписывал в особые тетради то, что ему особенно нравилось».

Вот, например, книга «Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова», вышедшая в 1817 году в Петербурге. Пушкин тщательно ее изучал, работая над «Историей Пугачевского бунта». На полях книжных страниц замечания поэта об эпохе, так занимавшей его мысль. На страницах сборника «Опыты в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова пометки, раскрывающие пушкинское отношение к стихам автора. Таких книг с пометками много.

«Настоящее место писателя,— говорил Пушкин,— есть его ученый кабинет». Главную же часть этого кабинета он видел в библиотеке.

Отправимся еще в один «ученый кабинет», где долгие годы работал Лев Николаевич Толстой,— в Ясную Поляну.

Неповторимый урок для книголюбов — знакомство с яснополянской библиотекой Л. Н. Толстого — одной из самых крупных в прошлом писательских библиотек. Здесь зародились многие гениальные замыслы, написаны «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», «Казаки».

«Что может быть драгоценнее, как ежедневно входить в общение с мудрейшими людьми мира»,— писал Л. Н. Толстой. Это постоянное общение на протяжении всей жизни писатель находил в книгах, собранных в его библиотеке.

В библиотечных шкафах — книги по истории и этнографии Кавказа с пометками писателя. Он пользовался ими при написании повести «Хаджи Мурат». Десятки томов на русском и французском языках послужили материалом при работе писателя над романом «Война и мир». «Везде, где в моем романе,— писал Л. Н. Толстой,— говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг, заглавия которых я не нахожу надобности выписывать здесь, но на которые всегда могу сослаться».

Вот сочинения по истории движения декабристов. Писатель изучал их, подбирая материалы для романа о декабристах, который так и не был написан. Лев Толстой любил перечитывать словарь Даля, фольклорные сборники Снегирева, Киреевского, Бессонова, народные сказки Афанасьева. С Ясной Поляной связана и педагогическая деятельность писателя. В библиотеке собрана русская и иностранная литература по педагогике.

Много социально-политических произведений. Особый интерес вызывают две книги. Одно из первых русских изданий «Капитала» К. Маркса (на полях книги пометки Л. Н. Толстого) и сборник «О бойкоте третьей Думы» со статьей В. И. Ленина «Против бойкота (Из заметок с.-д. публициста)». В библиотеке хранятся сочинения Д. И. Менделеева, И. И. Мечникова, К. А. Тимирязева.

Писатель интересовался жизнью народов Востока. Библиотека содержит богатую коллекцию книг на английском и русском языках по истории Китая и Индии. Во многих шкафах художественная литература. Значительная ее часть — сочинения, преподнесенные Толстому в течение пятидесяти лет. Из многих стран присылали в Ясную Поляну свои книги писатели, ученые, поэты, драматурги, сторонники и противники взглядов Толстого. «Библиотека Ясной Поляны составляется целым миром»,— писал друг Л. Н. Толстого и его домашний врач Маковицкий.

На пьесе М. Горького «Мещане» скромная надпись: «Льву Николаевичу на память. А. Пешков». Вот автограф И. А. Бунина на его переводе «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло: «Льву Николаевичу Толстому с чувством искренней любви и глубокого уважения. Ив. Бунин». На романе «Жан Кристоф» Ромен Роллан написал: «Льву Толстому, который показал

Карлъ Марксъ. 2

КАПИТАЛЪ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

Полный переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей

доктора-математики

В. Д. Любимова.

ПРОЦЕССЪ ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА.

Цѣна 2 р., на веленевой бум. 2 р. 75 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе книжнаго склада Н. С. Аскарханова

6, ТРОИЦКАЯ, 6

Издание «Капитала» К. Маркса из яснополянской библиотеки Л. Н. Толстого.

нам пример говорить правду всем и самим себе, чего бы это ни стоило». Книг с автографами — сотни.

Библиотека хранит книги трех веков. Самое старое издание — шеститомное сочинение по экономике 1687 года, напечатанное в Амстердаме. Последняя книга, приобретенная писателем при жизни,— сборник И. И. Иллюстрова «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках». Она осталась лежать на столе писателя, когда осенью 1910 года он ушел из дома.

Лев Толстой читал книги, как и Пушкин, всегда с карандашом в руках. Любил выставлять оценки произведениям и авторам. На многих страницах книг оставлены навечно следы писательской мысли: различные знаки, пометки, подчеркивания, оценки. Много писательских заметок на полях произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, В. Шекспира, И.-В. Гёте, Ч. Диккенса, А. Франса.

Почти пять десятилетий яснополянская библиотека «работала» на писателя. К концу жизни Толстого в ней насчитывалось 22 тысячи книг и журналов на тридцати пяти языках. Перефразируя слова самого писателя, можно было бы сказать о его собрании: «Моя библиотека есть весь Я».

Огромную ценность представляет библиотека Валерия Брюсова, она находится в доме № 30 по проспекту Мира в Москве, где жил и умер поэт.

В юношеском дневнике Брюсова есть такие строки: «Работать, писать, думать, изучать». Брюсовская библиотека помогает понять, как поэт претворял в жизнь юношеский девиз, постичь неповторимую его причастность ко всему многообразию книг, может быть, самую главную основу всего его творчества. Знакомство с библиотекой писателя во многом раскрывает многообразие его творческих занятий. Мы как бы видим Брюсова — поэта, критика, теоретика искусства, общественного деятеля.

«Творчество Брюсова без книг немыслимо, оно насквозь пропитано атмосферой книги»,— писал П. Н. Берков. Свое отношение к книгам, безмерную к ним любовь поэт выразил в стихах:

С какою жадностью, как плотно я приник
К стоцветным стеклам, к окнам вещих книг,
И увидал сквозь них просторы и сиянья,
Лучей и форм безвестных сочетанья,
Услышал странные, родные имена...
И годы я стоял, безумный, у окна...

Литературные интересы Брюсова были разнообразными. Об этом можно судить по составу его библиотеки. Здесь и мировая классика, и тщательно подобранное собрание русской прозы и поэзии, и произведения мыслителей прошлого и современников писателя.

На полках — легионы книг великих греков и римлян. Из них Брюсов черпал материалы для исторических романов: «Огненный ангел», «Алтарь победы» и «Юпитер поверженный».

Первое место в рядах книг занимает Пушкин. «С ранней юности,— писал поэт,— сочинения Пушкина — мое самое любимое чтение. Я читаю и перечитываю Пушкина, его стихи, его прозу, его письма в разных изданиях, какие только мог получить для своей библиотеки». «Мой герой Пушкин!» — как часто любил повторять Брюсов.

«За Пушкиным,— писал Брюсов,— вторым моим кумиром суждено было сделаться Лермонтову». Лермонтов, как и Пушкин, царит в библиотеке над многими другими именами. На страницах лермонтовских сочинений — многочисленные и многолетние следы вдумчивого чтения.

С особой любовью Брюсов относился к книжным дарам. Жемчужина этой коллекции — «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока — первая книга великого русского поэта.

Брюсов увлекался фантастикой. В 1907—1911 годы несколькими изданиями выходил его сборник рассказов и драматических сцен «Земная ось». Он сочинил роман о полете на Марс. Книги эти, конечно, тоже стоят на полках его библиотеки.

В одном из брюсовских писем есть такие слова: «С моими читателями мне не придется говорить. С ними будут говорить только мои книги». Голоса книг и лично им написанных, и собранных им, и сегодня доступных для современных читателей звучат в полную силу. Поэт и при жизни пользовался большой известностью и даже славой. Но по-настоящему, в полной мере его творчество оценено в нашу эпоху. Многие неизвестные замыслы, неоконченные и неопубликованные произведения, письма, заметки, пометки на книгах помогли специалистам-литературоведам воссоздать огромный мир этого человека и художника.

Познакомимся еще с одной библиотекой. Она собрана в Мемориальном музее-квартире А. М. Горького в Москве, на улице Качалова, бывшей Малой Никитской, где весной 1931 года поселился писатель. Здесь он провел последние пять лет жизни.

Мы читаем с детства знакомые названия произведений, листаем их страницы, и перед нами возникает светлый мир, наполненный безмерной любовью к книгам.

Великий писатель, человек огромных знаний, на вопрос об образовании мог лишь ответить: «Низшее». Энциклопедические знания Горький приобрел благодаря книгам.

Всю жизнь писатель собирал книги и учился у них. Он называл себя «великим читателем земли русской». Первая книжная собственность появилась в 1887 году. При окончании первого и единственного года в школе он получил в награду вместе с евангелием и похвальным листом «Басни» Крылова и «Фата Моргана» Коцюбинского. Но вскоре вынужден был продать их за пятьдесят пять копеек.

Долго Горький мечтал о собственной библиотеке. В 1895 году, живя в Самаре, стал приобретать книги. Одна из первых личных библиотек умещалась на скромной этажерке в полутемной подвальной комнате. Через год писатель приезжает в Нижний Новгород. Постепенно библиотека пополняется новыми книгами. Вспоминая об этой поре жизни Максима Горького, литературовед В. А. Десницкий пишет: «Все новое, интересное, выходившее на русском языке, можно было найти в его библиотеке». Тут хранились «Разговоры Гёте, собранные Эккерманом», «География» греческого ученого Страбона, лучшие произведения писателей-современников.

Живя на Капри в Италии, находясь в Америке, Финляндии, под Берлином — всюду писатель приобретал книги, часто просил друзей и знакомых присылать новинки. К концу жизни горьковская библиотека достигла 10 тысяч томов. В книжном собрании и одна из первых им прочитанных книг, навсегда любимая «Шагреневая кожа» Бальзака, и последняя книга — «Наполеон» Тарле, которую писатель читал за девять дней до смерти.

В библиотеке хранится первое издание на английском языке произведения «Мать», которую высоко оценил В. И. Ленин. Судьба этой книги — одной из самых дорогих для писателя — сложилась нелегко. Одиннадцать лет книга в России находилась под запретом. Написанная М. Горьким в 1906 году, полностью она была издана в России лишь после Великой Октябрьской революции.

Многие книги Горький раздаривал. «У него,— вспоминает Корней Иванович Чуковский,— была веселая манера — дарить писателям книги». Однако книги не только уходили из библиотеки, но и вливались в нее бесконечным потоком новинок. «Каждый раз, когда приходит новая книга, я открываю ее с глубоким волнением, напряженно ожидая найти в ней что-то новое, радостное, талантливое»,— говорил Горький.

Чем же руководствовался великий книголюб, подбирая книги? Алексей Максимович любил сам расставлять книги, сам распределял их по разделам: история, философия, фольклор, этнография и быт, русская литература, в том числе советская, зарубежная; отдельно — поэзия всех времен и народов, история литературы, история городов (подборка книг о Нижнем Новгороде), серии ЖЗЛ, путешествия, книги по истории женщины, энциклопедии, особый шкаф с произведениями классиков марксизма-ленинизма, издания «Academia», мемуары, «История фабрик и заводов», книги по различным отраслям науки.

Поэт Всеволод Рождественский вспоминает завет писателя молодежи: «Помните,— за каждой книгой стоит живой человек, ее писавший. Книги бывают разные, потому что они тоже люди. Ищите среди них только добрых друзей».

Читая произведения Пушкина, Толстого, Брюсова, Горького, можно точно проследить, какие книги привлекали внимание их литературных героев, как они относились к ним, что волновало их в тех или иных

произведениях, а что оставляло равнодушными. Знакомство с библиотеками великих классиков помогает понять и характер их собственного чтения, каких они искали добрых друзей, каким кумирам среди писателей и книг поклонялись они сами.

Мы побывали в библиотеках великих писателей и великих книголюбов. Увидели, какую неоценимую роль играли личные библиотеки в их жизни и творчестве. Как пополнялись книжные полки и как это движение книг отражалось на самих творцах.

А теперь отправимся в замечательные личные библиотеки наших современников, история появления и создания которых не только сама по себе интересна, но и всегда может послужить ценным уроком для молодых книголюбов.

«МОЯ БИБЛИОТЕКА»

Не каждая общественная библиотека, не говоря о личных, может похвалиться печатным каталогом — ключом к поиску книг на книжных полках. Библиотеке Николая Павловича Смирнова-Сокольского повезло: она описана в превосходно изданном двухтомном каталоге под названием «Моя библиотека».

Откроем каталог, и он расскажет нам о редчайшей библиотеке в 20 тысяч томов. Однако ценность ее определяется скорее не количеством книг, а строгим отбором и полнотой собранного.

Как-то Николай Павлович заметил, что описать историю его библиотеки — это все равно что описать его биографию. Листая каталог, мы видим, что разделы книг в его библиотеке такие, как и во всякой хорошо подобранной домашней библиотеке: произведения по общественным наукам, художественная литература, книговедение, критика и библиография, фольклор, изобразительное искусство, театр, энциклопедические словари и справочники. Но при внимательном чтении каталога можно обнаружить и нечто особенное, что придает этой библиотеке неповторимые черты.

Старопечатные русские книги и лучшие петровские издания, открывшие путь гражданской печати в России, богатое наследие XVIII и XIX веков вводят читателя в мир истории отечественной культуры. Велик перечень редких книг. К примеру, «Житие Ушакова» с автографом А. Радищева, первое прижизненное издание «Путешествия из Петербурга в Москву», комплекты герценовских «Полярной звезды» и «Колокола». А что за диво — коллекция прижизненных пушкинских изданий! «У меня весь Пушкин!» — с гордостью говорил Николай Павлович. Он собирал всего Пушкина, те книги, «какими видел их сам поэт». На отдельных полках — альманахи, в которых печатался поэт при жизни.

С большой любовью библиофил показывал прекрасно подобранную коллекцию русских журналов XVIII—XX веков, книги с автографами

Н. П. Смирнов-Сокольский и В. Н. Алексеев на читательской конференции.

И. А. Крылова, В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и давно забытых авторов.

Вот коллекция русских сатирических листов 1812 года и подборка иллюстрированных азбук, собрание на тему «Сатира и юмор». Все, что хранит библиотека, перечислить невозможно. И нет особой надобности. О своей библиотеке, о поисках и находках библиофил сам великолепно рассказал в книге «Рассказы о книгах» — маленьких живых биографиях книг. Он мечтал написать пять тысяч таких рассказов, но не успел. Умер, работая над рассказами о прижизненных изданиях Пушкина. Книга эта вышла после его смерти.

Как же возникла эта уникальная библиотека, ставшая столь заметным явлением в культурной жизни нашей страны?

Об этом рассказала вдова библиофила Софья Петровна Близниковская. Благодаря ее стараниям, был окончен и издан каталог.

Зародилась библиотека еще в начале 20-х годов. Все пришло не сразу. Николай Павлович тогда писал куплеты и фельетоны для эстрадных артистов, стал сам актером. Постоянно общался с писателями, художниками, букинистами, разыскивая необходимые ему для работы материалы. Много читал. Наиболее интересное о прочитанном, о встречах и наблюдениях заносил на карточки большого формата. Некоторые из них оставались пустыми. Кроме имени автора и названия произведения, ничего не содержали. Шло время. Карточки заполнялись датами, фактами, новыми именами.

Вырабатывалась собственная система поиска книг, их описания, яснее складывался круг тем собирательства. Интересовало все: подробности публикации произведений, их дальнейшая судьба, сведения об авторе, обстоятельства поиска и приобретения книг. Он готов был ехать за книгами, как часто любил говорить, «хоть на тот свет».

Вспоминая о своих встречах со Смирновым-Сокольским, журналист Л. Кудреватых пересказывает слова Николая Павловича: «...Комплектование своей библиотеки — не страсть коллекционера, а внутренняя, постоянно воодушевляющая меня потребность. Больше того, глубоко осознанная необходимость. Я не собирал, а комплектовал, именно комплектовал библиотеку, искал то, чего мне сейчас недостает, что непременно должно стоять на полке. Где бы я ни был, я знал, да, знал, что́ ищу, знал судьбу нужной мне книги и ее место в невероятно огромном книжном океане. Книга для меня — живой образ со своим характером, своей судьбой...»

Николай Павлович ценил книгу за ее красоту, редкость и в то же время неоднократно подчеркивал, что для него нет книг-избранниц. Прежде всего он дорожил в книге мудростью мысли и талантом художника. Вот почему библиофил никогда не приобретал книг, не представляющих для него интереса.

Постоянной его страстью были старые книги и произведения, избежавшие уничтожения. Таких книг он собрал много. Пытливо их изучал. Видел в них живую и яркую историю страны. «Люди должны знать, что есть на свете такие книги»,— писал Смирнов-Сокольский.

Особенно старательно на протяжении многих лет он собирал считанные экземпляры изданий, тиражи которых были уничтожены «рукой палача». Например, ему удалось обрести томик «Стихотворений А. С. Пушкина, не изданных в России». Книга эта была напечатана в 1908 году в типографии А. П. Поплавского, но тотчас запрещена царской цензурой, а весь ее тираж был изрублен. Вот что рассказывает об этом чудом сохранившемся издании сам Николай Павлович. Владелец типографии буквально выкрал один экземпляр, и то не в целом, а уже в порубленном виде. В таком виде и предстала эта бесценная книга на полке в библиотеке книголюба.

Библиотека Н. П. Смирнова-Сокольского.

«Любить старую книгу,— писал Смирнов-Сокольский,— вовсе не значит заниматься любованием стариной. Никто и ничто не может так научить ценить и понять современность, как знакомство со старым. Книги расскажут вам о величии нашего народа и о жестокости борьбы, которую вели его лучшие представители, добиваясь того человеческого строя, при котором мы имеем счастье сегодня жить. Имена Радищева, Новикова, Рылеева, Кюхельбекера, Полежаева тесно переплетаются с судьбой книг, написанных ими».

Часто библиофилу задавали вопрос: «Зачем вы собираете столь обширное собрание?»

На этот вопрос ответили лучше всего книги, написанные Смирновым-Сокольским. Собранные им книги, прочитанные, изученные и описанные, рассказали столько нового, увлекательного и важного, что все это стало подлинным открытием для читателей сегодняшнего дня. Из недр его библиотеки родились книги: «Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв.», «Книжная лавка А. Ф. Смирдина», «Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина». Целое новое направление библиофильской литературы.

Николай Павлович щедро делился с книголюбами своими незаурядными знаниями о книгах. Мечтал о том, чтобы библиотека служила людям. «Книгособирательство,— заявлял Смирнов-Сокольский,— должно быть осмысленным, полезным и мне и окружающим меня людям».

Приглашая в библиотеку людей, рассказывает жена, Николай Павлович нередко говорил: «Хочу, чтоб это хранилище книг нашло свой приют в Библиотеке имени Ленина», или, как он называл ее, «Ленинке». Желание библиофила сбылось. Это редкое книжное собрание стало достоянием национальной библиотеки страны. Оно сохранено точно в таком виде, каким было при жизни своего создателя. Библиотека этого человека, блестящего знатока книги, писателя, журналиста, библиографа, известного актера и не менее известного библиофила, служит людям.

«ВЕЛИКИЙ КНИЖНЫЙ РОБИНЗОН»

Анатолий Кузьмич Тарасенков был критиком, редактором, крупнейшим знатоком русской поэзии XX века. Не меньшую известность он приобрел и как библиофил, собравший уникальную коллекцию стихотворных книг современников, которую справедливо называл «гордостью и славой своей жизни».

Собирать книги стихов он начал в шестнадцать лет. Поначалу это было юношеское увлечение. Как часто мы начинаем собирать книги, марки или открытки без нужды и цели, а потом находим в своем увлечении и радость, и цель, которые превращаются в дело всей жизни. Так случилось и с Тарасенковым. Из увлеченного собирателя он вырос в исследователя-библиофила.

Позднее, оценивая достигнутые результаты, он писал: «Я не собираю книги ради книг, я делаю науку! Я не поставил на полку ни одной книги, не прочитав ее или, по крайней мере, не пролистав! Я напишу, если успею, историю русской поэзии двадцатого века. Я веду библиографию. Картотека дезидерата (искомое, желаемое.— *А. Т.*) — это моя научная лаборатория. Именно благодаря тому, что я веду библиографию, я и смог собрать свою библиотеку».

Написать в полном виде историю русской поэзии XX века Тарасенков не успел, но он оставил после себя книги и огромную картотеку с описанием тысяч поэтических произведений.

Что же хранит библиотека?

Когда Анатолию Тарасенкову было восемнадцать лет, вся библиотека умещалась на одной книжной полке. Через три десятилетия она состояла из семи тысяч книг и представляла имена более двух тысяч поэтов, произведения которых изданы были в России за 55 лет, с 1900 по 1955 год. Некоторые из этих книг отсутствовали во многих библиотеках страны.

В библиотеке собраны отдельные уцелевшие экземпляры книг, выпущенных подпольно в царской России и за границей. Вот один из них: «Декабрьские дни» — сборник, посвященный революции 1905 года. В этой коллекции — произведения, напечатанные малыми тиражами во время гражданской войны. Среди них сборник стихов девятнадцатилетнего поэта-комсомольца Герасима Фейгина, погибшего при подавлении Кронштадтского мятежа. Редкие издания А. Блока, М. Горького, В. Маяковского, С. Есенина, Э. Багрицкого, А. Безыменского.

Особенно дорожил Тарасенков книгами, выпущенными в годы Великой Отечественной войны. В этой редчайшей коллекции — стихи белорусских партизан и сборник «Гангут смеется», изданный героями острова Ханко в ноябре 1941 года, книги Ленинградской блокады. В поэтической подборке и стихи Иосифа Уткина, погибшего в 1944 году на фронте, и книга Сергея Есенина, напечатанная героями-подпольщиками в оккупированной врагом Одессе.

В годы Великой Отечественной войны в Тбилиси была выпущена серия из четырех малоформатных книжек стихов под общим названием «Скоро Гитлеру капут». Они сохранились в считанных экземплярах. И это издание есть в тарасенковской библиотеке. На полках рядом с произведениями всемирно прославленных поэтов — книги мало известных или давно забытых авторов.

Об этой замечательной коллекции русских поэтических изданий первой половины XX века подробно и проникновенно рассказала М. О. Белкина, вдова Анатолия Кузьмича, в книге «Дождь перестал», выпущенной в 1975 году. Душой дома, по словам автора, были книги. И прежде всего Иван Бунин, Александр Блок, Владимир Маяковский, Анна Ахматова, Марина Цветаева.

Рисуя портрет тарасенковской библиотеки, Мария Белкина пишет: «Книги стояли, лежали в шкафах, на шкафах, на стеллажах, под стеллажами. Тонкие, как школьные тетради. Толстые. Величиною с альбом. Величиною с детскую ладошку. Квадратные, продолговатые, одна даже восьмиугольная! Кажется, только круглых книг не было. В два ряда, в три ряда. Разобраться, где что стоит, где что лежит, невозможно. Только Тарасенков сам, хоть ночью подними, в темноте, на ощупь — любую!»

Возникновение этой библиотеки — само по себе явление удивительное. Она была фактически составлена не одним собирателем, а всей страной. «Обычно,— вспоминает Мария Белкина,— не проходило и дня без книжной бандероли. Книги присылали безызвестные адресаты и еще неизвестные молодые поэты и вместе с ними Твардовский и Вера Панова, Галина Николаева и Ольга Берггольц и многие другие поэты и писатели».

Анатолий Кузьмич, получая бандероли с книгами, любил говорить: «Россия шлет!» И Россия действительно все время помнила своего одного из преданнейших летописцев поэтического слова.

На книгах, полученных в дар собирателем, разнообразные надписи: серьезные, шутливые, нежные, целые послания, иногда короткие строки. В них заключена часть жизни и самого книголюба, и его библиотеки.

Долгие годы продолжалась дружба Тарасенкова с С. Я. Маршаком. Зная, что свои библиотечные книги собиратель сам переплетает в яркий ситец, Маршак сочинил небольшой экспромт, которым он сопроводил перевод «Сонетов Шекспира», подаренный им Анатолию Кузьмичу:

Две тысячи сонетных
  строчек
Прими, вернейший из друзей,
Редактор, критик,
  переплетчик,
В шкафу устроивший
  музей...

На книге «Василий Теркин» шутливая надпись Александра Твардовского: «А. Тарасенкову в его библиотеку вношу это генеральское издание моей солдатской книжки».

Собиратель-исследователь мечтал «собрать книги всех поэтов и всех стихотворцев, которые жили и писали в нашем веке на русском языке». Мечтал издать лучшее, что есть в поэзии двадцатого века. Ради этого он потратил годы и годы, просматривая книжные летописи, каталоги, проверяя выходные данные в самих книгах, листая старые газеты и журналы. Он перерыл множество частных книжных коллекций. Проверял и сверял, чтобы не упустить ни одно поэтическое имя, не пропустить ни одной стоящей поэтической книги.

Мечта эта оказалась до конца не исполненной. Но он сумел все же описать гораздо больше книг, чем смог собрать. В 1966 году была опубликована его книга «Русские поэты XX века» — путеводитель по истории отечественной поэзии первой половины XX века.

После смерти Анатолия Кузьмича его книжное собрание было передано в Ленинскую библиотеку, которую он высоко ценил, любил и книгами которой пользовался.

Заказывая в «Ленинке» какой-либо редкий поэтический сборник, которого не найти больше нигде, не всякий читатель догадывается, какое удивительное путешествие совершила та или иная книга, пока не попала сюда — на библиотечные полки. Свыше трехсот таких книг-путешественников из собрания Тарасенкова впервые вошли в состав библиотеки, восполнили ее пробелы.

Тарасенков был настоящим путешественником в мире книжных поисков. Вот почему справедливы слова, сказанные С. Я. Маршаком об этом человеке: «Он был великим книжным Робинзоном».

КНИГОЛЮБЫ И БИБЛИОТЕКИ

Как-то Анатоль Франс с горечью сказал о стараниях людей, собирающих книги: «Что может быть благороднее, чем ставить книги в шкаф? Правда, это очень напоминает хлопоты детей, собирающих в кучи песок на берегу моря. Труд их напрасен: все ими воздвигаемое скоро будет разрушено. Конечно, так же обстоит дело с коллекциями книг и картин. Но тут виной являются лишь превратности судьбы и краткость человеческого существования».

Нередко книжные коллекции, порой бесценные, погибают, распыляются. Что может быть печальнее вида даже одной искалеченной книги, не говоря о целой библиотеке. Ведь на ее собирание, возможно, была потрачена целая жизнь.

История знает примеры невозвратимых книжных потерь. До сих пор продолжаются поиски редчайшего книжного собрания почти в 3 тысячи томов великого французского философа и просветителя Дени Дидро. Приобретенная в 1765 году Екатериной II после смерти Дидро библиотека была доставлена в Петербург. И покупка библиотеки, и назначение русской императрицей Дидро, находившегося в ту пору жизни на грани нищеты, пожизненным библиотекарем «собственности ее величества»,— все это оказалось очередным фарсом «Тартюфа в юбке» — так назвал Екатерину II Пушкин.

Разбирая привезенные из Парижа книги, чиновники случайно нашли в одной из них не переданную в свое время Дидро записку императрице. В ней он в довольно неприкрытой форме обвинял «покровительницу муз и наук и бескорыстного друга французских философов» — Вольтера и Дидро — в обмане русского народа. Одного этого оказалось достаточным, чтобы судьба редчайшего книжного собрания была решена. Екатерина II велела передать книги в Эрмитаж, где они хранились некоторое время в отдельной комнате. Прошло немного лет, и библиотека Дидро затерялась среди множества других книг.

Жалкие остатки сохранились от некогда знаменитой библиотеки первого русского сатирика Антиоха Кантемира. После его смерти она была распродана наследниками. Специалистам удалось по экслибрису на книгах восстановить лишь небольшую ее часть. Не дошла до нашего времени и библиотека Федора Михайловича Достоевского. Сын первой его жены во время пребывания писателя за границей распродал почти все книги. Сохранились воспоминания жены Достоевского Анны Григорьевны, в которых она говорит о том, что у Федора Михайловича была прекрасная библиотека и ее потеря его «чрезвычайно огорчила».

Лишь счастливый случай помог частично восстановить облик этой библиотеки. В 1917 году, изучая в Московском Историческом музее материалы о Достоевском, писатель-литературовед Л. П. Гроссман случайно обнаружил тетрадь с описью книг писательской библиотеки, состав-

ленной А. Г. Достоевской. Эта тетрадь впоследствии и послужила источником для каталога книг писателя в последние годы его жизни.

Более восьмидесяти лет мы ничего не знали о судьбе библиотеки великого русского драматурга А. Н. Островского. Разбирая архивные дела библиотеки Пушкинского дома, ее заведующий Анатолий Николаевич Степанов нашел в одной из истрепанных папок рукопись с описанием библиотеки драматурга.

Найденная рукопись стала началом длительных поисков. В результате было обнаружено шестьсот названий книг и журналов, часть книжного собрания А. Н. Островского — страстного любителя и знатока книг. О судьбе его библиотеки А. Н. Степанов рассказал в очерках «У книг своя судьба», вышедших отдельной книгой в 1974 году.

Перечень книжных трагедий велик. Он мог бы сам по себе составить тему отдельной книги. Одна из ее глав, очевидно, могла бы быть посвящена рассказу о знаменитой Тургеневской библиотеке в Париже, просуществовавшей почти шестьдесят пять лет.

Первая русская библиотека в Париже была основана в 1875 году на средства И. С. Тургенева. Помогали ее пополнять книгами Г. Флобер и Э. Золя. В ее устройстве участвовали русские революционеры Г. Лопатин и П. Лавров. После смерти писателя библиотеку стали называть Тургеневской.

Огромную роль в развитии этой библиотеки сыграли видные деятели русской культуры, писатели. Среди них были Ф. М. Достоевский, А. Ф. Писемский, а позднее И. А. Бунин, А. М. Горький. Тургеневская библиотека превратилась в центр культурной жизни русских политических эмигрантов в Париже. Во время пребывания в эмиграции в Тургеневской библиотеке работал В. И. Ленин, который отозвался о ней с большой теплотой.

Здесь было собрано много редких книг, первые издания К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, почти все журналы, выходившие в дореволюционной России. Богато представлены русская классика, мемуары. Хранились и первые тургеневские книги с дарственными надписями, часть рукописей писателя. К 1940 году библиотека насчитывала более ста тысяч книг.

Во время оккупации Парижа гитлеровцы разграбили библиотеку и вывезли все ее книги в Германию. Часть из них пропала при перевозке, много погибло во время бомбежек предместья Берлина, где хранились книги на одном из железнодорожных складов привокзального депо. Уцелели лишь отдельные тома. Их находили в Берлине, Польше, Риге. Продолжают искать и по сей день. После окончания войны в Париже вновь была открыта библиотека, носящая имя великого русского писателя.

Недавно до нас дошла горестная весть о распродаже на книжном «аукционе века» последних остатков редчайшей библиотеки известного деятеля русской культуры Сергея Павловича Дягилева.

После смерти С. П. Дягилева в 1929 году его библиотека стала достоянием мастера балета и страстного книжного коллекционера Сергея Михайловича Лифаря. Почти пять десятилетий он сумел сохранять в полном виде драгоценные коллекции редких русских книг, насчитывающих более двух тысяч названий. Однако жизненные обстоятельства на склоне лет заставили его пустить эти книги в распродажу.

«Это моя победа и это мое поражение»,— с горечью сказал коллекционер о библиотеке, на многих книгах которой написаны были слова: «Для возврата в Россию». Лишь отдельные книги вернулись на Родину. В жаркой схватке книжных антикваров, съехавшихся в ноябре 1975 года на книжный аукцион в Монте-Карло, с молотка были распроданы русские старопечатные книги XVI—XVII веков, в том числе «Азбука» Ивана Федорова, а также подорожная, с которой Пушкин в 1820 году отправился в южную ссылку, письма Лермонтова, Тургенева, первые издания многих русских классиков.

«Превратности судьбы и краткость человеческого существования» как в прошлом, так и в наше время не балуют собирателей. Как часто они задумываются о будущем собственных библиотек. И нам понятны их заботы и переживания, но напрасен ли труд собирателей? Конечно, нет! Множество примеров свидетельствуют о высоком общественном и культурном значении книгособирательства!

В 1741 году в Лондоне умер врач и ботаник Ханс Слоун. Когда вскрыли его завещание, то стало известно, что он подарил английской нации книжное собрание по ботанике, зоологии и минералогии: свыше трех с половиной тысяч рукописей и 40 тысяч книг.

Вся Англия с восторгом приветствовала благородный поступок ученого. Парламент утвердил завещание и с благодарностью принял драгоценный дар, к неудовольствию лишь одного человека — папы римского, который в течение многих лет уговаривал Слоуна продать свою книжную коллекцию Ватиканской библиотеке.

В соответствии с законом, принятым парламентом в 1795 году, в Лондоне состоялось торжественное открытие Британского музея. Первой его книжной коллекцией стал дар знаменитого английского коллекционера. Сегодня библиотека Британского музея — одна из выдающихся научных библиотек мира. В свое время К. Маркс сказал, что без нее было бы невозможным создание «Капитала». Высоко ценил библиотеку В. И. Ленин. Здесь он работал над многими произведениями. Читателями библиотеки Британского музея были Чарлз Дарвин и Вальтер Скотт, Бернард Шоу и Герберт Уэллс.

На основе книжного собрания почти в семь тысяч томов одного из первых американских президентов Джефферсона возникла библиотека американского конгресса — ныне Национальная библиотека США.

Первые книжные коллекции Национальной библиотеки нашей страны, созданной в 1862 году, были составлены из личных собраний русских

библиофилов Н. П. Румянцева, А. С. Норова, С. Д. Полторацкого, Д. А. Гурьева, К. М. Бороздина.

В библиотеке Академии наук СССР — одной из крупнейших научных библиотек мира — насчитывается свыше пятидесяти личных библиотек выдающихся ученых нашей страны как прошлого, так и настоящего.

История рождения и становления крупнейших книгохранилищ мира не отделена от истории библиофильства, прекрасным проявлением которого являются книжные дары коллекционеров. Став общественным достоянием, книжные дары приобретают научную и культурную ценность, становятся доступными для читателей, что составляет высшую награду для всякого книголюба.

Одним из примеров этой давней благородной традиции — передавать свои личные собрания в книгохранилища — может послужить история рождения и становления Ленинской библиотеки. Лишь за первые пятьдесят пять лет, с 1862 по 1917 год, в Румянцевскую публичную библиотеку поступило пятьдесят крупных личных книжных собраний. За этот период библиотека получила в порядке обязательных поступлений около 500 тысяч томов, а из личных собраний 300 тысяч. Главное достоинство большого числа полученных даров заключалось в их научной ценности и редкости.

Ленинская библиотека гордится тем, что она долгие годы хранила рукописи А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького, переданные впоследствии различным мемориальным музеям страны.

Неиссякаемый поток книжных даров продолжается и в наши дни. Библиотека бережно хранит восемь книг, подаренных ей 20 марта 1919 года В. И. Лениным. Среди них «Государство и революция» и «Очередные задачи Советской власти» — на русском, французском и немецком языках.

В библиотеке есть специальная книга даров, в которую заносят имена ее почитателей, передавших сюда личные книжные собрания.

Заслуживает внимания выдающаяся личная библиотека ученого-библиографа, книговеда и писателя Николая Александровича Рубакина. Перед смертью он завещал Библиотеке имени В. И. Ленина книжное собрание в 80 тысяч томов. В 1948 году это уникальное книжное собрание — главным образом литература XIX — XX веков — перевезено было из Швейцарии, где скончался Н. А. Рубакин, в Москву и размещено в специальном фонде Ленинской библиотеки. Это самое крупное частное собрание. В нем много редких книг, некоторые из них отсутствовали в библиотеке или имелись в единичных экземплярах. Много книг с автографами видных ученых, писателей, общественных деятелей. В библиотеке хранится и рубакинский архив.

«Когда-нибудь разумные люди сумеют оценить Вашу настойчивую, огромную работу истинного демократа»,— писал А. М. Горький 18 октября 1922 года, обращаясь к Рубакину. Библиотека и архив Н. А. Рубакина — богатейший материал для изучения истории русского общества второй

половины XIX века и первой половины XX века — ныне высоко оценена в нашей стране. Эти материалы изучают специалисты.

Рассказывая о книжных дарах, поступивших в Ленинскую библиотеку, нельзя не упомянуть и редкую коллекцию литературоведа профессора Василия Алексеевича Десницкого — более 11 тысяч томов. Здесь и первое издание «Слова о полку Игореве», и нелегальные запрещенные книги, и редкие книги XIX и начала XX века.

В конце 80-х годов в России появились брошюры, на которых было указано: «Вольная Русская» или «Петербургская Вольная типография». Жандармы сбились с ног, охотясь за подпольщиками, перетряхнули столицу, но так и не смогли обнаружить тайных типографий. За два года в четырех типографиях, работавших в подполье и наводивших буквально ужас на царскую власть, было напечатано 50 брошюр и прокламаций. В том числе брошюра с текстом речи И. Мышкина на процессе 193-х, историческая «Речь Петра Алексеева», революционные стихи Н. А. Некрасова. До приобретения собрания В. А. Десницкого в Ленинской библиотеке не было ни одного из этих редких и бесценных для нас изданий по истории русского революционного движения.

В 1976 году известный советский ученый и библиофил Алексей Иванович Маркушевич передал в качестве дара Ленинской библиотеке 75 инкунабул и 61 фрагмент инкунабул. Некоторые из этих первенцев печати сохранились до наших дней в единственном экземпляре. Трудно оценить культурное и научное значение этой уникальной коллекции, собиранию которой библиофил посвятил всю жизнь.

Необозрим поток поступлений. Он продолжается, свидетельствуя о высокой любви и уважении советских людей к библиотеке. Это и понятно: ведь многие из них прошли здесь вторые университеты, задумали и написали в ее читальных залах немало своих трудов. В книге даров запечатлены не одни отечественные имена и адресаты. Тысячи книг и рукописей преподнесены в дар библиотеке ее зарубежными друзьями.

Скольким книжным дарам обязаны местные библиотеки и музеи нашей страны!

После Октябрьской революции советские библиотеки не нуждаются больше в меценатах. О них заботится народ, государство. Однако добрая традиция — дарить библиотекам книги — всегда не только благородна сама по себе, но и исполнена глубокого общественного и культурного смысла.

Глава V

ВЕХИ НА ПУТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Собирательство — чудесная, умная и правильная деятельность человека!

А. А. Сидоров

КНИЖНАЯ ЛЕНИНИАНА

Владимир Никифорович Алексеев собирает прижизненные издания В. И. Ленина. Прежде всего книги. «Кроме того, я собираю все, что имеет отношение к Ленину,— значки, портреты Владимира Ильича, экслибрисы, марки. За каждым — удивительная судьба»,— говорит книголюб.

Вот сборник «За 12 лет». История его необычна — она рассказывает о первой попытке выпустить собрание сочинений В. И. Ленина. Издание это в трех томах под названием «За 12 лет» (1895—1906) было выпущено издательством «Зерно» — его тогда возглавлял большевик М. С. Кедров. Первый том, куда вошли ленинские работы «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад» и «Две тактики социал-демократии в демократической революции», издан был в 1907 году. Тираж книги отправили на склад. Оттуда, минуя магазины, книгу рассылали по почте в запечатанных бандеролях.

Один из экземпляров попал в Петербургский комитет по делам печати. Цензоры, почувствовав пороховую силу книги, тотчас не только запретили

ее, но и попытались — за призыв к революции — предать автора суду. Арестовать Владимира Ильича не смогли: он тогда скрывался от царской охранки в Финляндии. Кедрова же посадили в тюрьму.

Часть сохранившегося тиража тайно перевезли в подвалы писчебумажной фабрики «Сокол», где он пролежал до апреля 1917 года, после чего книга поступила в продажу. Второй том сборника под названием «Аграрный вопрос. Часть 1» увидел свет в 1908 году. Ради конспирации пришлось отказаться от общего заглавия «За 12 лет». Вторую часть этого тома выпустить не удалось. Ее запретили и уничтожили. Уцелел только один экземпляр.

Вот еще одна книга примечательной судьбы — одна из первых кратких биографий В. И. Ленина. Написана она в 1918 году по заданию ЦК партии и была издана массовым тиражом в сытинской типографии. К книжечке приложен портрет Владимира Ильича. Копия того, что в декабре 1917 года впервые в истории буржуазной прессы появился в одной из австрийских газет.

Найдена ленинская биография — в ней всего восемь страничек — в библиотеке одного из старых большевиков. После его смерти осталось крупное книжное собрание. Семья попросила специалистов отобрать наиболее интересные книги для научных целей. Пригласили и Владимира Никифоровича. Переворошил он груды томов, собрался было уходить и вдруг приметил драгоценную книжечку. Листики на желто-серой бумаге, читаные-перечитаные, впитавшие в себя пот тысяч мозолистых рук, казалось, вот-вот рассыпятся.

«Когда я увидел это издание,— вспоминает Алексеев,— то не мог сдержать себя и рассказал о своей Лениниане. Вдова подарила мне ленинскую биографию». Книжка оказалась настолько ветхой, что пришлось потратить немало усилий, пока удалось ее восстановить и сделать пригодной для чтения.

«Эти восемь содержательных страниц книги,— говорит собиратель,— дороги для нас, советских людей, и сегодня, как первая летопись жизни и деятельности В. И. Ленина и как первый историко-научный документ Советского государства...»

Некоторые из изданий Ленинианы столь редки, что их нет ни в одной из библиотек или музеев страны. «Вот,— говорит Владимир Никифорович, доставая с полки небольшой томик в плотном черном переплете,— одна из самых дорогих находок».

На титульном листе книги напечатано: «В. И. Ульянов-Ленин. «Государство и революция». Вышла в Нью-Йорке в 1919 году на русском языке. Ее издал Объединенный совет профсоюзов печатников. Текст книги — перепечатка первого русского издания, выпущенного петроградским издательством «Жизнь и Знание» в 1918 году. «Заметьте,— указывает Алексеев,— книгу эту напечатали в то время, когда войска Антанты начали поход против молодой Советской Республики».

Немало времени потратил исследователь на выяснение истории находки. Он установил, что Объединенный совет профсоюзов печатников выступал в защиту Советской России. После поражения в 1920 году военной интервенции против нашей страны в Америке начались преследования революционно настроенных профсоюзов, а Коммунистическую партию объявили вне закона. Большую часть тиража книги уничтожили. «Это издание напоминает о том историческом времени, когда работа В. И. Ленина помогла американским рабочим лучше понять смысл и значение Октябрьской революции»,— заканчивает Владимир Никифорович рассказ о судьбе еще одной ленинской книги.

Библиотека состоит из трех разделов: прижизненные издания В. И. Ленина, книги, посвященные памяти вождя; образ Владимира Ильича в литературе, искусстве, народном творчестве. И наконец, третий раздел библиотеки — это произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, книги по истории революционного движения в России, от Радищева, декабристов, Герцена, Чернышевского и до великой эпохи Октября. Всего алексеевская библиотека-музей насчитывает 5 тысяч экспонатов. В том числе 3600 книг. Среди них главное место занимают первые и прижизненные ленинские книги.

С гордостью собиратель показывает первые издания в России «Капитала» К. Маркса. Например, первое издание, выпущенное в апреле 1872 года тиражом 3 тысячи экземпляров. Это был и первый перевод на иностранный язык. В 1885 году появился второй том, а в 1896 году — третий. В 1880 году в письме к Ф. А. Зорге Карл Маркс отмечал, что «в России «Капитал» больше читают и ценят, чем где бы то ни было». Через сколько рук прошли эти книжки, скольких людей научили они понимать смысл и значение коммунистических идей!

Богато представлена в Лениниане подборка книг, брошюр, плакатов, листовок первых лет Советской власти: издания Н. А. Некрасова, К. Ф. Рылеева, стихи о революции, «Диалог об искусстве» А. В. Луначарского, монография о художнике В. А. Серове.

Владимир Никифорович стремится собрать воедино все, что связано с жизнью Владимира Ильича. Помимо книг, в библиотеке хранится более двухсот журналов и десятки комплектов газет. Например, номер «Правды» за 7 апреля 1917 года, где были впервые опубликованы «Апрельские тезисы». Газетные материалы о первом коммунистическом субботнике, в котором принимал участие Владимир Ильич. Хранит собиратель траурные номера газет с первыми откликами на смерть вождя. И памятный значок того времени — его выдавали провожавшим в последний путь Ильича.

Ленинские портреты, рисунки, редкие фотографии, марки, экслибрисы — все это представлено в Лениниане. Вот портрет В. И. Ленина, исполненный в 20-х годах Ю. Анненковым в качестве приложения к журналу «Красная Нива». Вот «Альбом портретных набросков» — замечательные карандашные рисунки Натана Альтмана. Художнику по-

Экслибрисы Ленинианы В. Н. Алексеева.

счастливилось сделать их в рабочем кабинете В. И. Ленина. Альбом издан в 1921 году небольшим тиражом и сейчас представляет собой большую редкость.

Интересна история нагрудной бронзовой медали. Ее изготовили к первой годовщине Октября. На одной стороне портрет Владимира Ильича, на другой — надпись: «Да здравствует свобода великого трудового народа. 25 октября 1917 года». Тут же изображение красной гвоздики — символа революции. Этой медалью награждали красных бойцов и командиров, особо отличившихся на фронтах гражданской войны. Фактически она стала тогда первой боевой наградой Советской страны.

Как же возникла Лениниана?

Предоставим слово собирателю. «В детстве,— рассказывает Алексеев,— я не видел книг. Семья была большая. Одних детей пять человек. Отец рано умер. Даже лубочные картинки для нас были неслыханной роскошью. Когда появилась возможность купить на первые самостоятельно заработанные деньги книжки, я приобрел детские издания. Меня пленили прекрасные иллюстрации Билибина, Митрохина, Нарбута. С тех пор и по сей день я всегда неравнодушен к иллюстрированным изданиям. Затем сердце захватила художественная литература, но больше всего привлекала

историческая тема». Прочитав книгу Н. Г. Чернышевского «Что делать?», Владимир Никифорович задумался над трагической судьбой романа и его автора. Чернышевский привел к Радищеву, Новикову, декабристам, Герцену, вызвал стремление собирать революционную литературу.

Вот и сама книга «Что делать?». Листая ее, замечаешь, что нумерация страниц не по порядку. Оказывается, это кем-то переплетенные страницы из журнала «Современник», где впервые в 1863 году опубликован был роман, ставший знамением своего времени. В таком виде его долгие годы читала Россия. На титуле указано, что экземпляр этот принадлежит Ипполиту Матвеевичу Дебу — переводчику Шарля Фурье и Фридриха Энгельса, одному из петрашевцев. Книга эта дорого досталась Алексееву. «Пришлось, как говорится, «снять с себя рубашку», отдать за нее немало книг из своей библиотеки»,— вспоминает Владимир Никифорович.

Однажды в руки собирателя попала книга, которая особенно привлекла его внимание: сборник произведений, запрещенных царской цензурой. Он решил собирать нелегальные издания: за каждым из них многострадальная судьба и самих книг, и авторов, и тех, кто их распространял и читал. Обращаясь к этим книжкам, он все чаще встречал ленинские работы. «Каждая из них читана-перечитана, прошла через много рук,— рассказывает Владимир Никифорович,— каждая стала событием в жизни многих людей — об этом свидетельствовали пометки, подклейки и самые разнообразные следы чтения». Так окончательно сформировался круг интересов собирателя.

Владимир Никифорович с гордостью говорит: «Я — букинист, книгопродавец, собиратель и книголюб». Добавим: и собиратель-исследователь. Профессия букиниста, ей он посвятил более сорока лет, помогла разыскать и приобрести немало редких изданий. Собранная библиотека стала основой его журналистской и пропагандистской работы.

Любовь к книге означает для Владимира Никифоровича не одни лишь поиски книг, но и стремление изучить им собранное и познакомить с результатами находок как можно большее число людей. Он опубликовал серию статей о судьбе многих ленинских книг.

Владимира Никифоровича часто спрашивают: «Как вам удалось собрать такую уникальную библиотеку?» Обычно он отвечает так: «Я просто общаюсь с народом, а народ чтит память Ленина».

В адрес собирателя идут письма, бандероли и посылки с книгами. Однажды пришла необычная посылка. Инженер Михаил Большаков, красноярский книголюб, прислал серию снимков и рисунков художника А. Мешкова: «В. И. Ленин в сибирской ссылке».

В Красноярске на бульваре Енисея около речного вокзала на постаменте установлен макет парохода. На нем за двадцать лет до Октября, ехал Владимир Ильич в Минусинск, а далее в село Шушенское, в ссылку. В коллекции Владимира Никифоровича есть снимки этого парохода, а также список и фотография матросов его экипажа.

Лениниана всегда открыта и доступна для всех, кто желает с ней познакомиться. Часть коллекций Алексеев передал в Центральный музей В. И. Ленина в Москве — первые советские издания художественной литературы о Владимире Ильиче. Многие книги из его библиотеки можно увидеть: в Ленинском музее в Минске, в Ленинском музее Кара-Калпакии, в Народном музее города Стрый, Львовской области, в библиотеке автозавода имени Лихачева.

В 1971 году Владимир Никифорович по просьбе Института марксизма-ленинизма при Центральном Комитете Коммунистической партии ГДР передал ему из своей библиотеки экземпляр первого издания на русском языке «Капитала» К. Маркса.

История создания книжного собрания Алексеева еще не написана. Когда это будет сделано, мы узнаем много нового о значении книги в жизни Владимира Ильича и о самих его произведениях, сыгравших огромную роль в судьбе целых поколений.

«В чем смысл того, чему вы посвятили жизнь?» — спрашиваю Владимира Никифоровича. Вот как он ответил: «Первое 19-томное собрание сочинений Владимира Ильича включало 1500 ленинских документов. В пятом «Полном собрании сочинений В. И. Ленина» насчитывается уже более 9 тысяч документов. В их поиске и собирании на протяжении десятилетий есть и частица труда собирателей». Затем он добавил: «У меня нет другой жизни, как жить среди книг».

В дом Алексеева, всегда открытый для людей, хочется приходить и приходить. И всякий раз здесь тебе покажут нечто новое, такое, что не может не вызвать волнения, радости и гордости за Лениниану.

«ВСЁ» О КРЫЛОВЕ

Великий русский баснописец стал кумиром ленинградского собирателя Серафима Матвеевича Бабинцева далеко не сразу. Первым его книжным увлечением, еще в школьные годы, были народные загадки. Однажды в местном краеведческом музее он обратил внимание на небольшую тетрадь загадок. «Как это интересно! Сколько сил потратили люди, чтобы собрать их! Но ведь загадок куда больше». Родилась мысль продолжить начатое дело.

Увлечение юных лет не погасло. И в студенческие годы, уже в Ленинграде, и позже, работая в библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Бабинцев продолжал собирать «копилку народной мудрости», наполняя ее все новыми загадками. Записанных на карточки, их набралось 12 тысяч. Все это богатство собиратель передал известному уральскому писателю-краеведу Владимиру Павловичу Бирюкову.

За долгие годы жизни составлена библиотека в три тысячи томов. В ней русская классика, литература по книговедению, книги по

искусству. Значительный раздел библиотеки — справочники и путеводители по странам и городам. Многолетнее увлечение собирателя — коллекция в 10 тысяч открыток с видами русских и зарубежных городов и подборка открыток, посвященных литературе,— свыше 10 тысяч. Однако главная тема собирательства Бабинцева — произведения Крылова.

К Крылову, его книгам Серафима Матвеевича привели научные занятия в библиотеке, где в свое время почти тридцать лет прослужил библиотекарем сам великий писатель.

Сталкиваясь с материалами, в той или иной степени связанными с Крыловым-библиотекарем, Бабинцев убедился, что эта область его жизни не раскрыта, а порой и неверно оценена. На протяжении многих лет господствовало мнение, будто Крылов служил в библиотеке без особого рвения, а сама профессия библиотекаря для него всегда была чуждой. Сложился стереотипный портрет Крылова, якобы вечно лежавшего в своем служебном кабинете на диване с книгой в руках и безразлично взиравшего на читателей, приходивших за книгами.

В действительности все обстояло далеко не так. Имя Крылова может быть поставлено в один ряд блестящих русских писателей и поэтов, библиографов и библиотекарей, чьими стараниями практически создана первая публичная библиотека в нашей стране. Он работал вместе с выдающимся русским библиографом В. С. Сопиковым, с поэтами Н. И. Гнедичем, А. А. Дельвигом, К. Н. Батюшковым, драматургом и романистом М. Н. Загоскиным. С его именем связано становление русского книжного фонда. К моменту прихода Крылова на службу в библиотеку она насчитывала всего четыре книги на русском языке. Покидая библиотеку, Крылов оставил после себя в русском фонде 25 тысяч томов, зарегистрированных и тщательно описанных.

Сохранилась записка И. А. Крылова о наилучшем устройстве библиотечных книг в интересах удобства пользования ими читателями. Знакомство с ней показывает деятельное участие ее автора в самых различных видах библиотечной работы.

Крылов-библиотекарь — не только пример благородного служения отечественной культуре, но и самостоятельная тема изучения жизни и творческого пути писателя. Соприкасаясь с ней, можно лучше понять истоки его поразительной эрудиции, всегда столь восхищавшей современников, а также безмерную его любовь не только к литературе, но и вообще к книге. Тему эту и выбрал в качестве своей диссертации будущий собиратель Крыловианы.

Изучая деятельность Крылова-библиотекаря, Бабинцев стал собирать книги писателя и «всё» о нем. Начались поиски. Потом состоялось открытие для себя и Крылова, и его книг, судьба которых сама по себе интересна и значительна. «Изучением материалов о Крылове и собирательством,— рассказывает Серафим Матвеевич,— я занимаюсь тридцать лет. Началось с розысков сведений о Крылове и его баснях,

постепенно в коллекции обозначались разделы: книги Крылова и книги о нем, русские и переводные, открытки, фотографии, иллюстрации к басням, значки, этикетки, скульптура. Давно уже защищена диссертация, давшая толчок к собирательству, написаны две книги и десятки статей о Крылове, а собрание, ему посвященное, все растет и растет...»

Что же собой представляет Крыловиана ленинградского собирателя? Мы не ошибемся, если скажем, что это целый музей на дому. В нем почти тысяча экспонатов. Им отдано все, что только возможно, в квартире, где живет Серафим Матвеевич.

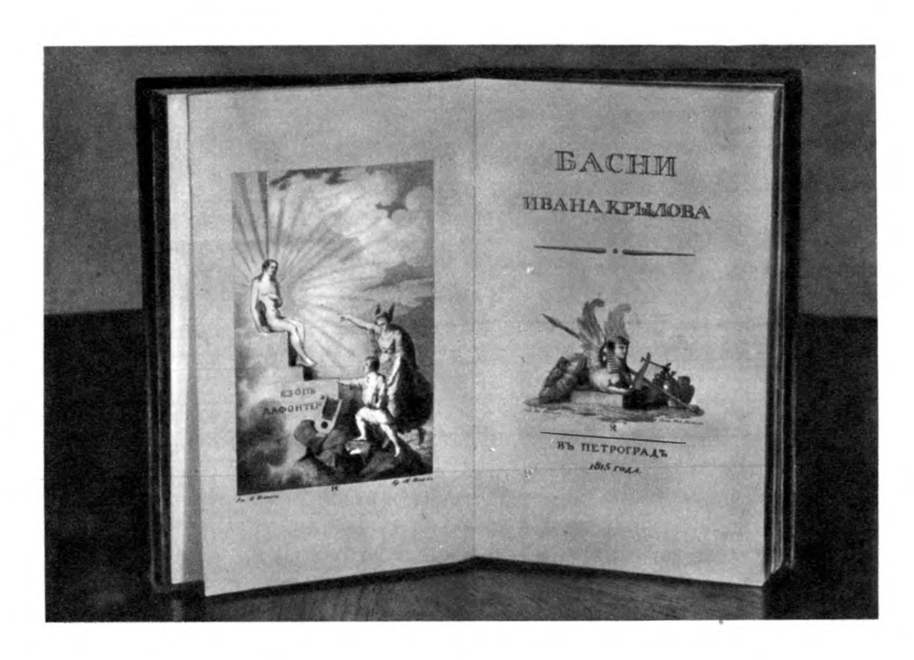
Знакомство с Крыловианой, естественно, началось с книг. О каждой из них можно рассказывать долго и много.

«Эти книжки, думаю, были самыми дорогими для Ивана Андреевича Крылова»,— начинает показ экспонатов Бабинцев, обращая внимание на второй выпуск знаменитой «Почты духов». Журнал уникальный: от начала и до конца текст его написан одним автором — двадцатилетним Крыловым. «Почта духов» печаталась в типографии И. Г. Рахманинова — известного русского просветителя XVIII века, переводчика и издателя в России сочинений Вольтера В издававшемся им журнале «Утренние часы» (он выходил в 1788—1789 годы) появились первые басни Крылова и его ода «Утро». «Почта духов» просуществовала недолго. Журнал прикрыли на восьмой мартовской книжке 1790 года. В библиотеке Бабинцева есть и крыловский журнал «Зритель» 1792 года, напечатанный в организованной самим писателем «Типографии И. А. Крылова со товарищи», как она официально называлась, просуществовавшей также недолго. На страницах этого сатирического журнала впервые увидели свет многие произведения писателя.

Всего Крыловиана, собранная Бабинцевым, насчитывает 250 книг и брошюр. Главное место в ней занимают басни. Более ста лет назад после выхода последнего прижизненного издания крыловских басен в девяти книгах в 1844 году В. Г. Белинский сказал о том, что им «потерян счет». При жизни автора его басни читала вся Россия. Их издавали и переиздавали неоднократно. Распространяли в списках. Они любимы народом и в наши дни. Стали достоянием отечественной и мировой культуры. «Это — единственный оригинальный баснописец, появившийся со времени Лафонтена» — так сказал о Крылове И. С. Тургенев. Слова эти не потеряли значения и по сей день.

История появления крыловских басен, их издания и распространения очень интересна. Тот, кто пожелает с ней познакомиться, может прочесть увлекательно написанную «Библиографическую повесть об Иване Крылове» в «Рассказах о книгах» Николая Павловича Смирнова-Сокольского. Мы же познакомим читателя с отдельными изданиями басен, хранящимися в библиотеке Бабинцева.

Собрать «всё» о Крылове почти невозможно. Особенно редки первые его книги, выходившие небольшими тиражами. Их просто зачитывали

Первое иллюстрированное издание басен И. А. Крылова.

до дыр. Первое издание из двадцати трех басен напечатано было в типографии Петербургского губернского правления в 1809 году тиражом 1200 экземпляров. Его нет у собирателя, как нет и первого иллюстрированного издания басен, опубликованного в 1815 году. Обе эти книжки настолько редки, что их нет даже в крупных книгохранилищах страны.

Несмотря на отсутствие в Крыловиане Бабинцева первых изданий басен, она представляет собой значительное культурное явление и позволяет проследить жизненный и творческий путь писателя. Видное место на этом пути занимает издание крыловских басен 1819 года. Ему предпосланы слова автора о том, что он «желает сим новым и последним изданием заключить достославное поприще свое». Как мы знаем, «достославное поприще» писатель не оставил и продолжал еще немало лет писать басни.

Через шесть лет, в 1825 году, вышло в свет новое издание в восьми книгах. Оно было опубликовано известным русским книгопродавцем Слениным в трех вариантах оформления. Самое дорогое — на веленевой бумаге, в роскошном переплете — стоило в то время двадцать пять рублей золотом. На титуле первой книги обозначен 1825 год, но тираж поступил в продажу

лишь весной 1826 года. В день восстания декабристов Крылов находился на Сенатской площади. «Дело» замяли, но не оно ли послужило причиной задержки выхода в свет этого издания?

Большой интерес представляет последнее прижизненное издание басен в девяти книгах 1843 года. В его подготовке деятельное участие принимал сам баснописец. Значительная часть тиража была распродана после смерти писателя. По его завещанию более тысячи экземпляров было послано его друзьям и знакомым. 10 ноября 1844 года почитатели писателя получили экземпляр басен, на заглавном листе которого в траурной рамке было напечатано: «Приношение. На память об Иване Андреевиче. По его желанию. Басни И. А. Крылова». И далее мелким шрифтом: «Спб 1844. 9-го Ноября 3/4 8-го, утром» — время, когда умер великий русский баснописец.

В библиотеке можно познакомиться и с первым полным собранием сочинений И. А. Крылова в девяти книгах с биографией автора, написанной П. А. Плетневым. Опубликовано оно в 1847 году.

В Крыловиане собрано большое число изданий писателя, выпущенных с 1850 по 1915 год. Большую редкость представляют первые советские книжки басен, напечатанные в 1918—1920-е годы на дешевой газетной бумаге, в мягкой обложке. Среди них и одно из первых иллюстрированных изданий 1922 года с рисунками И. Рабичева — басня «Тришкин кафтан» с цветными рисунками. Есть и первая книжка басен на украинском языке. Издана она в конце 20-х годов в Харькове. Собиратель составил редкую коллекцию крыловских басен, изданных во времена гражданской и Великой Отечественной войны.

Перебирая книгу за книгой, можно просмотреть издания басен на многих языках народов СССР, увидеть лучшие образцы их оформления советскими художниками. Среди них рисунки Д. Моора, Ф. Константинова, А. Каневского, Д. Митрохина, Н. Ильина, Кукрыниксов.

Монументальные «памятники», подарочные книжки и дешевые массовые серии, альбомы и книжки-картинки, книги на различных языках и в разнообразном оформлении, подборка под названием «Крылов и театр», книги о Крылове — каждая из этих коллекций по-своему оригинальна.

Трудно пройти мимо коллекции подарочных изданий крыловских басен. Вот, например, двухтомник 1834 года с иллюстрациями художника-гравера А. П. Сапожникова — одно из лучших изданий Смирдина. Часть экземпляров поступила в продажу с рисунками, раскрашенными от руки. Любопытен сборник 1864 года, оформленный К. А. Трутовским. Художник попытался раскрыть языком графики басенную аллегорию применительно к жизни России 70-х годов прошлого века. В этой же коллекции — альбомы дореволюционных и советских художников.

«Как вам удалось собрать Крыловиану?» — спрашиваю собирателя. Отвечает Серафим Матвеевич примерно так же, как и некоторые другие собиратели: «Чудесное везение не часто сопутствует в поисках книг. Но

Приношеніе.
На память объ Иванѣ Андреевичѣ.
По его желанію.

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

Санктпетербургъ.

1844.

9-го Ноября.

$^3/_4$ 8-го, утромъ.

Заглавный лист последнего прижизненного издания басен И. А. Крылова.

когда долго и упорно собираешь желанные книги и когда знаешь, что надо искать и что ты должен найти во что бы то ни стало, то непременно найдешь. Даже то, что, кажется, отыскать уже просто невозможно».

Как правило, большинство книг приобретено у букинистов. Крыловские сатирические журналы, например, помог найти видный ленинградский антиквар Иван Сергеевич Наумов. Немало крыловских изданий собиратель получил в обмен на книги из своей библиотеки. С некоторыми из них не так-то легко было расставаться — ничего не поделаешь. Случались и находки. И какие! Однажды ему предложили книжку басен конца XIX века. Взял ее в руки, стал рассматривать, а в ней между страницами свернутый листочек. Развернул его Бабинцев и ахнул от удивления — кто-то сохранил для потомства оттиски гранок всех 86 страниц редчайшего миниатюрного издания басен И. А. Крылова 1855 года — шедевра полиграфического искусства.

Однажды в антикварном магазине Бабинцев приобрел книгу с оттисками двух крыловских пьес: «Бешеная семья» и «Проказники». Книга эта в старинном картонном переплете была выпущена в первой трети XIX века. В архиве бывшего императорского театра, ныне Государственного театра оперы и балета имени С. М. Кирова, найдена была им и сама рукопись партитуры оперы «Бешеная семья» — автограф ее сейчас хранится в отделе рукописей библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Случалось и иное. Однажды Серафим Матвеевич уже держал в руках первое издание басен Крылова. Пока побежал домой за деньгами, книжку продали.

«Особенно для меня любимы,— рассказывает Бабинцев,— книги, полученные от собирателей-крыловедов». Он называет наиболее близкие ему имена. Например, в Ленинграде А. В. Десницкий и А. П. Могилянский, в Москве — Н. Л. Степанов и К. Л. Михеев, во Фрунзе — М. А. Рудов.

Встречи, беседы, переписка, знакомство с книгами, иллюстрациями помогли Бабинцеву в поисках. Идет время. Некоторых из названных собирателей-крыловедов нет в живых, но поиски и собирание Крыловианы продолжаются.

Есть в библиотеке и книги-подарки. Сленинское издание — дар московского собирателя К. Л. Михеева. Книгу на французском языке о Крылове преподнес Е. И. Кожевников — главный библиограф библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинградский писатель В. М. Иванов подарил свою книгу о И. А. Крылове «Ларец мудреца». Товарищи по работе подарили монументальный труд «И. А. Крылов в портретах, иллюстрациях и документах». Из Лондона прислал книгу «Крылов и его басни» историк-книговед Джон Симмонс. Это труд знаменитого переводчика басен на английский язык В. Р. Ральстона. Его переводы высоко оценил в свое время И. С. Тургенев, назвав их прекрасными.

«Я не отношусь к тем собирателям,— говорит Серафим Матвеевич,— для которых ценность имеют только оригиналы рукописей, первоиздания. Я стремлюсь собрать все сведения о Крылове». И поэтому в его собрании

представлены фотодокументы, редкие иллюстрации к басням, портреты Крылова, фотоснимки спектаклей, памятных мест, связанных с жизнью писателя, фотокопии неопубликованных его сочинений. Когда окидываешь взглядом все это, кажется, что перед тобой подлинное художественное создание, которое никогда не утратит своего первозданного очарования. Целый мир людей и событий, соприкасаясь с которым нельзя не испытать глубокого волнения и уважения к самому собирателю.

Бабинцев написал немало книг и статей. Заметное место среди них занимает книга об издательской и библиотечной деятельности писателя. Много лет потрачено на создание «Летописи жизни и деятельности И. А. Крылова» и «Библиографии произведений И. А. Крылова и литературы о нем». Над обоими капитальными трудами исследователь еще продолжает работать. Они воссоздают жизнь писателя — сатирика, публициста, драматурга, великого труженика, с юных лет мечтавшего «о делах высоких и славных», следы которых ярко воплощены в его произведениях.

Путь к Крылову оказался нелегким. В свое время поэт К. Н. Батюшков верно заметил: «Крылов — это загадка, и великая». Изучая материалы о жизни и творчестве писателя, исследователь попытался разгадать некоторые из этих загадок.

Вплоть до наших дней точно не было установлено, когда и где родился И. А. Крылов. Как ни странно, но даже и в настоящее время еще существует мнение, будто писатель родился в Москве. Изучая «личное дело» И. А. Крылова, хранящееся в архиве библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и иные документы, исследователь пришел к выводу что писатель родился 2 февраля 1768 года в Троицкой крепости Оренбургской губернии, где в то время находился полк, в котором служил отец писателя.

Сколько усилий и времени исследователь потратил на то, чтобы воссоздать образ Крылова — издателя и библиотекаря! Он проследил путь всех его произведений — и тех, что дошли до нас, и тех, рукописи которых бесследно исчезли. Крылов написал тринадцать пьес и две перевел. Рукописи с текстом двух из них не сохранились и известны лишь по воспоминаниям современников и по упоминаниям о них в отдельных документах. К примеру, трагедия «Клеопатра».

Однажды исследователь обнаружил свидетельство того, что текст «Клеопатры», подаренный в свое время автором императору Павлу I, хранится в бывшей дворцовой библиотеке, ныне библиотеке Эрмитажа. Однако радость «находки» оказалась преждевременной. В книжном собрании Эрмитажа рукописи не оказалось. Можно лишь предположить, что текст пьесы сгорел во время пожара в 1837 году. Может быть, рукопись исчезла позднее, когда книжное собрание из дворцовой библиотеки устраивали заново.

О многих своих поисках и разгадках исследователь рассказал в журнале

«Уральский следопыт», а также в отдельном очерке «Всё» о Крылове — в книге «Коллекция служит людям», вышедшей в 1973 году.

Хотя сделано немало, Серафим Матвеевич не считает свой труд полностью завершенным. Главная его мечта — и с ней он не расстается давно — собрать «всё» о Крылове в общенациональном масштабе. Воплощение этой идеи видится ему в создании Государственного мемориального музея И. А. Крылова в бывшей казенной квартире при библиотеке по Садовой, 20, где почти четверть века жил и работал великий баснописец: с 1816 до весны 1841 года. В будущий музей в Ленинграде Серафим Матвеевич желал бы передать всю свою Крыловиану.

Основная ценность книжного собрания Бабинцева состоит не столько в буквально сказочном зрелище Крыловианы, сколько в стремлении ее владельца сделать все свои находки достоянием общества, сохранить их для будущего.

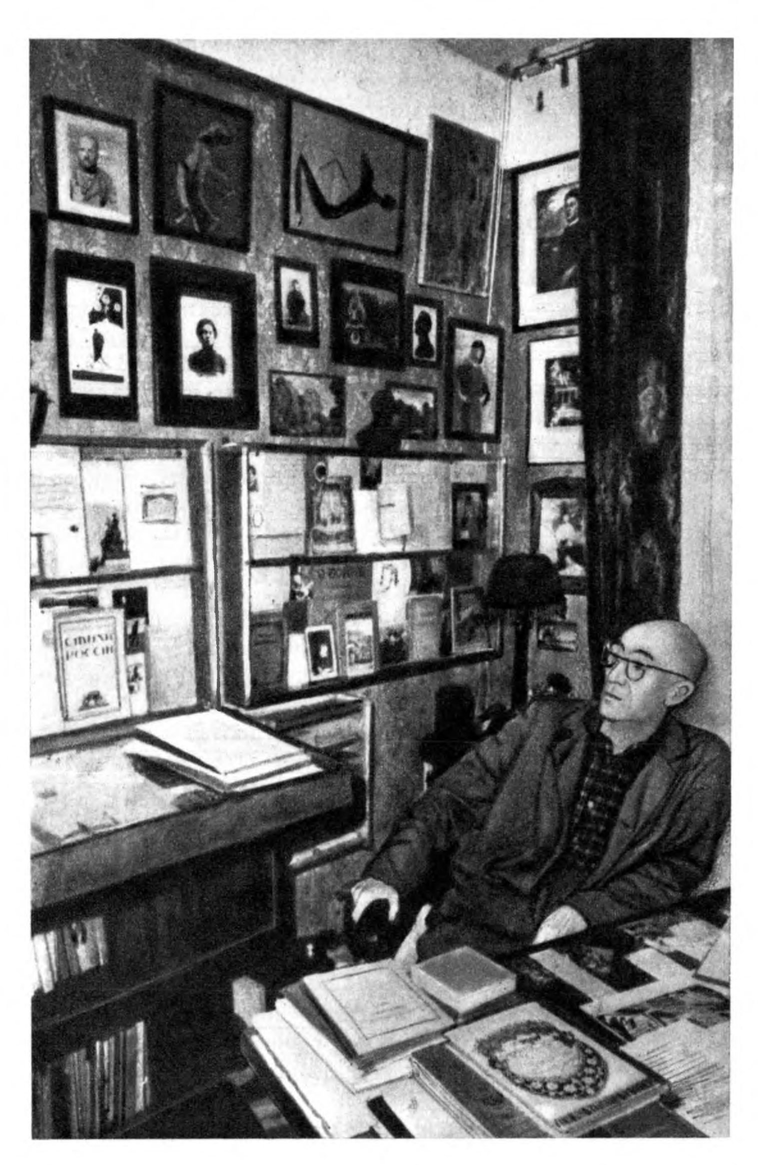
Говоря об ощущении смысла литературного труда, Константин Паустовский писал: «Радость работы над книгой — это радость победы над временем, над пространством». Труд подлинного книгособирателя, очевидно, таит в себе те же чувства. И они столь же радостны для него и окружающих его людей. Такое впечатление я вынес из встреч с Серафимом Матвеевичем. Он полон вдохновения и веры в высокое значение того, чему он посвятил лучшие годы своей жизни.

«ВСЁ» О БЛОКЕ

Николай Павлович Ильин был по профессии инженером-строителем. Он работал на многих стройках. Кочевая жизнь долго не позволяла собрать большую библиотеку. Как правило, вместе с ним всегда переезжали со стройки на стройку лишь самые любимые книги. И среди них — книги Александра Блока.

Еще с юных лет Ильин увлекался поэзией. Мечтал собрать все поэтические издания XIX века. Осуществить замысел не удалось. И все-таки он собрал прекрасную коллекцию поэтических книг. В ней представлены лучшие имена русской поэзии прошлого века. Однако предпочтение отдано одному имени: поэту XX века Александру Блоку, первые стихи которого появились в 1903 году. И эта привязанность превратилась в главное дело всей жизни собирателя-подвижника.

За четверть века Николай Павлович сумел столько сделать, что трудно поверить, будто это совершил один человек. Он собрал поистине «всё» о Блоке и «всего» поэта. Изучая собранное Ильиным, можно во всей широте проследить жизненный и творческий путь великого русского поэта: от первой пробы пера — трех стихотворений, опубликованных в сборнике «Стихотворения студентов С.-Петербургского университета», до поэмы «Двенадцать» — вершины блоковского творчества.

Николай Павлович Ильин.

Поэма «Двенадцать» в библиотеке занимает самое почетное место. На посвященной ей витрине представлены многочисленные издания — столичные, местные. На многих языках, в различном оформлении.

В библиотеке собрана редчайшая коллекция альманахов, сборников, журналов, в которых печатался поэт. Подобраны первые и прижизненные издания, хранится огромная литература о Блоке, включая статьи, рецензии, мемуары. Здесь немало редких и полузабытых книжек, уникальных работ. К примеру, рукописная книга «Роза и Крест», выполненная художником Н. Н. Купреяновым. Впервые поэт увидел ее 18 марта 1915 года. Он был восхищен оформлением. Но принять подарок художника не смог, считая его чересчур щедрым. Долгие годы исследователи блоковского наследия об этой книге ничего не знали, пока ее не отыскал Ильин.

Многие из собранных книг Николай Павлович получил в качестве дара за помощь в исследовании блоковского творчества. Среди них — издания Колумбийского и Кембриджского университетов, дневники Блока, переведенные на польский язык.

В библиотеке более двадцати книг с автографами поэта. Это в основном книги, подаренные им своим друзьям, родственникам, знакомым. Большую ценность представляет, например, подборка лирических стихотворений из цикла «Кармен», посвященных близкому другу поэта артистке Любови Александровне Дельмас.

Не менее удивительна, чем книги, галерея портретов и фотографий А. Блока и его окружения. Вся эта коллекция тщательно описана. Ильин установил места и здания, где бывал и жил поэт. В результате появилась книга «Блок в Москве». Есть и реликвии, связанные с жизнью А. Блока: макет дома в Шахматове, где жил поэт, его бюсты, портреты, репродукции с обложек блоковских книг и даже одежда поэта.

Собрание Ильина по праву можно назвать «литературным музеем» А. Блока. Это целая страна, и ею надо умело управлять. Неутомимый собиратель превосходно справлялся со взятыми на себя обязанностями. Он был и знатоком А. Блока, и литературоведом, и текстологом, и библиографом, и приветливым хозяином, радушно знакомящим интересующихся со своими богатствами.

Здесь всякая книга, любой документ, фотография, пусть даже маленькая заметка тщательно выверены и описаны. Все это помогало и помогает людям полнее постигать творчество поэта.

Блестящий знаток творчества А. Блока и его эпохи, Николай Павлович немало лет посвятил созданию библиографии поэта — ключу к истории блоковских произведений, газетным и журнальным публикациям о них, сведениям о художниках-оформителях книг поэта. «Эта работа высокой ценности, выполненная с отличным знанием материала и со всей тщательностью» — так оценили многолетний труд Николая Павловича Ильина Н. Тихонов, И. Андроников, В. Орлов, П. Антокольский, В. Перцов, рекомендуя его к изданию.

Следы неутомимых поисков Ильина и результаты его трудов можно найти во многих книгах и статьях, опубликованных в нашей стране и за рубежом. «Пользуюсь случаем выразить сердечную благодарность Н. П. Ильину,— пишет А. Турков, автор книги, выпущенной в серии ЖЗЛ, «Александр Блок»,— за разнообразную помощь, оказанную при подготовке этой книги». Таких примеров много.

В «литературный музей» А. Блока, созданный Н. П. Ильиным, обращались и еще долго будут обращаться за советом, помощью, справкой специалисты-литературоведы, писатели, поэты, журналисты, художники, аспиранты, студенты. И как часто находили здесь то, что искали, будь это редкое блоковское издание, случайно сохранившаяся старая фотография, давно забытый рисунок, письмо поэта или письмо к нему самому.

Блоковиана Ильина насчитывает четыре с половиной тысячи экспонатов. Каждый из них был для собирателя дорог прежде всего тем, что за ним — итог многолетних поисков и, конечно, открытий.

«Есть два сорта любви к книгам, два сорта любознательности,— писал известный ученый-литературовед С. А. Венгеров.— Один имеет источником потребность ума, другой — потребность сердца; один исходит из жажды знания, другой — из жажды истины и тоски по идеалу». Слова эти лучше всего характеризуют результаты книгособирательства Николая Павловича Ильина. И «потребность ума» и «потребность сердца» были слиты воедино в этом человеке, бесконечно преданном своему избраннику и его книгам.

ПО СЛЕДАМ ЛЮБИМЫХ ГЕРОЕВ

Огромное книжное собрание всегда внушает почтение. Но и несколько книжных полок могут стать для человека дороже, чем самая значительная библиотека. У всякого собирателя свои привязанности. Любимый герой немногих книжных полок Софьи Богдановны Шоломовой — Лариса Рейснер.

В 30-е годы мы, еще тогда мальчишки, с затаенным вниманием смотрели в московском Камерном театре спектакль Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия». Особенно последнюю сцену — сцену гибели бесстрашной женщины-комиссара. Роль ее исполняла знаменитая актриса Алиса Коонен. В то время никто из нас не знал, что прототипом главной героини пьесы была Лариса Рейснер — одна из замечательных женщин России. Она умерла в 1926 году от тифа, прожив всего тридцать лет. Однако ее короткая легендарная жизнь была полна пафоса борьбы и романтики.

Еще в студенческую пору, когда Ларисе Рейснер исполнилось всего восемнадцать лет, она впервые выступает в печати. Появляются ее стихи, очерки, переводы. В двадцать лет она редактор и издатель общественно-литературного журнала, названного именем героя романа Тургенева «Рудин».

Ее юность совпала с эпохой исторических потрясений страны, с самым значительным событием нашего века — Октябрьской революцией. В первые ее часы и дни Лариса Рейснер пришла в Смольный, чтобы служить революции. Ей поручили охрану культурных ценностей Зимнего дворца. Она с честью справилась с первым заданием партии. Потом были новые задания, и всегда она стремилась быть там, где особенно трудно, где решались судьбы революции.

В двадцать три года Лариса Рейснер — первая женщина-комиссар Главного морского штаба. Она прошла с красными моряками весь боевой путь Волжско-Камской флотилии до славного дня победы над белогвардейцами. Об этом грозном времени, живым свидетелем и непосредственным участником которого она была сама, Лариса Рейснер вдохновенно и правдиво рассказала в книге «Фронт», ставшей бессмертным памятником героям-морякам.

В предисловии к этой книге, которая, наряду с романом «Чапаев», была одним из первых произведений советской литературы о гражданской войне, обращаясь к молодежи, она писала: «...Эту книгу посвящаю рабфакам... Пусть дочтут до конца о том, как это было от Казани до Энзели. Как шумели победы, как кровью истекали поражения...»

В 1921 году Лариса Рейснер в составе первой советской дипломатической миссии едет в Афганистан. В одном из писем из этой далекой страны к родным она говорит: «Я знаю, отсвет этих лет будет жив всю жизнь, взойдет еще многими урожаями». Слова эти были ею претворены в книгу «Афганистан» — живой и яркий рассказ о мало известной тогда стране.

Осенью 1923 года Лариса Рейснер — корреспондент газеты «Известия» — в революционном Гамбурге. Сохранились строки ее писем из Германии в Москву: «Я учусь, вижу, слышу, пишу... О, жизнь, благословенная и великая, превыше всего, зашумит над головой пенящий вал революции. Нет лучшей жизни».

О «пенящем вале революции» гамбургского пролетариата во главе с Эрнстом Тельманом она написала книгу «Гамбург на баррикадах». Судьба ее примечательна, начиная от первых журнальных публикаций, нескольких прижизненных изданий до современных выпусков в нашей стране и за рубежом.

В 1925 году по решению германского имперского суда книгу запретили и сожгли. Но она продолжала жить и бороться. Ее напечатали в Венгрии и Польше. В 30-е годы книгу перевел на чешский язык Юлиус Фучик. В 50-е годы она вновь издана в Германской Демократической Республике и стала одним из любимых произведений немецкой молодежи.

Вернувшись из Германии, Лариса Рейснер отправляется по стране. Едет на заводы Урала и шахты Донбасса. На одном из стендов выставки «Книжные сокровища» в Ленинской библиотеке можно увидеть сохранившиеся листы тетрадки с карандашными записями Ларисы Рейснер, по-

крытыми тонким налетом черной угольной пыли. Из ее журналистских заметок сложилась одна из лучших книг писательницы: «Уголь, железо и живые люди». В этих очерках она рассказала о суровой героике первых трудовых лет молодой Советской Республики.

Блеск ума и щедрость сердца, бесстрашие и отвага, влюбленность в красоту человека и жизни, одаренность и бесконечное трудолюбие, способность в настоящем зорко видеть будущее — таким сохранился образ Ларисы Михайловны Рейснер в воспоминаниях современников. О ее жизни, наполненной до последнего часа юным задором мятежной борьбы, написаны книги и пьесы, поставлены фильмы, ей посвятили стихи, очерки и статьи лучшие писатели и поэты нашей страны.

Когда впервые на Всесоюзной конференции по книговедению стало известно, что в Харькове живет Шоломова и что она собирает материалы о Ларисе Рейснер, я не удивился выбору ее темы. Прошло некоторое время, и в печати промелькнула коротенькая заметка: на Всесоюзной конференции в Тарту, посвященной теме «Блок и русская культура XX века», в числе других участников выступала Шоломова. Это имя снова привлекло мое внимание.

Когда в процессе работы над этой книгой я познакомился с Софьей Богдановной, она рассказала мне о своей собирательской деятельности, о том, как и почему Лариса Рейснер стала ее любимым героем, как случилось, что из читателя она стала собирателем и исследователем.

Однажды кто-то из друзей принес ей подборку журнала «Красная новь» за 1926 год. Она обратила внимание на короткий, но проникновенно написанный некролог Воронского о Ларисе Рейснер. Судьба этой женщины не могла не тронуть сердце, заставила задуматься над жизнью, которую один из ее современников назвал «недопетой песней»...

Тогда первый интерес зажегся, как искорка, но тотчас погас, пока позднее Софья Богдановна не окунулась в мир живых строк Ларисы Рейснер, вызвавших и изумление и желание во всей полноте понять их суть. «Вот когда человек для меня стал оживать»,— вспоминает она. Окончательно все определила новая встреча после прочтения опубликованных в 1963 году в десятом номере журнала «Новый мир» подборки писем Ларисы Рейснер. Захотелось узнать больше о книгах, рожденных, как и их автор, революцией. Так начались поиски видимых и невидимых нитей, связывающих прошлое и настоящее, людей и книги Рейснер, которые писательница Лидия Сейфуллина призывала молодое поколение читать «для вкуса к жизни».

Впрочем, не просто случай привел читательницу к пленительному образу Ларисы Рейснер. С детства она полюбила книги. В школе слыла книжницей. В Харьковском университете, где Софья Богдановна училась на химическом факультете, сокурсники ее называли «ходячая библиотека». В юности начала собирать свою библиотеку, в зрелости обрела в книгах ту почву, на которой родилось желание не только знать больше о любимых

авторах и книгах, но и делиться с другими тем, что привлекает и волнует ее собственную душу.

«Мне всегда созвучны были женские индивидуальности,— рассказывает Софья Богдановна,— с явным творческим началом: Софья Ковалевская, Марина Цветаева, Наталья Крандиевская, Анна Остроумова-Лебедева, Мария Склодовская-Кюри... На первый взгляд «винегрет» из имен, а если вдуматься, то с каждой из этих личностей меня как бы связывает незримая, но прочная нить».

Во время нашей первой встречи в Харькове с Софьей Богдановной я услышал: «Сенсаций не ждите... Библиотека моя не может прославиться многотомьем. Всеядности не признаю, хотя «переболела» и этим тоже. Меня всегда привлекали и привлекают по сей день жизнеописания ярких, значительных личностей. Я собирала и читала книги как бы циклами. Например, Лев Толстой, его произведения и литература о них. Так же я читала Чехова, Паустовского, изучала жизнь моих любимых художников — Серова и Врубеля. Потом увлекла поэзия, и тогда возникла полка русской и зарубежной лирики. Параллельно проявился интерес к справочной литературе». Его умело направила еще в студенческие годы заведующая справочно-библиографическим отделом научной библиотеки Харьковского Государственного университета Э. С. Беркович. Именно она научила Шоломову обращаться со словарями, указателями, справочниками, и первая книга, приобретенная самостоятельно, был «Словарь иностранных слов».

Интерес к личности Ларисы Рейснер побуждал к изучению ее жизни и творчества, а также жизни окружавших ее людей, писателей, с которыми она встречалась в юные годы и позже. Поиски книг Ларисы Рейснер, ее очерков и статей, отдельных строчек в журналах и газетах, альманахах, старых и современных изданий, писем и фотографий, стихотворений, о которых мы знаем мало или вообще ничего,— на это было потрачено много усилий.

Изучая архив Ларисы Рейснер — он хранится в отделе рукописей Ленинской библиотеки — ее письма, творческие рукописи, записи, биографические материалы, исследователь обратила внимание на переписку юной Ларисы с поэтом и переводчиком начала нынешнего века Алексеем Константиновичем Лозиной-Лозинским. Восемнадцатилетнюю Ларису Рейснер интересовало мнение поэта о только что напечатанной ею в литературно-художественном альманахе «Шиповник» драме «Атлантида».

Найденные в архиве письма поэта к Ларисе Рейснер потребовали поисков «обратной связи» — писем ее к Лозине-Лозинскому. А для этого надо было разыскать личный архив поэта — он хранится в Центральном Государственном архиве литературы и искусства. Прочтение и изучение этой переписки нашло свое завершение в очерке «Две судьбы — два мира». «Эти строки,— пишет Софья Богдановна,— создают почти зримую картину некогда мысленно звучавшего диалога. В нем отражены

искания юности, убеждения и заблуждения. Поединок двух взглядов на мир, жизнь, творчество».

Работая над очерком, перечитывая письма, Шоломова отчетливее представила себе облик юной героини, вступавшей в мир с девизом: «Для меня жизнь и борьба идей есть единственная правда»... «Жизнь прекрасна!» Впоследствии, пройдя сквозь огненные годы революции, первая женщина-комиссар Красного Флота, большевистский дипломат, политик, писатель скажет: «Мы счастливые... Мы — великий, незабываемый 18-й год».

Знакомство с перепиской привело Шоломову к литературному журналу, одним из издателей которого был А. К. Лозина-Лозинский. В 1915 году в нем были опубликованы первые юношеские стихи Ларисы Рейснер. Исследователь разыскала живущих в Москве и Ленинграде родных поэта, познакомилась с их домашним архивом, слушала их рассказ о людях, ушедших из жизни, но оставивших после себя заметный след. «Эти поиски я считаю самыми удачными по конечным результатам»,— говорит Софья Богдановна.

Яркая жизненная и творческая судьба Ларисы Рейснер в наши дни все больше привлекает к себе внимание многих литературоведов и читателей. Прежде всего мы должны назвать Анну Иосифовну Наумову — крупного специалиста-литературоведа. Ей мы в значительной степени обязаны «вторым рождением» литературного наследия Ларисы Рейснер и возрождением многих несправедливо забытых ее строк.

Немало сделала для восстановления памяти о Ларисе Рейснер Э. Эвин, в прошлом сотрудник Литературного музея. Она отыскала забытую могилу Ларисы Рейснер на Ваганьковском кладбище в Москве, где ныне установлено надгробие. В Ленинграде живет и работает киноинженер Галина Пржиборовская — одаренный молодой исследователь жизни и творчества Ларисы Рейснер, бесконечно влюбленная в нее. Она собирает материалы по теме «Лариса Рейснер в Петербурге». Педагог из Уфы Нурия Такташева первая защитила диссертацию о литературной деятельности Ларисы Рейснер. Все эти люди в той или иной степени стали добрыми советчиками начинающего харьковского исследователя. Общение с ними помогло лучше определить и круг собственных устремлений, выделить в них главное русло поиска. Интерес к окружению Ларисы Рейснер вызвал желание прояснить историю ее знакомства с Александром Блоком. «Ларисе Рейснер я обязана,— говорит Софья Богдановна,— тем, что она в свою очередь вновь пробудила мой давний, юношеский интерес к поэзии А. Блока».

«Незримые нити» — так назвала Шоломова очерк о встречах Ларисы Рейснер с Александром Блоком. Принимаясь за новую тему, она обращается к записным книжкам поэта. Ищет в них строки, имеющие непосредственное отношение к Ларисе Рейснер. В январе 1918 года А. Блок создавал поэму «Двенадцать», и именно тогда помечена его первая запись с упоминанием имени Ларисы Рейснер. Потом были новые встречи. И опять скупые строки, записанные рукой поэта. Время тех памятных встреч точно обозначено. Однако трудно было решить: на самом деле

январь 1918 года начало их личного знакомства или, возможно, они встречались раньше?

Что скрывалось за дневниковыми записями? О чем думали, беседовали, спорили, к чему тогда стремились Александр Блок и Лариса Рейснер? Записи блоковского дневника на этот счет объясняли немногое. Возможно, сохранились воспоминания современников? Наконец, не оставила ли после себя каких-либо воспоминаний сама Лариса Рейснер?

Новая вереница разысканий среди книг, мемуарных материалов, подшивок старых журналов и газет. Возникали новые вопросы, появлялись поначалу разрозненные факты. «Стройная последовательность общеизвестного и вновь найденного приходила далеко не сразу»,— рассказывает Софья Богдановна. После проведенных поисков стало ясно, что Лариса Рейснер и Александр Блок до 1918 года не были лично знакомы. Но почему внезапно оборвались их встречи? И в юные годы и после Лариса Рейснер всегда относилась с восхищением к поэту.

Поиски меняли направление. Особое место в них приобрело изучение биографии отца А. Блока и отца Ларисы Рейснер. Отец поэта, Александр Львович Блок, профессор государственного права в Варшавском университете, был первым научным наставником отца писательницы — Михаила Андреевича Рейснера, впоследствии профессора Петербургского психоневрологического института. Возникает новый замысел — рассказать о найденных и обобщенных материалах, об отце Александра Блока. Воплощением этого замысла стал очерк под названием «Его отмечены черты печатью не совсем обычной» — слова, взятые автором из поэмы А. Блока «Возмездие». В ней поэт воплотил в художественных образах некоторые события, связанные с жизнью своего отца — яркой личности, человека сложной судьбы.

Круг поисков расширялся. Шоломова стала собирать книги А. Блока и книги о поэте. В первую очередь прижизненные издания последних лет, те, что, возможно, поэт мог дарить Ларисе Рейснер. На книжной полке библиотеки появились три прижизненные книжки А. Блока: 3-й том лирики — его рецензировала Лариса Рейснер (1916), сборник «Седое утро» и «За гранью прошлых дней» — обе эти книжки вышли осенью 1920 года, в период возвращения в Петроград Ларисы Рейснер с фронтов гражданской войны и возобновившихся ненадолго встреч с Александром Блоком.

Увлечение творчеством Ларисы Рейснер и изучение ее окружения теперь уже привели к трем направлениям поисков: А. Блок и Л. Рейснер, «Всё» о Блоке и, наконец, Лариса Рейснер — малоизученное и самое интересное о ней, ее жизни и творчестве. По мере новых встреч с любимыми авторами и книгами, их мир все полнее раскрывался перед взором Софьи Богдановны.

Всякое очередное исследование — не одна лишь погоня за постоянно ускользающей отчетливостью, но и обретение новых качеств читателя-исследователя, которые становятся заметной ступенькой в движении мысли

Первая книга Ларисы Рейснер.

к новым книгам и людям. Изучив документы, связанные с первым направлением поиска, Софья Богдановна заинтересовалась читательскими вкусами поэта, его отношением к книге, издательскими и библиофильскими интересами. Тут на помощь пришел Николай Павлович Ильин. Он подсказал дальнейшие пути поисков в намеченных направлениях. Ценными оказались и советы организатора и председателя Харьковского клуба книголюбов И. Я. Каганова. Он порекомендовал искать местные издания книг Ларисы Рейснер и Александра Блока, и Шоломова нашла их в харьковских библиотеках.

В библиотеках и архивах Москвы, Ленинграда, Харькова проведено немало часов и дней над рукописями, книгами, дневниками, письмами. И все же, как для исследователя ни драгоценна эта работа с архивами, особую роль в его поисках занимают прежде всего люди. Всякий личный контакт для исследователя превращается как бы в новый импульс для темы следующего поиска. И так постоянно: от книг к людям, от людей к книгам. Из поначалу еще не ясных до конца представлений, часто лишь догадок, умещающихся всего в нескольких скупых строках, возникают отдельные факты. Из них складывается целостное представление, возникают живые портреты людей и времени.

В результате многолетней работы Шоломовой появилась в печати серия статей: «Нераскрытые страницы», «Литературный дебют Ларисы Рейснер», «Сердцем на баррикадах», «Лариса Рейснер в Донбассе», «Незабытая страничка». Сколько еще в папках набросков, вчерне написанных статей, очерков для будущей книги, может быть, самого главного дела всей жизни. Хочется верить, что все это увидит свет и порадует читателей.

Стройнее стала и личная библиотека. Она состоит из пяти разделов: жизнеописания и мемуары — не вообще, а то, что больше всего созвучно собирателю; классика — тот же принцип; произведения Ларисы Рейснер и книги о ней; книги Александра Блока и литература о нем; литература по искусству — поэзия, музыка, живопись, театр. Есть и находки. Самая интересная — первая книжка Ларисы Рейснер «Женские типы Шекспира. Офелия», выпущенная в 1912 году в Риге под псевдонимом «Лео Ринус» — в честь одного из прославленных предков своего рода, известного философа и гуманиста эпохи немецкой Реформации. Заключительные строки небольшой книжечки — одной из первых проб пера юного автора — звучат романтично и гордо: «Два духа, разбитые и преображенные, проложили путь через трясину лжи. Поклонись им, человечество!..» Издание настолько редкое, что его нет даже в Ленинской библиотеке.

Почти пять лет Шоломова искала «Сборник латышской литературы» под редакцией В. Брюсова и М. Горького, вышедший в петроградском издательстве «Парус» в 1916 году. Это единственное издание, где Александр Блок и начинающая свой путь в литературе Лариса Рейснер выступили вместе в роли переводчиков. Причем они в то время лично еще не были знакомы. Книгу эту Софья Богдановна отыскала в одном

из букинистических магазинов во время очередной поездки в Москву для работы в Ленинской библиотеке. Как-то во время отпуска на пристани в Каневе, где пароход стоял всего тридцать минут, Софья Богдановна приметила сборник «Лариса Рейснер в воспоминаниях современников». В библиотеке Шоломовой есть и напечатанные на машинке еще не изданные стихи юной Ларисы Рейснер «Песни мои» — подарок из Ленинграда Галины Пржиборовской.

Больше всего Софья Богдановна гордится хранящейся в ее библиотеке книгой «Гамбург на баррикадах» — харьковским изданием 1929 года на украинском языке. Ныне это библиографическая редкость.

Все литературное наследие Ларисы Рейснер, включая очерки и статьи, фактически созданное за одно десятилетие, собрано в шоломовской библиотеке. Софья Богдановна сняла фотокопии обложек со всех прижизненных изданий Ларисы Рейснер на русском и иностранных языках. Она верит, что все эти книги соберет.

К книгам прибавились письма, рисунки, фотографии. Исследователя занимает многое. Например, художник-график Евгений Праведников. Один из тех, кто в 1915 году откликнулся на призыв Ларисы Рейснер сотрудничать в журнале «Рудин». Праведников оформлял журнал. Захотелось выяснить: сохранились ли книги из домашней библиотеки отца и дочери Рейснеров, когда они жили на Большой Зелениной в Петрограде? А книги из новой библиотеки в Москве, куда позднее переехала семья Рейснеров,— какова их судьба?

Поиски, поиски людей и книг... Впереди новые дороги и новые открытия. Пусть небольшие, но всегда радостные.

В заключение нашей встречи в Харькове я задал вопрос Софье Богдановне: «В чем вы видите смысл своих поисков?»

«Не раз меня спрашивали об этом,— ответила Шоломова,— и представьте, никак не привыкну. А между тем вне этого увлечения я уже не мыслю жизнь. Значит, и смысл — в сознании жизненной необходимости того, что я делаю. И в этой необходимости для себя медленно зреет другая необходимость — рассказать о Ларисе Рейснер и людях вокруг нее, известных и неизвестных, но значительных и интересных. Я люблю рассказывать о своей «маете». Но еще больше — увлечь кого-то поисками. В этом, наверное, и заключается смысл того, что я делаю».

Над письменным столом большой фотопортрет Ларисы Рейснер... Женщина-воин, талантливая писательница. Она жила щедро, стремилась «все успеть, все сделать», точно предчувствовала краткость времени, отпущенного ей неумолимой судьбой. Мечтала объездить мир, мечтала, «чтобы постоянно в ее комнате стучала машинка и делались книги».

Лариса Рейснер написала немного книг, но они живут и живут, ибо над истинными произведениями ни люди, ни время не властны.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ СЕРИИ ЖЗЛ

Имя Вениамина Александровича Разумова знают многие книголюбы. Библиотека почти в девять тысяч томов, 24 серии книг «Жизни замечательных людей» на 13 языках народов СССР и зарубежных стран, редчайшая коллекция 1700 миниатюрных изданий — одного этого достаточно, чтобы представить портрет крупного и оригинального собирателя. Меня заинтересовало это книжное собрание, и я написал Вениамину Александровичу письмо.

Пытаясь лучше понять круг интересов книголюба, я задал ему традиционные вопросы: «Как удалось вам собрать столько серий ЖЗЛ, в чем Вы видите смысл своего книжного увлечения и, наконец, какова общественная полезность Вашей библиотеки?»

Скоро пришел ответ. Завязалась переписка. Одно из писем заканчивалось словами: «Приезжайте. Покажу вам «книжную лабораторию» — так книголюб с гордостью называет свою библиотеку. И вот я в одном из крупнейших шахтерских городов Донбасса — Горловке.

С волнением переступаю порог святая святых, куда так стремился. Встретил меня Разумов в телогрейке. В руках полное ведро. Невысокого роста, в очках, сквозь которые глядят на меня немолодые, усталые, умные глаза. Он стал извиняться: «Ремонтирую дом. Идите в кабинет, вот вам место за моим рабочим столом, а вот книги — они все в вашем распоряжении».

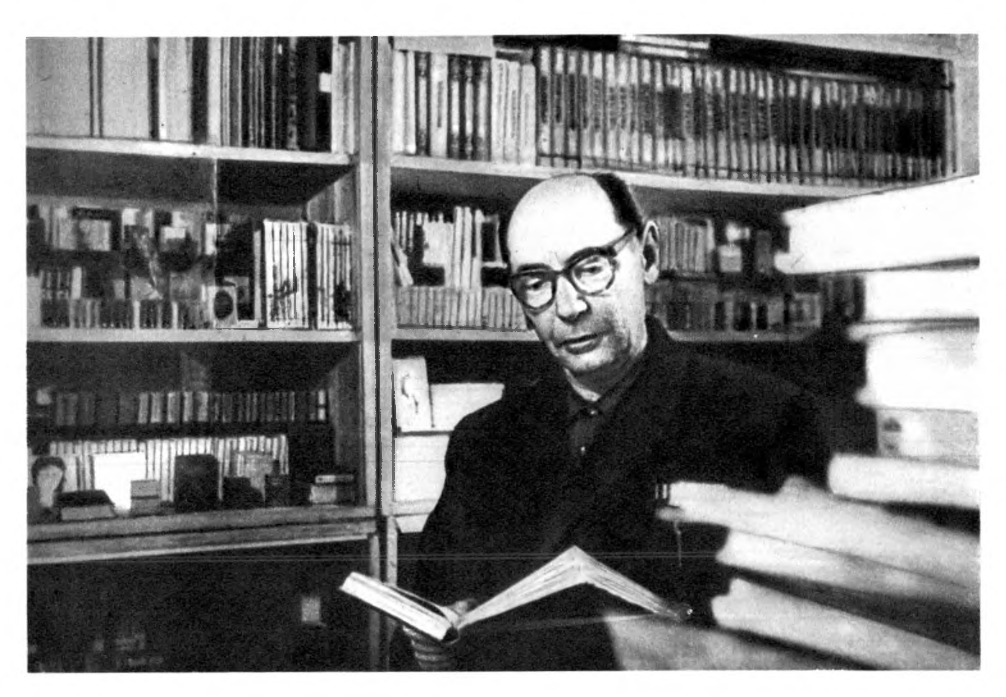
Так началась наша первая встреча.

Он ушел заканчивать свои дела, а я остался один на один с книгами. Глядя на книжные полки, заполнившие все стены кабинета, я подумал: «В них ведь заключена вся жизнь этого человека, можно ли желать чего-либо лучшего?»

Небольшой под шиферной крышей домик на Пригородной улице, где живет Разумов, местные жители зовут «книжным музеем». Живое общение с хозяином этого действительно «книжного музея» запомнится мне надолго, как и его рабочий кабинет с письменным столом, заваленным почтовой корреспонденцией, с картотеками, где сотни адресов людей, с многочисленными книжными полками.

Четырнадцать полок, на которых стоят книги «Жизни замечательных людей», шесть полок с миниатюрными книгами всех эпох и времен, на многих языках нашей планеты — сердце библиотеки. Чтобы собрать эти двадцать книжных полок, Разумову потребовалось тридцать лет жизни. В них и состоят два основных направления его собирательства.

Рассказать о всех книгах ЖЗЛ и их творцах просто невозможно. У истоков создания этих книг часто стояли подлинные подвижники. Их жизнь столь же примечательна, как и сама биографическая библиотека о жизни замечательных людей, на примере которых воспитывались и воспитываются целые поколения.

Вениамин Александрович Разумов в своей «книжной лаборатории».

Долго и терпеливо библиофил собирал первую выпущенную в России массовую серию книг ЖЗЛ — детище знаменитого русского издателя Флорентия Федоровича Павленкова. С именем этого талантливого издателя и прогрессивного общественного деятеля связана целая эпоха в развитии книжного дела дореволюционной России.

Павленков развернул книжное дело во второй половине 60-х годов прошлого века. Первым его начинанием стала публикация собрания сочинений Д. И. Писарева. Издавая второй том, он попытался поместить в нем несколько произведений русского критика, запрещенных царской цензурой, за что его привлекли к судебной ответственности. Вскоре после речи, произнесенной на похоронах Д. И. Писарева, издателя арестовали и сослали в ссылку. Вернувшись, Павленков приступил к выпуску научно-популярной литературы для широких масс.

Большую известность приобрела начатая, но полностью не завершенная им серия книг ЖЗЛ. Выходила она с 1890 по 1909 год, а затем переиздавалась до 1915 года. В этой серии, чаще всего ее называют «павленковской», опубликовано 193 книги, где помещено 200 биографий.

60 из этих биографий изданы были впервые, 40—переиздавались по два-три раза. Среди первопечатных биографий книги о Л. Толстом, Герцене, Писареве, Добролюбове. В разумовской библиотеке собраны все эти книги.

В полном виде Разумовым собрана лучшая советская серия книг ЖЗЛ, основанная в 1933 году А. М. Горьким. Подробные сведения о ней можно почерпнуть из каталога «40 лет ЖЗЛ» — 1933—1973», выпущенного издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» в 1974 году. Выполняя завет А. М. Горького «взять книги ЖЗЛ под наблюдение комсомола», с 1938 года издательство выпускает эту серию.

А иные серии? В каталоге «40 лет ЖЗЛ», за исключением своего предшественника — «павленковской» серии, и немного о так называемой серии З. И. Гржебина,— о них ничего не говорится. Самые солидные справочные издания, даже Большая советская энциклопедия, историческая, литературная энциклопедии упоминают всего лишь две серии книг ЖЗЛ: «павленковскую» и «горьковскую». Между тем есть немало и иных изданий ЖЗЛ. Их поиски потребовали от собирателя немалых усилий.

В 1964 году Вениамин Александрович случайно приобрел биографию английского философа Д. Локка, выпущенную еще в 1929 году издательством «Московский рабочий». Его внимание привлекли три знакомых буквы «ЖЗЛ». Значит, выходила и такая серия? Он отправил запрос в Москву и получил ответ: «Да, такая серия выпускалась издательством с 1928 по 1930 год и состояла из десяти книг». Как-то он прочел о том, что в Тбилиси на грузинском языке выходит собственная серия книг ЖЗЛ. Заметка в газете натолкнула на мысль выяснить: нет ли аналогичных серий и в других союзных республиках. Он обращается в Государственную библиотеку имени В. И. Ленина. Оттуда пришла подробная справка, где публикуются книги ЖЗЛ в нашей стране. Книга «Жизнь и приключения М. Горького» И. Груздева подсказала адрес еще одной серии — она выходила в 30-е годы для детей в Детиздате.

Собиратель постепенно накапливал сведения о книгах ЖЗЛ. Параллельно искал и сами книги. Изучал историю возникновения каждой серии. Будучи в Москве, приобрел в книжном магазине «Дружба» книги ЖЗЛ, выпускаемые в социалистических странах. О венгерской серии книг ЖЗЛ узнал из газеты «Книжное обозрение», на румынскую серию наткнулся в рижском антиквариате. Поиски удалось расширить.

Долго Разумов искал «Некрасова» — одну из книг «павленковской» серии. И наконец, получил ее в подарок. Когда он с ней познакомился, то оказалось, что книга эта не из «павленковской» серии, а представляет собой одно из редких изданий первой советской серии книг ЖЗЛ. Выходила она в Казани в 1922 году, и известны из нее три книги: «Некрасов», «Достоевский» и «Тургенев» — перепечатки «павленковской» серии. Они напечатаны на скверной газетной бумаге, в бурой обложке из оберточной бумаги, но со своей маркой и надписью: «Государственное издательство Автономной Татарской Социалистической Республики. «Мо-

лодые силы», Казань — 1922 год»... Эти книги дороги собирателю как свидетели первых культурных начинаний молодой Советской Республики.

«Узнав, что, кроме «павленковской» и «горьковской» серий, есть и многие другие серии, мне захотелось как можно больше узнать о них. Здесь, видимо, сказалась и черта моего характера — ничего не делать наполовину»,— говорит Разумов.

Поиски книг ЖЗЛ — это годы настойчивого и упорного труда за рабочим столом, постоянная переписка, изучение множества книг, газет и журналов, каталогов, бесконечные походы в книжные магазины и поездки в разные города. Некоторые книги приходилось искать по многу лет. Какими только путями не приходили они на полки!..

Во время отпуска в Пятигорске, рассказывает собиратель, на одном из книжных лотков случайно он заметил книгу из серии ЖЗЛ «Можайский». Книга была сильно потрепана, и, хотя она и отсутствовала в его библиотеке, он не стал ее покупать. Решил — достанет в лучшем виде. Отложил. Прошел шагов двести, передумал и вернулся, а книгу уже продали. Восемь лет Разумов искал ее потом и никак не мог приобрести. Однажды, возвращаясь с работы домой, он заметил мальчишку лет восьми-девяти со стопкой книг, из которых тот старательно выдирал страницы и делал из них бумажных голубей.

— Что ты делаешь?

— Самолеты. Сделал несколько эскадрилий. Тут и истребители, и штурмовики, и тяжелые бомбардировщики.

Поглядел Вениамин Александрович на книжную стопку и обомлел: букварь со всеми следами «прилежания», арифметика, разукрашенная не хуже букваря, затем относительно чистый учебник истории, явно не принадлежащий юному «авиаконструктору», а рядом — чистенький «Можайский» из серии ЖЗЛ. «Тут же мы отправились к его родителям,— рассказывает собиратель,— которые, увы, ничуть не были возмущены занятием своего сына. Как же: дитё играет! Все же мальчик подарил мне «Можайского», а я ему старые газеты. Научил его делать кораблики, пилотки, познакомил с собачкой Кутькой, и мы расстались приятелями». И так иногда нужная книга приходила на полки, где ныне свыше тысячи книг ЖЗЛ.

Разумов собрал почти все серии книг «Жизни замечательных людей» на языках народов СССР. Есть в его собрании и две редкие серии на русском языке, выходившие за рубежом в 20-е годы: одна в Берлинском издательстве З. И. Гржебина, а другая так называемая «меданская», в пригороде Парижа — Медане. Одни серии книг ЖЗЛ собраны полностью, иные выборочно. В целом по своей полноте все это собрание представляет большую культурную ценность.

Означает ли все, им собранное, что на поисках можно поставить точку? Отнюдь нет. В картотеке собирателя есть сведения о 31 серии книг ЖЗЛ. И неутомимый книголюб продолжает искать все новые книги этих серий.

Почему именно книги ЖЗЛ стали в центре библиофильских интересов Разумова? «В 20-е годы,— рассказывает Вениамин Александрович,— мы жили в Ялте. В день моего рождения, мне тогда исполнилось восемь лет, к нам приехал брат отца дядя Сеня. Веселый, умный человек, умелец, большой книголюб. Я до сих пор помню его подарок: красочную книжку Крылова «Лебедь, рак и щука». Вручив ее мне, дядя Сеня проинспектировал все мое «книжное богатство» и посоветовал непременно сделать книжный штампик. «Тогда у тебя будет настоящая библиотека»,— сказал он. Вечером меня отправили спать, а наутро я обнаружил изготовленный из простой резинки штампик: «Венина библиотека. Книга №_____». Так возникла первая моя библиотека. К шестнадцатилетию отец подарил мне часть своей библиотеки — три тысячи томов. Главным образом, художественную литературу. Среди них первые издания Демьяна Бедного, Владимира Маяковского, Александра Блока, книжки из «павленковской» и «горьковской» серий ЖЗЛ. Чтение их меня особенно привлекало и в юные годы, и потом. К началу Великой Отечественной войны библиотека насчитывала почти пять тысяч книг. Война отняла все. На фронте погиб отец. Гитлеровцы расстреляли мать — партизанского врача. Спасаясь от оккупантов, жена и дети пытались выбраться из Ялты морем. Во время бомбежки транспорт, где они находились, был потоплен. Расстреляли и восьмидесятидвухлетнюю бабушку. Погибла и библиотека...»

На экслибрисе библиофила, выполненном художником А. И. Юпатовым, изображена на фоне моря высокая крутая скала со знаменитым крымским Ласточкиным гнездом. Под ней на камнях видны раскрытая книга и автомат. В верхнем левом углу рисунка солдатский орден Славы.

О чем же повествует экслибрис? В годы Великой Отечественной войны Разумов был сначала сержантом, а потом офицером морских десантников. Он не раз высаживался на родной берег. Трижды ранен, контужен. После войны в Ялту не поехал: не к кому было ехать. Направили его в Донбасс. С тех пор вся его жизнь связана с шахтерским краем. На первых порах все оказалось трудным и неустроенным. В ту пору о библиотеке думать не приходилось. Все, что осталось после войны, умещалось в небольшом солдатском вещевом мешке. Сложно преодолеть было и психологический барьер.

И все-таки... Как-то на рынке, куда Вениамин Александрович пришел за буханкой хлеба, у ларька, где вовсю глушили самогон, полупьяный дядька предложил ему купить книгу «Палачи Европы (Портреты и памфлеты)» с иллюстрациями Кукрыниксов и Бориса Ефимова. Пролистал ее он и припомнил дорогие строки. В годы войны читал их вслух своим бойцам перед боем.

Путь от этой памятной книжки, приобретенной фактически за буханку хлеба, до нынешнего книжного собрания оказался длинным и трудным. О нем частично рассказал сам Вениамин Александрович в статье «Друзья — далекие и близкие».

«Когда-нибудь в свободное время, если оно появится у меня,— говорит Разумов,— я возьму карту Советского Союза и разноцветными карандашами соединю Горловку с городами, поселками и селами, где живут и работают мои друзья — далекие и близкие. И тогда Горловка окажется соединенной примерно с 200 точками». В картотеке библиофила адреса десятков магазинов «Книга — почтой», книжных магазинов. Известный киевский букинист И. С. Луценко и букинисты ленинградской «Лавки писателей» помогли собрать «павленковскую» серию книг ЖЗЛ. Из Риги прислали в Горловку книги ЖЗЛ на латышском языке. Из Еревана получены книги ЖЗЛ на армянском языке.

Тридцать два книжных магазина, десятки магазинов «Книга — почтой» помогали и помогают собирать книги ЖЗЛ. Однако основные корреспонденты собирателя — две тысячи книголюбов. Среди них сто шестьдесят собирают «павленковскую» серию и почти шестьсот — «горьковскую». Среди его корреспондентов немало почитателей миниатюрных изданий. Нередко ему дарят книги. Вот книга горьковской серии ЖЗЛ «Николай Островский» с надписью на обороте титула Раисы Порфирьевны Островской: «Вениамину Александровичу Разумову на память о Николае Островском. 20 июня 1975 года». Прислала книгу вдова Николая Островского, случайно узнав о разумовской коллекции. Из Ленинграда пришла бандероль. В ней письмо и миниатюрная книжка А. Прокофьева «Россия» — дар бывшего врача-фронтовика Льва Моисеевича Голубовского. Он пережил ленинградскую блокаду и как память о ней сохранил эту небольшую книжечку тех фронтовых лет. Вот что он пишет: «Уходят один за другим мои товарищи — фронтовики, книголюбы. Пусть Ваша коллекция миниатюрных изданий пополнится книгами, выпущенными во фронтовые годы, станет свидетелем нашей боевой дружбы, память о которой никогда не изгладится в сердцах людей». Однажды книгу прислала незнакомая женщина, прочитав в газете о Разумове. «Она необходимей Вам, чем мне»,— написала она.

Одну из книг ЖЗЛ собиратель разыскивал лет десять — двенадцать. И вдруг из трех разных городов получил по книге. Один экземпляр оставил в своей библиотеке, а два других, справившись в картотеке, отправил корреспондентам, продолжающим разыскивать эту книгу. «Без своих верных друзей-книголюбов я никогда не сумел бы собрать ни все свои серии ЖЗЛ, ни коллекцию миниатюрных изданий»,— говорит Разумов.

В свою очередь собиратель дарит или обменивается книгами с друзьями-книголюбами. Книгу «Дом-музей А. П. Чехова в Ялте», выпущенную еще в довоенные годы и давно ставшую редкостью, он подарил чеховскому музею в Мелихове. Никакого повода. Просто посчитал, что книга эта представляет большую ценность для музея. Сочинения Сергея Есенина отправил учительнице, живущей и работающей в одной из школ далекого таежного села.

Интересна история дружбы Разумова с якутским оленеводом-книголюбом Дмитрием Ивановичем Донсауровым. Узнав адрес горловского книголюба, Донсауров обратился к нему с просьбой — помочь собрать биографии русских писателей. Он приобрел несколько книг серии ЖЗЛ, но другие достать нигде не мог. А тут в его жизни случилась беда: налетело стадо оленей, сбило с ног, искалечило. Длительное время Донсауров провел в больнице. Вениамин Александрович отправил в Якутию книги и сообщил Дмитрию Ивановичу о якутской серии ЖЗЛ. Вот что в ответ в Горловку написал Донсауров: «Конечно, должна была выходить. Мы же — люди культурные! Буду искать для вас и для себя книги эти».

Письма... Многие книголюбы стали собирать книги ЖЗЛ после переписки с Разумовым. Например, морской офицер из Севастополя Фокин. В одном из писем есть такие строки: «Я еще нахожусь в начальных классах книжного интерната. Поделитесь со мной, как лучше собирать книги ЖЗЛ?»

Книгообмен помог собрать немало книг. Однако книгообмен для собирателя не главное. Гораздо важнее, считает Разумов, живые контакты. Часто после обмена книгами переписка обрывается. Принцип: «Я тебе — ты мне, и до свидания...» — он не признает. Книгообмен, считает собиратель, должен представлять постоянный духовный мост взаимных книжных интересов между книголюбами. Помогать изучать различные судьбы людей и книг, пробуждать постоянный интерес к поискам.

Каков же смысл того, чем занимается собиратель? Отвечая на этот вопрос, Вениамин Александрович попытался сформулировать основные принципы собственного отношения к книгособирательству. «Книга,— утверждает он,— должна приносить коллективную радость; ни одной лишней и ненужной книги; основной метод: искать книги для товарищей так же, как и для себя. Основное требование — сберечь книги, точно так, как это делали до нас, чтобы они могли служить новым поколениям после нас. Однако это не значит, что надо запирать книги на замок».

Свои библиофильские принципы собиратель не только провозглашает, но и стремится претворять в жизнь. По профессии Разумов инженер. Часто его спрашивают: «Зачем вы собираете книги ЖЗЛ?» Книги ЖЗЛ необходимы ему для работы, как и книги других отделов библиотеки. Один пример. «Как-то я читал лекции для инженеров по газоэлектросварке,— рассказывает Разумов,— курс сложный, много теории, расчетов. Чтобы сделать лекции доступными и интересными, я использовал книги ЖЗЛ о Яблочкове и Патоне. Как важно было рассказать о работах Института Патона в годы Великой Отечественной войны по созданию новых методов сварки, особенно сварки цветных металлов, необходимых тогда для увеличения производства самолетов и танков. Вы бы посмотрели, с каким интересом опытные инженеры слушали мой рассказ».

Иногда вызывает недоумение и возникает вопрос: зачем книголюб собирает все серии книг ЖЗЛ? На него Вениамин Александрович отвечает

так: «Не страсть библиофила, не стремление к дешевой популярности вызвали у меня желание собирать все серии ЖЗЛ. Я собираю их прежде всего для изучения. Ведь многие из этих книг содержат биографии, не повторяющиеся в других сериях, а те, что даже повторены, зачастую пишутся иными авторами. Ведь нельзя сравнить первопечатную биографию Льва Толстого в издании Павленкова с его биографией в «горьковской» серии ЖЗЛ. В то же время каждая из них имеет свои особенности, интересные для исследователя».

Читая письма многих корреспондентов Разумова, можно проследить, какую роль играют эти книги в жизни читателей. Летчик-штурман Н. И. Яценко из Ульяновска считает своими незаменимыми помощниками книги о Можайском, Жуковском, Нестерове, Чкалове, Сент-Экзюпери. Ныне он возглавляет городской клуб книголюбов «Прометей». Для инженера Н. А. Мезенина из Нижнего Тагила настольными книгами стали биографии замечательных металлургов Бессемера и Курако. Он автор книг о советских металлургах. Любимым изданием горловского адвоката Э. Ф. Белоусова стала книга Л. П. Гроссмана «Пушкин». Книголюб собирает Пушкиниану. Студент Ждановского металлургического института С. Степанов увлекается музыкой, играет сам. Любимые его книги ЖЗЛ — биографии Моцарта и Рахманинова.

Идут годы... Оглядываясь на пройденный путь, Вениамин Александрович нередко говорит о том, как много радости ему дала и дает вся его библиофильская деятельность. Ибо он увидел и понял многое, чего, вероятно, никогда бы не испытал, не вступив на путь собирательства книг.

Человек необычайной энергии, он был рабочим, мастером по литью на металлургических заводах. Немало потаскал ковшов с чугуном. В 1956 году окончил Высшие инженерные курсы. Выйдя на пенсию, он продолжает работать. В свободные часы любит дома мастерить, возиться в саду. И в то же время успевает следить за всей выходящей литературой, которая его интересует.

На его рабочем столе постоянно находится список книг, которые надо еще разыскать. В первую очередь те, что составляют основу его библиотеки. Некоторые названия зачеркнуты — значит, книги уже на полке.

Приобретя нередко с огромным трудом ту или иную желанную книгу, книголюб тотчас принимается за изучение ее биографии. Так постепенно складывается собственная, разумовская серия «Жизнь замечательных книг». И мы верим, что когда-нибудь она увидит свет.

Еженедельно по субботам и воскресеньям разумовская «книжная лаборатория» открыта для книголюбов. В так называемые «дни открытых дверей» ее посещают горловские книголюбы, приезжают сюда и из других городов журналисты, инженеры, рабочие, педагоги, студенты. Они знакомятся с книгами, изучают опыт Разумова. Сюда приходят запросы из издательств, библиотек, редакций журналов и газет, письма книголюбов.

Вениамин Александрович часто выступает по радио и телевидению, демонстрирует свои книги в школах, во Дворцах культуры, на предприятиях. Но самые интересные встречи происходят у него в рабочем кабинете, среди книг собранной им библиотеки. «Я убеждаюсь,— говорит Разумов,— что чем больше соберу, изучу и систематизирую книг различных серий ЖЗЛ, тем больше пользы принесет моя библиотека людям».

В 1973 году корреспонденты ТАСС, Центрального радио и телевидения, побывавшие в разумовской библиотеке, посоветовали Вениамину Александровичу создать книгу отзывов. С тех пор в ней оставили записи несколько сот книголюбов из многих городов Советского Союза, из Польши, Ирана. О чем же они пишут в этой книге? О благородном труде собирателя, о служении его библиотеки людям, о замечательных книгах, собранных в доме-музее, где всегда царят тепло и радость.

«В домик Разумова В. А. я ехал за тысячу километров, чтобы увидеть самое полное собрание ЖЗЛ. Только здесь я смог все, что меня интересовало, узнать о них»,— пишет врач-рентгенолог И. К. Фурдик. «Книговеды, где вы? — задает вопрос в книге отзывов студент Харьковского института культуры А. И. Лашин.— Здесь, в Горловке, должен быть ваш рабочий кабинет»... Побывав в библиотеке, ученица 5-го класса «А» Лабытничанской школы Света Файбушевич написала: «Я еще больше буду любить книги». Школьница приехала с матерью в Горловку с далекого Ямала. Узнала о разумовской библиотеке и пришла сюда, чтобы увидеть замечательные книги.

Так эта библиотека учит, воспитывает, помогает, дарит людям радость общения с книгой.

Книголюб горд своим книжным собранием. И в то же время, когда мы встретились в Москве, куда Вениамин Александрович приехал на Международную книжную выставку, он бесконечно был счастлив, когда я подарил ему миниатюрную книжечку, отсутствующую в его огромной коллекции. «В собирании книг предела нет,— шутливо заметил он и добавил: — Уж больно притягательна сила книг».

Глава VI

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ КНИГИ

Мир книги — это мир настоящего чуда!
Л. М. Леонов

ВОЛШЕБНЫЕ КАРТИНКИ

Мы выбираем книгу. Наши руки тянутся к той, которая выглядит нарядно, привлекательно, празднично. Конечно, никакое украшательство и самая высокая полиграфическая техника не сделают пустую по содержанию книгу хорошей. Однако не следует забывать слов древнего восточного мудреца о том, что порой одна картинка может рассказать больше, чем десять тысяч слов. Советский художник-график Н. В. Кузьмин верно заметил, что иллюстрация в книге может помочь читателю представить образ литературного героя лучше, чем самое яркое его словесное описание. Особенно тогда, когда образ, созданный художником, и литературный герой того или иного произведения, настолько сливаются, что мы не можем уже представить себе этого героя как-то иначе.

Героев «Фауста» Гёте и «Гамлета» Шекспира мы видим в этих великих творениях, как их изобразил художник Эжен Делакруа. А героев «Дон Кихота» Сервантеса именно такими, как их «сотворил» Гюстав Доре, обладавший неповторимым художническим талантом проникновения не

только в дух описываемой эпохи, но и в своеобразие литературного стиля иллюстрируемых им произведений.

Мастерские иллюстрации Врубеля к лермонтовскому «Демону», Бенуа — к «Медному всаднику» Пушкина, Кустодиева — к «Левше» Лескова помогли читателям словно воочию увидеть героев этих классических произведений, глубже постичь их духовный мир, богатство чувств и переживаний.

Как много сделали для книг, побывавших в наших руках еще в детские годы, блистательный художник Лебедев, вдумчивый Пахомов, веселый знаток зверей Чарушин, сказочный Конашевич, насмешливый Каневский, затейный Сутеев. Имена этих художников неотделимы от многих полюбившихся нам книг.

Художники обогащают книгу зрительными образами, приносят читателю радость узнавания, подсказывают, как, по их мнению, надо читать и понимать прочитанное. Стараются своими рисунками облегчить восприятие книги.

Какой надо иметь талант, высокий вкус, сколько приложить усилий и труда, чтобы, как говорят художники, «выстроить книгу».

Иллюстрации художника Александра Бенуа к «Медному всаднику» справедливо называют лучшими в художественной Пушкиниане начала XX века. Почти два десятилетия потратил художник на оформление любимого творения, пленившего его «смесью реального с фантастическим». Приступил к нему еще в 1903 году. Через год в журнале «Мир искусств» появились первые рисунки. Он продолжал работать, искал новые решения, пока не пришел к окончательному варианту. Выпуск в 1923 году поэмы, иллюстрированной А. Бенуа, стал крупным событием в культурной жизни страны.

Вот перед нами это издание. На белом фоне суперобложки — черный типографский шрифт: «Медный всадник». Красно-бурая обложка с карандашным рисунком — силуэт памятника Петру I. Тридцать семь рисунков строги, лаконичны и все вместе глубоко передают события трагического пушкинского рассказа, как бы заставляют прочесть поэму заново. Художник И. Э. Грабарь назвал оформление «Медного всадника» А. Бенуа «сверкающей жемчужиной всего творчества художника».

Познакомимся с еще одним художником — выдающимся мастером книжной графики Владимиром Андреевичем Фаворским. Немало лет он готовился к оформлению поэмы «Слово о полку Игореве», трижды за нее принимался, пока, наконец, не добился осуществления замысла. В архиве Ленинской библиотеки сохранилась фотография, запечатлевшая художника, склонившегося над старой рукописной книгой. Сколько времени он провел и в этой, и в иных библиотеках, в Историческом музее, изучая старинные рукописи, рисунки, миниатюры. Искал нужные типы в древней живописи, искал в жизни. И наконец, перед читателем предстали замечательные гравюры на дереве. Они поражают совершенством.

Иллюстрируя Пушкина, Фаворский создал произведения, вошедшие в золотой фонд мировой графики. Это и «Домик в Коломне», и «Маленькие трагедии», и «Борис Годунов». К концу жизни художник писал: «Пожалуй, сейчас я считаю более всего удачными свои иллюстрации к Пушкину. Пушкинские вещи у меня самые выстраданные и передуманные». За три больших цикла иллюстраций — к «Слову о полку Игореве», к «Борису Годунову» и «Маленьким трагедиям» А. Пушкина — в 1962 году В. А. Фаворскому была присуждена Ленинская премия.

Тепло встретили читатели выпущенную издательством «Молодая гвардия» книгу «Легенда об Уленшпигеле» Шарля де Костера, оформленную художником Павлом Буниным. Каких усилий стоила художнику работа над этой книгой! Он перечитал целую библиотеку книг по истории борьбы Нидерландов за независимость, все, что только возможно; пересмотрел массу картин, репродукций, побывал в музеях, где познакомился с экспонатами эпохи, в которую происходили описываемые в книге события. Перерисовывал панцири, шлемы, бомбарды, аркебузы, изучал архитектуру, одежду того времени, писал пейзажи.

Одних подготовительных рисунков сделано было более шестисот. И вот, наконец, создано сто пятьдесят иллюстраций — и мы видим их на книжных страницах. На это ушло почти десять лет.

Вдохновенно воссоздан художником на страницах книги образ Тиля — весельчака и озорника, отважного бойца. Такой герой не может не увлечь молодые сердца.

История творчества художника-графика, будь это классика или современное произведение, не менее достойна внимания, чем история судеб самих книг, иллюстрированных им. Познакомимся с оформлением одной книги.

В 1976 году Карельское издательство в Петрозаводске в честь 125-летия со дня выхода в свет первого печатного издания легенд и преданий карельского и финского народов выпустило знаменитую «Калевалу».

Художник Мюд Мечев долго готовился к оформлению книги. Семь лет с рюкзаком за спиной, где лежала любимая книга, он путешествовал по Карелии, изучая ее природу и людей, делал зарисовки и отдельные наброски будущих иллюстраций. Потом продолжалась работа в музеях и архивах Карелии и Финляндии, беседы со специалистами — историками и литературоведами.

От замысла художника и первых набросков на бумаге и до выхода в свет юбилейного издания прошло почти тридцать лет. Созданные им гравюры полны поэзии, мудрости, философских обобщений. В то же время каждая из них вводит читателя в реально существующий мир героев народного эпоса.

Теперь предоставим слово художнику Оресту Верейскому, оформителю «Тихого Дона» М. Шолохова. В поисках прототипов героев книги он изъездил немало донских станиц. Изучал жизнь людей во всем ее многообразии, их быт и нравы. Сделал сотни набросков станичников,

из которых потом вырисовывались портреты отдельных персонажей романа. Однако художник говорит, что не следует понимать буквально, отождествлять художественные образы и их прототипы. «Аксинья, например,— плод многих наблюдений, многих рисунков... Кошевой — это молодой Твардовский, Григорий Мелехов — портрет одного из моих товарищей...»

«Очень трудно мне было с Теркиным,— вспоминает художник о работе над оформлением поэмы А. Твардовского «Василий Теркин».— В каждом солдате было что-то теркинское. Та или иная черта. А мне нужно было видеть их в одном человеке. И вот однажды в нашей редакции появился фронтовой поэт, он приехал к Твардовскому показать стихи. Я нарисовал его в нескольких поворотах, и Твардовский признал в нем черты своего героя».

Так рождаются иллюстрации...

Книжное искусство — это и шрифт, и переплет или обложка, и формат. Все в книге взаимосвязано и все важно, все в одном строю. Книга — это нерасторжимый союз искусства писателя, художника и полиграфического искусства.

С древних времен книги одевали в самые лучшие наряды: парчу, бархат, отделывали драгоценными каменьями, золотом. Одним из подобных уникумов прошлого века стала книга «История и памятники византийской эмали». «Русское чудо» — так назвал этот шедевр полиграфического искусства критик В. В. Стасов. Напечатана была книга в 1892 году в количестве шестисот экземпляров на русском, французском и немецком языках — по двести экземпляров на каждом. Затраты на издание составили 120 тысяч рублей — по тому времени целое состояние.

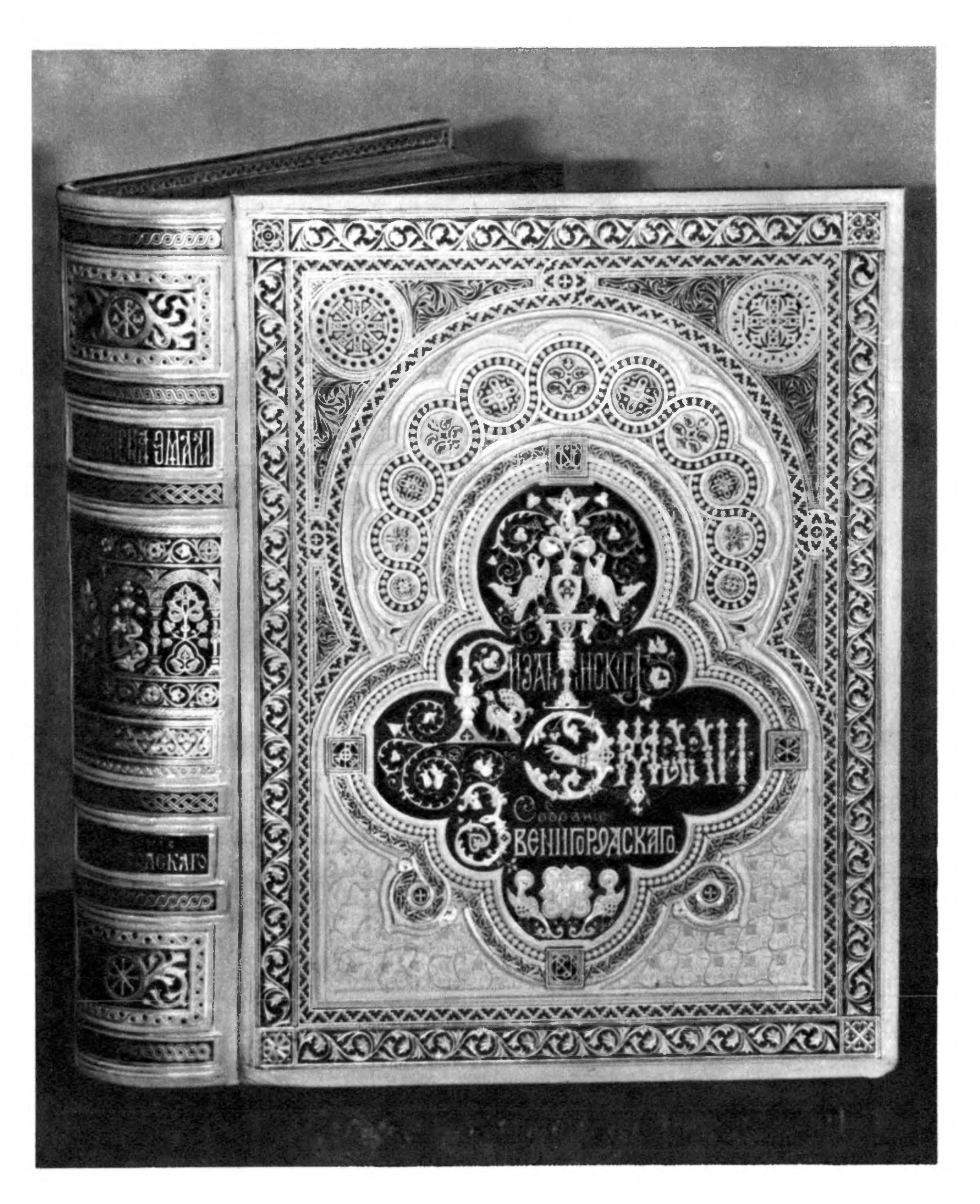
Книгу эту выпустил за свой счет богатый владелец коллекций эмалей А. В. Звенигородский, но организатором, душой всего этого издания был В. В. Стасов. Текст книги написал ученый-византиевед Н. П. Кондаков. Оформили ее художник В. Матэ и архитектор И. П. Ропет.

Переплет книги изготовлен из белой шагреневой кожи. Название напечатано «червонным золотом» на черном фоне.

На закладке книги помещены слова из трагедии Еврипида «Эрехфет»: «Разверни эти говорящие листы, прославляющие мудрых».

В 1960 году французский Музей современного искусства в Париже приобрел уникальное издание «Апокалипсиса», напечатанное на пергаменте. Для изготовления высококачественного пергамента по прихоти богатого издателя Жозефа Форе забито было 30 тысяч баранов. Над оформлением роскошной книги работало четырнадцать лучших французских художников. В тексте пятьсот золотых заглавных букв и 93 тысячи каллиграфических букв. Книга считается самой дорогой в мире и оценивается в два миллиона франков.

Такие шедевры книжного искусства свидетельствуют о высоком мастерстве художников и полиграфистов. Но они почти не доступны, хранятся в стальных сейфах, и их изредка показывают на выставках.

Шедевр русского книжного искусства.

Искусство советской книги зиждется на иных принципах. Они заключаются прежде всего в массовости и доступности книг в сочетании с высоким качеством их оформления. Одним из превосходных образцов, характеризующих сказанное, стали книги «Библиотеки всемирной литературы», изданной тиражом 300 тысяч экземпляров.

Искусство книги как бы символизирует вторую жизнь книги, где всегда мы видим рядом и автора, и художника.

МАЯК КНИГОЛЮБА

В Ленинграде живет Леонид Мисюк. Ему было пятнадцать лет, когда в декабре 1942 года во время одного из налетов фашистских самолетов на город в дом, где он тогда жил, попала бомба. Из развалин дома он извлек остатки своей первой библиотеки и вывез их к деду.

Прошли годы, и вот художник Ф. Ф. Махонин для домашней библиотеки ленинградского книголюба нарисовал экслибрис. На рисунке начертаны слова: «Из книг, спасенных в блокаду». Мы видим силуэт мальчишки, через силу везущего санки с книгами сквозь метель и мрак.

Леонид Мисюк до сих пор бережно хранит эти книги, спасенные им в тяжелое время ленинградской блокады. Среди них «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и «Таинственный остров» Жюля Верна, «Айвенго» Вальтера Скотта и «Три мушкетера» Александра Дюма.

В этом книжном знаке книголюба запечатлено не только одно из трагических событий в его жизни, но и главная суть отношения этого человека к книгам. После войны на него обрушилась беда: он стал инвалидом. Преодолеть отчаяние и обрести силу жизни помогли ему люди и книги.

Книжный знак сегодня стал принадлежностью книг владельцев многих домашних библиотек, их своеобразным рассказчиком, а нередко и страстью коллекционеров. На выставках, устраиваемых коллекционерами, можно познакомиться с подлинными шедеврами графического искусства, миниатюрными поэтическими новеллами о книжных собирателях прошлого и настоящего с самыми различными сюжетами.

Вот, например, книжный знак поэта Эдуардаса Межелайтиса, созданный литовским художником Ионасом Кузминскисом. В центре рисунка младенец, тянущийся к летящей бабочке,— все здесь подчинено главной теме творчества поэта: «Здравствуй, жизнь, здравствуй, человек!»

После первого космического полета Юрия Гагарина художник Г. Кравцов создал для его личной библиотеки экслибрис, теперь широко известный во всем мире. Этот знак стал началом рождения целой космической серии малой графики для книжных собраний покорителей Вселенной.

Над рисунками книжных знаков трудились прославленные мастера, им воздавали и воздают дань поэты, писатели, библиофилы. В экслибрисе

отражено все: и содержание домашней библиотеки, и интересы, и увлечения ее владельца. Это, по словам А. А. Сидорова, сгусток мыслей и чувств, посвященных книге. О верности сказанного свидетельствуют экслибрисы многих общественных и личных библиотек, сама увлекательная история возникновения и развития вплоть до наших дней искусства малой книжной графики.

Немало выдающихся писателей украшали свои книжные собрания экслибрисами. Гёте сам рисовал книжные знаки для своей личной библиотеки. На книжном знаке Чарлза Диккенса нарисована семейная эмблема — лежащий лев, который держит в правой лапе мальтийский крест.

Скромным выглядит книжный знак Л. Н. Толстого — овал с надписью: «Библиотека Ясной Поляны».

Неоценима роль экслибрисов в библиотечном деле. Они помогают специалистам проследить судьбы многих библиотек, восстановить и воедино собрать редчайшие книжные коллекции, изучить и лучше понять судьбы наших любимых книг и авторов.

История экслибриса, еще далеко не раскрытая, насчитывает пять столетий. В музеях и книгохранилищах сохранились книги, на которых можно прочесть забавные для современного читателя тексты. Например, на одной из старых книг в конце ее приведены такие слова: «Кто эту книгу оставит у себя, у того рука отвалится». Или: «Если вы похитите или продадите книгу, вас ждет страшный божий гнев. Вы попадете в ад. Будете жевать и выплевывать свой язык, раскаленный, как железо. И постоянно у вас будут изо рта выскакивать жабы».

Пытаясь уберечь книги от порчи, наши предки не жалели угроз: было время, когда читатель верил в жизненность таких заклинаний. Наряду с угрозами в старых книгах можно встретить коротенькие тексты иного содержания. Когда книгу дарили, на ней писали пышные посвящения, воздавая в них должное автору. Обозначали на ней и свое имя. Чаще имена владельцев книг писали на отдельных листах, которые вкладывали в книгу.

Возникновение книгопечатания, появление крупных личных библиотек, развитие переплетного искусства вызвали стремление собирателей снабдить книгу специальными знаками, обозначающими ее принадлежность определенному владельцу. Желание увековечить на книге свое имя свидетельствует, по мнению русского художника А. Бенуа, об отношении к книге, как своего рода памятнику и как чему-то достойному хранения за пределами личного существования.

В таких случаях на внутреннюю сторону переплетов наклеивали изображения родовых гербов или вензелей владельца книги. Эти знаки получили название экслибрисов. В переводе с латинского языка ex libris (экслибрис) означает «из книг». Иногда изображения родовых гербов делали прямо на переплетах. Экслибрисы, помещенные на переплетах, получили название «суперэкслибрисов». Латинское слово super означает «над».

Сюжеты экслибрисов, как в прошлом, так и в настоящем, отражают содержание книжного собрания, его основные индивидуальные черты, характер увлечения собирателя или его профессию, любимый литературный сюжет, часто — все вместе. И всегда в качестве главного символа экслибриса на рисунке — книга.

В древнем немецком городе Нюрнберге хранится коллекция редких книжных знаков. В ней находится и один из первых экслибрисов 1480 года. Гравюра на дереве изображает ангела, держащего в руках герб владельца книги герцога Гильдебрандта Бранденбурга фон Бибераха. Некоторые исследователи в качестве первого печатного экслибриса называют гравюру на дереве, сопровождавшую некоего Ганса Кнабенсберга по прозвищу Иглер (Еж). Этот экслибрис был создан между 1470 и 1480 годом. Из Германии книжные знаки начинают путешествие по всему миру. В 1555 году экслибрисы появляются в Италии. Ими украшает книги личной библиотеки известный итальянский юрист-библиофил Никколо Пилли. Примерно с 1574 года появились книжные знаки в Англии на книгах канцлера королевы Елизаветы Бекона и во Франции на собрании книг епископа Альбуаза. В библиотеке Оксфордского университета хранятся книги с одним из первых английских экслибрисов. В 1595 году экслибрисы появляются на книгах шведских библиофилов. Вскоре они приходят в Голландию и в другие европейские страны.

В России книжные знаки известны с эпохи Петра I. Первыми печатными русскими экслибрисами считают три знака: «скромную наклейку на книгах из библиотеки сподвижника Петра генерал-фельдмаршала Дмитрия Голицына, гербовый знак фельдмаршала Якова Брюса и экслибрис лейб-медика царя Петра I Роберта Арескина.

Несколько лет назад удалось обнаружить на одной из сохранившихся рукописных книг библиотеки Соловецкого монастыря рисованный, по-видимому около 1500 года, книжный знак. Он представляет собой круглую, почти замкнутую большую букву «С». Внутри нее вязью выведено звание и имя владельца книги — основателя монастырской библиотеки игумена Досифея.

Много лет экслибрисы рисовали от руки. Первые известные ксилографические знаки датированы 1423 и 1450 годами. Позже стали распространяться также экслибрисы, исполненные в технике гравюры на меди и технике офорта. Основным художественным элементом этих знаков является фамильный герб, знак города, монастыря или имя владельца книг. По мере совершенствования книжного искусства экслибрис превращается в подлинное миниатюрное произведение графики, становится непременной принадлежностью почитателей и собирателей книг.

В Государственной библиотеке имени В. И. Ленина собрана коллекция в 70 тысяч книжных знаков. Особенно многообразно в ней представлен советский экслибрис. Оформление многих книжных знаков связано с образом В. И. Ленина, идеями мира и труда, героическими подвигами

советского народа в Великой Отечественной войне, началом космической эры. Здесь и экслибрисы лучших мастеров книжной графики нашей страны.

Значение книжных знаков в развитии книгособирательства велико. Экслибрис — не только, по словам П. Н. Беркова, украшение и страж затворниц книг, но и маяк книголюбов.

МАЛЕНЬКИЕ ШЕДЕВРЫ

Кому не знаком образ знаменитого лесковского Левши, подковавшего блоху? Может ли такое быть на самом деле? Инженер Николай Сергеевич Сядристый с помощью микротехники не только подковал блоху, но и создал самую маленькую книгу в мире: она почти в пятьсот раз меньше почтовой марки. На торце спички можно уместить семь подобных книг.

Книга эта — чудо рук человеческих. На Всемирной выставке «Экспо-67» в Монреале ей была присуждена золотая медаль. «Кобзарь» Т. Г. Шевченко, изготовленный умельцем, состоит из двенадцати страниц текста, на каждой из которых по восемь стихотворных строк. Толщина буквы 0,0035 мм. Две страницы — с иллюстрациями: портрет Т. Г. Шевченко и копия рисунка «Батькова хата». Страницы сшиты окрашенной паутинкой, а переворачивать их можно заостренным концом тонкого волоса. Обложка изготовлена из лепестка бессмертника золотисто-желтого цвета и украшена с обеих сторон золотыми полосками. Книгу можно легко продеть сквозь ушко иголки или спрятать в ресницах.

Читать такую мини-книгу можно лишь с помощью увеличительного стекла, а изготовлена она всего в одном экземпляре.

Об истории создания «Кобзаря» и искусстве микроминиатюры Н. С. Сядристый рассказал в книге «Тайна микротехники», выпущенной издательством «Знание» в 1975 году.

Долгое время самой маленькой считалась книга, изданная в Италии в 1505 году, где напечатано малоизвестное письмо Галилея своей возлюбленной. Размеры этой миниатюрной книжки 6×10,5 мм. Сегодня они кажутся нам огромными по сравнению с современными миниатюрными изданиями. В честь Олимпиады в Мюнхене была издана «Клятва олимпийца» на семи языках, в том числе и на русском. Под увеличительным стеклом можно прочесть: «Мы клянемся во время Олимпийских игр быть честными борцами и соблюдать правила игры. Мы рыцарски состязаемся за честь нашей команды и во славу спорта». Книжечка имеет размер 5×5 мм. В 1971 году в Лейпциге к Международной выставке книжного искусства была выпущена «Азбука в картинках» размером 2,5×3 мм. Страницы ее можно перелистать разве что с помощью пинцета. Уникальна коллекция из четырех миниатюрных книжечек — творение рук японских мастеров. Размер одной из них 2,8×3,5 мм.

Книжки-малютки.

Зачем и для чего издают миниатюрные издания? Не являются ли они забавой коллекционеров, каково их практическое значение?

Даже «Кобзарь» Сядристого — не забава, а свидетельство величайших возможностей человека. Каждая такая книга — своеобразная история замечательных умельцев полиграфического художества. Вот почему миниатюрные издания во все времена привлекали к себе внимание книголюбов. Рассказывают, будто у Цицерона в его богатой библиотеке находилась гомеровская «Илиада», написанная крошечными буквами на таких маленьких листках, что их можно было уместить в одной ореховой скорлупе.

Маленькие книги имеют долгую историю, начало которой уходит к истокам книгопечатания. Самую раннюю из них изготовил в 1468 году в Майнце ученик Иоганна Гутенберга Петер Шеффер. Сохранилось лишь два, да и то помятых и разорванных листка из этой книги. Они бережно хранятся в Национальной парижской библиотеке. Размер полосы набора 65×94 мм. В числе одной из первых печатных миниатюрных книг называют и издание, изготовленное в 1475 году в Венеции знаменитым типографом Николаем Иенсоном. Несколько маленьких книг выпустил в начале XVI столетия известный итальянский издатель Альд Пий Мануций.

Издания Владимира Маяковского в миниатюрном формате.

Прочитав каталог русских миниатюрных изданий, составленный Л. К. Ильинским в 1927 году, мы узнаем и об истории одной из первых русских книг-малюток. «Гостинец малым малюткам на новый год, или Собрание забавных сказок и басен» напечатан в 1829 году. В библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде хранится еще более раннее миниатюрное издание — сборник описаний фокусов и физических опытов под названием «Искусство быть забавным в беседах». Этот единственный дошедший до нас экземпляр сборника датирован 1788 годом. В Ленинской библиотеке есть небольшой атлас («Краткое изображение российской истории»), изданный А. Л. Шлецером в 1805 году. Размер его 43×57 мм.

Основное место в коллекции миниатюрных книг занимают классики художественной литературы. Только в дореволюционный период сорок девять раз выходили в миниатюрном формате произведения Пушкина, почти столько же — Лермонтова. Крупным событием в истории русской миниатюрной книги стало в 1855 году издание «Басен» И. А. Крылова размером 22×28 мм — величина обыкновенной почтовой марки.

Любопытна история появления этой книги. В 1850 году на Лионскую ярмарку приехали русские купцы и правительственные чиновники. Устроители выставки с гордостью показали им шедевр французских мастеров-

Козьма Прутков. «Мысли и афоризмы». *Пермское книжное издательство, 1973 год.*

полиграфистов «Лионское евангелие»: миниатюрную книгу с девятнадцатью печатными знаками в строке. Русские гости поглядели и сказали: «Сделаем лучше!» И сделали.

Книга-малютка изготовлена была в типографии «Экспедиции заготовления государственных бумаг». На восьмидесяти шести страницах помещены двадцать пять басен. К книжке приложен литографированный портрет И. А. Крылова. Для набора текста мастера-типографы отлили из серебра микроскопический шрифт «диамант».

В форме миниатюрных книг издавались: детская литература, справочники и словари, карты, народные песни, календари и даже кулинарные сборники. В Швейцарии недавно выпущен миниатюрный справочник с адресами и телефонами всех авиакомпаний мира.

В библиотеках и музеях мира и личных коллекциях собрано примерно 10 тысяч миниатюрных изданий, выпущенных с начала книгопечатания до наших дней (цифра весьма приблизительная). В 1975 году издательство «Книга» опубликовало в формате 75×55 мм двухтомный указатель «Миниатюрные книги СССР». В нем описано 466 дореволюционных и советских миниатюрных изданий. Конечно, и этот указатель неполно отражает историю отечественной мини-книги.

В октябре 1972 года в Москве состоялась первая выставка миниатюрных изданий. На ней было показано свыше двухсот изданий, вышедших в нашей стране с 1821 по 1972 год. Среди них и одна из первых советских миниатюрных книг размером 35×50 мм — «Конституция РСФСР», напечатанная в 1921 году в городе Кинешме.

Широкое признание получила экспонированная на выставке Лениниана в миниатюрной книге — более 50 изданий В. И. Ленина и книг о нем. Один из шедевров советских полиграфистов — отрывки из поэмы В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Размер этой самой маленькой книги, выпущенной в СССР,— 16×16 мм. Изящно оформлены маленькие томики А. Пушкина, С. Есенина, Н. Некрасова, Т. Шевченко, Я. Коласа, Я. Купалы, Р. Гамзатова. Полка миниатюрных книг растет, привлекая к себе все большее внимание книголюбов.

Каждая миниатюрная книга — это прежде всего произведение полиграфического искусства. Оформить и набрать ее, напечатать, сброшюровать, переплести — сложная, а порой и ювелирная работа. Такие книги занимают мало места. Они удобны для чтения в дороге. Выпуская их, мы бережем бумагу, а значит, и леса.

Конечно, книги-малютки не становятся массовым явлением. Но культурное и практическое значение их бесспорно. Это всегда и чудесный подарок, и удовлетворение вкуса людей, любящих в книге художество, высокую издательскую культуру. Ведь видеть и листать прекрасно изданную книгу — уже само по себе огромная радость.

Какого же размера книги можно отнести к миниатюрным? Советские коллекционеры в качестве стандартного размера условно приняли 100×100 мм. Большего размера книжки они называют «малоформатными».

РАДИ КНИГИ

История полна драматических примеров, когда люди во имя книги шли на костер, жертвовали близкими, состоянием, лучшие годы жизни проводили в архивах и библиотеках, изучая древние рукописи и книги. Таких людей обычно называют подвижниками. Один из таких подвижников — Алексей Алексеевич Сидоров.

В 1971 году было отмечено 80-летие выдающегося ученого-искусствоведа, члена-корреспондента Академии наук СССР. Слушая выступления видных специалистов-книговедов и книголюбов, пришедших поздравить юбиляра, я пытался мысленно представить себе тот первый рубеж, с которого ученый начал свой путь к книге. Я вспомнил его труд под названием «Книга и жизнь», где изложена целая программа отношения человека к книге, которую сам автор назвал «дерзкой попыткой создать теорию книжного дела». «Все мои годы я жил книгой,— пишет он.— И первые мои воспоминания и сегодняшний мой день без нее немыслимы».

Эта «немыслимость» — не слепая любовь библиомана, а постоянная жажда понять книгу и служить ей, а значит, и людям. Книгу «надо не только любить,— заявляет ученый,— но и знать. Надо изучать. Надо не только учиться по книгам, но и учиться книге... Всю свою жизнь посвятил я этому ученью книге».

В чем же автор видит смысл «ученья книге», с чего оно началось?

Как ни парадоксально, но прежде всего с защиты самой книги. История знает не только подвижников и почитателей книги, но и ее ниспровергателей. Среди них оказался немецкий поэт Рихард Демель, выступивший в начале нынешнего века с утверждением о вредности чтения книг.

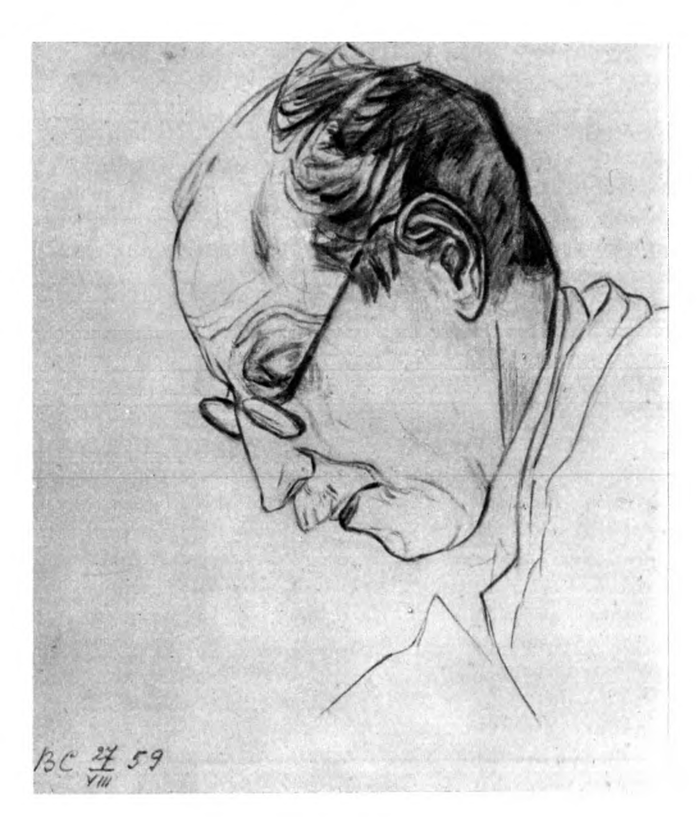
Алексей Алексеевич был тогда студентом. За внешней трескучестью фраз Демеля он легко уловил реакционный смысл его идей. В 1912 году в сборнике «Труды и дни» он поместил статью «В защиту книги», в которой горячо отстаивал высокую предназначенность книги в жизни общества и человека.

С этой статьи началась та дорога, что привела молодого книголюба впоследствии к созданию крупных трудов в области книжного дела. И, читая ее сегодня, спустя шестьдесят лет, поражаешься прозорливости автора. Шли годы, проходили десятилетия, а ученый-книговед не уставал выступать в защиту книги. Ведь и в наши дни появляются ее ниспровергатели, утверждающие, что в период научно-технической революции современные средства информации, облегчившие распространение знания (радио, телевидение, видеозаписи, микрофильмы, ЭВМ), заменяют и вытесняют книгу. «Нет и нет! — заявлял ученый.— Новые средства информации появляются и будут появляться для облегчения распространения знаний. Но книга — радость, я уверен, никогда не будет сведена на нет кино и телевидением. Люди всегда будут читать Толстого, Данте, Шекспира, «Слово о полку Игореве». Книга, по его словам, нечто большее, чем источник информации. Потребность человека в чтении ничем не может быть заменена. Заметим, это написано в 1975 году, на восемьдесят четвертом году жизни.

В отношении к книге лучше всего проявляется общественное лицо человека: идейность, национальная гордость, гуманизм, эстетическая требовательность. «Книга и человек. Книга и производство. Книга и наука. Книга и культура. Книга и общество. Все это нераздельно!» — утверждает ученый.

Для А. А. Сидорова книга — нерасторжимый союз слова, таланта художника и полиграфической техники. Вот почему основным делом всей его жизни стало изучение искусства книги.

В 1946 году вышла монография ученого «История оформления русской книги». Издавая ее, он стремился «приблизить к современности чудесное мастерство старой русской книги, ближе познакомить новых художников книги с их славными предшественниками, способствовать знакомству широких кругов книжных работников с культурой прошлого, научить любить ее». Мысли эти были продолжены и развиты и в других работах.

Алексей Алексеевич Сидоров. *Карандашный портрет.*

Подлинный жизненный подвиг — создание трехтомной «Истории русского рисунка». В 1951 году вышла в свет книга «Древнерусская книжная гравюра», в 1956 году — «Рисунок старых русских мастеров», в 1960 году — вторая часть этой книги и, наконец, в 1969 году — «Русская графика начала XX века. Очерки истории и теории». В фундаментальном труде, мимо которого сегодня не может пройти ни один специалист, изучающий историю отечественной книги, раскрыта в ярких красках история развития книжной графики в России почти за четыре столетия. Это сотни впервые опубликованных рисунков и архивных документов, фактически открытие новой области русского искусства, скрытой от глаз широкого читателя, как и специалистов-искусствоведов — так оценен был почти двадцатилетний труд ученого. Энциклопедией русской графики назвал выпущенные книги известный советский художник-график А. Д. Гончаров.

Алексей Алексеевич рисовал, гравировал, писал стихи, стал страстным книжным коллекционером. С юных лет собирал он книги о книгах, об искусстве книги, рисунки, произведения графики. Собрал одну из крупнейших библиотек по искусствоведению и обширную уникальную коллекцию листов графики — старых и новых мастеров: от первого теоретического трактата Альбрехта Дюрера до напечатанного недавно во Франции альбома-шедевра Пабло Пикассо; вызывает восхищение превосходная коллекция из пяти тысяч рисунков крупнейших мастеров книжной графики, коллекция экслибрисов.

«Когда собиратель начинает «собирать коллекцию»,— говорит А. А. Сидоров,— он становится творцом». Собирательство, по мнению Алексея Алексеевича, может быть и страстью, и искусством, и наукой. О коллекционировании за полвека библиофил рассказал в «Записках собирателя», опубликованных в 1969 году.

Нет смысла пересказывать текст этой небольшой книжечки. Прочесть ее полезно каждому любителю книг. Постараемся раскрыть только основную мысль автора. Высшую цель, которую должен ставить перед собой собиратель,— это стремление в конечном счете превратить свои коллекции в общенародное достояние. «Мы только на время — краткое время нашей жизни,— писал Алексей Алексеевич,— владеем, бережем, храним книги. Мы ответственны за них перед будущим. Книги и библиотеки...— наша культурная потребность и народное достояние».

Размышляя о собственном опыте библиофильства, Алексей Алексеевич говорил: «Я лично никогда не охотился за редкостями. Я в книге никогда не интересовался ее антикварно-каталожной ценой... Любил книгу самую разную. За полнотой подбора сочинений любимого автора тоже не гнался».

Собирая книги, вспоминает Алексей Алексеевич, он нередко менял их на другие, часто дарил. Например, долго он собирал книги о шахматах, а потом всю подобранную им книжную коллекцию передал в дар библиотеке Дома ученых. «И никогда не жалел,— говорит библиофил,— о таких изменениях профиля и содержания моего книгосбора». Зато он всегда жалел о той или иной книге, «ускользнувшей из-под носа». И всегда любил и уважал энтузиастов-книгособирателей. «Я знал лично все виды исканий определенной книги»,— рассказывает Алексей Алексеевич.

В чем же видел Алексей Алексеевич главное в собирании книг? В самом очаровании поисков желанных книг и в радости находок.

Жизнь и труды А. А. Сидорова — прекрасный пример служения людям и книге. «Все, что вы видите, а в моей библиотеке около 20 тысяч книг,— как-то сказал А. А. Сидоров,— это уже не мое: я передал свою библиотеку Институту истории искусств. А я лишь пожизненный ее хранитель...»

Алексей Алексеевич еще при жизни передал в дар Государственной Третьяковской галерее около четырех тысяч рисунков русской части собранной им художественной коллекции, а рисунки западноевропейских

мастеров — свыше семисот произведений — в Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Книжные знаки (14 тысяч экслибрисов) стали достоянием Ленинской библиотеки.

Последняя квартира Алексея Алексеевича на Ленинском проспекте была и библиотекой, и рабочим кабинетом ученого, и музеем. Здесь, в его домашней библиотеке, всегда работали друзья книги. И так многие годы. Умер Алексей Алексеевич в 1978 году.

Мне посчастливилось не раз встречаться с Алексеем Алексеевичем. Обычно, когда наша беседа заходила о будущем, ученый говорил: «Самое главное — это идти вперед в изучении книги». Слово «вперед» Сидоров мыслил широко, и оно охватывало много проблем. Он мечтал об издании энциклопедии книговедения, о подготовке всемирной истории книги, о создании в нашей стране музея книги, советовал чаще устраивать выставки книжного искусства. Заветной его мыслью была идея об основании Общества друзей книги. Как мы знаем, такое общество теперь организовано.

Глава VII

НА ВСЕ ВРЕМЕНА

До конца дней своих я хотел бы бродить по светлым странам моего воображения.

А. Грин

БЫТЬ КНИГОЛЮБОМ — НЕ ПРОСТО

В наши дни легко прослыть книголюбом. Кажется, что и собрать домашнюю библиотеку, когда книг столь много,— дело несложное. Все это далеко не так. Путь книгособирателя долог, труден и часто тернист. Как часто мы слышим: «Собрать библиотеку было не просто».

Пушкин однажды обронил фразу о том, что стихи состоят из «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Собирание книг без «замет сердца» невозможно. Но и без «наблюдений ума» не обойтись; возможны и «горестные заметы сердца» — случается и такое. Говоря так, мы думаем в первую очередь о нравственной оснащенности книголюба, о его зрелости в работе с книгой. Чем больше человек любит книгу, тем он лучше знает, что читать и собирать. Но «книжная страсть» еще далеко не главная примета книголюба. Собиратель должен овладеть библиографическими навыками, определить главное направление своих поисков, что приходит далеко не сразу.

Первая заповедь книголюба — умение ориентироваться в книжном мире. Способность схватывать суть книги, определять ее художественную и культурную ценность.

«Книжное чутье» вырабатывается не сразу. Как часто его не хватало даже крупным собирателям. «...Чуять инстинктом ищейки,— писал французский библиофил Физельер,— под грязной кожей или покоробленным пергаментом запах ума или просто рассудка, знания или просто здравого смысла, которым пропитаны эти старые страницы, попадать как раз на то, что должно нас просвещать, интересовать или только нам нравиться, находить, не ошибаясь ни одним листом, самое ценное место этой пребывающей в пренебрежении старой книги, где хранится искомый урок, ожидаемое утешение, освещающий факт или вспыхнувшее слово. О, это краеугольный камень любви к книгам».

Конечно, с годами приходит зрелость, накапливается опыт в подборе книг, появляется умение отличить хорошую книгу от плохой. Чтобы обладать настоящим «книжным чутьем», необходимы не только знания, всестороннее понимание книги, как единого целого, умение искать книги, но и вкус. Его воспитывают, ориентируясь на лучшие книги, проверенные временем. «Порой навечно людям остается короткая, но мудрая строка...»

Нередко даже опытные книголюбы не могут обойтись без услуг библиотекаря или продавца книг, а также без совета специалистов. Интересная книга может сама найти вас. Для этого следует порыться среди книг, если надо — заглянуть в каталоги, справочники. Однако какими бы мы ни стали «образованными» книжниками, не следует забывать еще об одном качестве книголюба — пытливости, желании узнать как можно больше о любимых книгах! Ведь у каждой книги свое собственное лицо, своя судьба, своя «долгота века».

Знать, например, чем одно издание отличается от другого, какова их судьба. Не пропустить книгу, которая вас интересует, напечатанную где-то в ином городе,— для этого требуется много усилий. Именно они и превращают пытливого читателя в подлинного книжного знатока.

Знать о книге надо все. Может быть, придется много прочесть других книг и статей. Пойти в библиотеку, побывать, если надо, в музее, но потраченные усилия не пропадут даром. Они обогатят вас новыми знаниями и принесут большую радость.

Бывают такие издания, которые очень хочется иметь, но достать их невозможно или очень трудно. Книгособирательство — это и настойчивость в поисках. За полвека коллекционирования Ивану Борисовичу Семенову ни разу не попадалась брошюра Кайгородова «Чайковский и природа». Наконец он узнал, что книжка эта находится у одного известного ученого, поклонника музыки Чайковского. Десять лет библиофил уговаривал его, пока, наконец, тот не решил расстаться с редкостью.

Порой коллекционера подстерегают неожиданные превратности судьбы. В течение многих лет Николай Павлович Ильин стремился познакомиться с семьей казанского профессора Кондакова. В его библиотеке, он знал, хранилась миниатюрная книжечка «Снежная маска» А. Блока с дарственной надписью поэта знаменитому пушкинисту Павлу Елисеевичу Щеголеву.

Каталоги личных библиотек.

Когда же библиофил приехал в Казань и познакомился с библиотекой Кондакова, книжки этой в ней не оказалось: она бесследно исчезла.

Как часто гибли библиотеки, на которые затрачены были годы жизни. Книгособиратели принимались за вторые, третьи, четвертые библиотеки — и вновь их создавали. Еще в начале жизненного пути Василий Алексеевич Десницкий собрал редкую коллекцию подпольных революционных изданий, напечатанных в России и за границей. Она погибла в огне пожара. Во время первой мировой войны в эстонском городе Тарту погибла вторая библиотека. В 1917 году неутомимый библиофил начал собирать третью библиотеку. К концу жизни ученого она насчитывала около 15 тысяч книг и 3708 комплектов журналов.

Библиотека инженера-экономиста Б. Л. Поляка, живущего в Тбилиси, трижды погибала, и трижды книголюб ее возрождал. В нынешней библиотеке, которую он стал собирать после Великой Отечественной войны, насчитывается свыше двух тысяч книг.

Нелегкой оказалась и судьба библиотеки украинского писателя-библиофила Александра Елисеевича Ильченко. Первую собранную им книжную коллекцию он потерял в годы войны в Киеве. Вернувшись после войны в родной город, он вновь принимается собирать любимые книги — произведения народного творчества. И таких книг он собрал более пятисот.

Приведем еще одно соображение. Собирая книги, нередко отказываешь себе во многом. Поначалу, быть может, это и не столь обременительно. Потом приходится идти на более серьезные «жертвы». Но какой же друг книги не готов ради нее поступиться многим.

«Когда собираешь книги,— справедливо говорит известный писатель-библиофил Владимир Германович Лидин,— то во многом приходится себе отказывать, но это и составляет прелесть собирательства. Существуют просто купленные за большие деньги библиотеки. Это не собирательство — это покупка; кстати, истинные книжники не уважают таких покупателей. Собирают книги по зернышку, много лет, выискивая и радуясь находкам, принося книгу домой, как обретенное сокровище, при этом без малейшего чувства собственничества или стяжательства. Напротив, с чувством удовлетворения, что делаешь общее дело, что твое собрание попадет когда-нибудь в общественное хранилище, что капля твоего меда будет в этом улье, а за пыльцой приходилось далеко летать, иногда нелегко летать, иногда зря летать, потому что она так и не досталась».

Слова эти человека, посвятившего книге всю жизнь,— добрый совет молодым книголюбам.

ЧЕЛОВЕК ИДЕТ ЗА КНИГОЙ

Число книголюбов растет. Возникают разнообразные домашние библиотеки, рождается новое отношение к собиранию книг, как явлению коллективному. Книг — море. Специалисты подсчитали: чтобы прочесть все вышедшие книги, читая по шесть часов в день, потребовалось бы 200 тысяч лет. 80 тысяч новых названий — столько ежегодно издается книг в нашей стране. Впрочем, необходимо ли человеку прочесть все книги? Конечно, нет! Опыт показывает, что самый пытливый читатель за всю жизнь может прочесть максимум 10—15 тысяч книг. Все прочесть, все узнать, все собрать невозможно. Читатель, умеющий работать с книгой, не страшится «книжного моря». Он всегда найдет именно ту книгу, которую хочет прочесть. Для этого, правда, надо много знать. Для начала спросим, например, что такое книжные серии, библиографические указатели, каталоги, умеем ли мы ими пользоваться?

Любить книгу теперь заставлять никого не нужно. Ценить, беречь и уметь читать ее — еще как надо! Всякое новое поколение читателей начинает путь к книге фактически с нуля. Нередко даже не знает, что брать в руки, как читать, где найти сведения о необходимых книгах.

Верный советчик и помощник читателей — рекомендательная библиография. Она помогает читателю выбрать из общего громадного потока литературы лучшие произведения, подсказывает наиболее последовательную систему чтения. Современная рекомендательная библиография — целый арсенал информации о книгах: от книжных закладок, списков

и планов чтения до многотомных аннотированных указателей. Разумеется, решающее слово в выборе для чтения всегда остается за самим читателем. Однако знание рекомендательной библиографии, умение пользоваться справочным аппаратом помогает сберечь время и силы в поиске и выборе необходимых книг.

В качестве примера приведем несколько таких указателей. Вот указатель «Вокруг света». Книги, которые он рекомендует прочесть, дают зримое представление о странах мира. Выбрать лучшие произведения художественной литературы помогает указатель «Классики художественной литературы». Назовем и несколько указателей, предназначенных для нашего молодого современника: «Молодежи о научном коммунизме», «На орбите времени», «Быть на земле человеком», «Дорогами знаний», «Встречи с прекрасным», «Профессии, которые мы выбираем».

Исчерпывающую информацию о выпускаемых в СССР произведениях печати содержат указатели, подготавливаемые Всесоюзной книжной палатой: «Книжная летопись», «Летопись журнальных статей», «Летопись изоизданий», «Картографическая летопись». Знакомство с указателями прививает навыки пользования библиографической литературой.

О книжных новинках еженедельно сообщает газета «Книжное обозрение». Неоценима ее роль в обмене книгами между книголюбами. Из номера в номер газета помещает рубрику под названием «Читатель — читателю». «Собираю книги серии ЖЗЛ», «Для работы необходима литература о Пушкине», «Разыскиваю альманах «Прометей». «В обмен предлагаю...» — тысячи читателей обращаются в это своеобразное «Справочное бюро» по обмену книгами.

Хорошие новинки для книголюба равнозначны встрече с добрым человеком, которого он искал и с которым познакомился. Новые книги приобретают в книжном магазине. Здесь есть и планы издательств. Листая их, читатель может узнать, какие книги и когда по интересующей его теме выйдут из печати. Печатают издательства и перспективные планы: они ориентируют читателя, как правило, на пять лет вперед.

Определив круг необходимых книг, можно предварительно их заказать в книжном магазине. Многие читатели пользуются услугами системы «Книга — почтой». В каждом городе есть книжные магазины, которые по письмам читателей подбирают необходимые им книги и высылают по почте на домашний адрес.

Много интересного среди старых изданий. Их не так много. Но если четко ограничить круг интересов собирательства и не пожалеть времени, то найдешь книги-избранники. Собиратели сетуют на то, что им все чаще в поисках книг приходится полагаться на счастливый случай, на удачу. Нередко на вопрос: «Каким образом в вашу библиотеку попала та или иная книга?» отвечают: «Счастливая находка...» Между тем такие счастливые находки — далеко не случайны. Они возможны, если знаешь, что и во имя чего ищешь.

Старую книгу приобретают в букинистических магазинах. Не случайно их называют «драгоценными кладовыми книжных редкостей». Здесь всегда можно встретить собирателей: одни расстаются с тем, что продают, другие испытывают радость первооткрывателей. Владимир Никифорович Алексеев говорит: «Букинистический магазин — это чудесный сад, где каждый выбирает себе плод по вкусу».

Сколько здесь радостных встреч с долгожданными книгами и сколько можно наблюдать поистине драматических сцен, когда собиратель расстается с любимой книгой!

Не обойтись книголюбу без общественной библиотеки. Здесь он всегда узнает о новой литературе, познакомится с необходимыми ему или любимыми книгами, которые еще не смог приобрести, услышит советы знатоков, встретится с учеными, писателями, поэтами, увидит интересные книжные выставки.

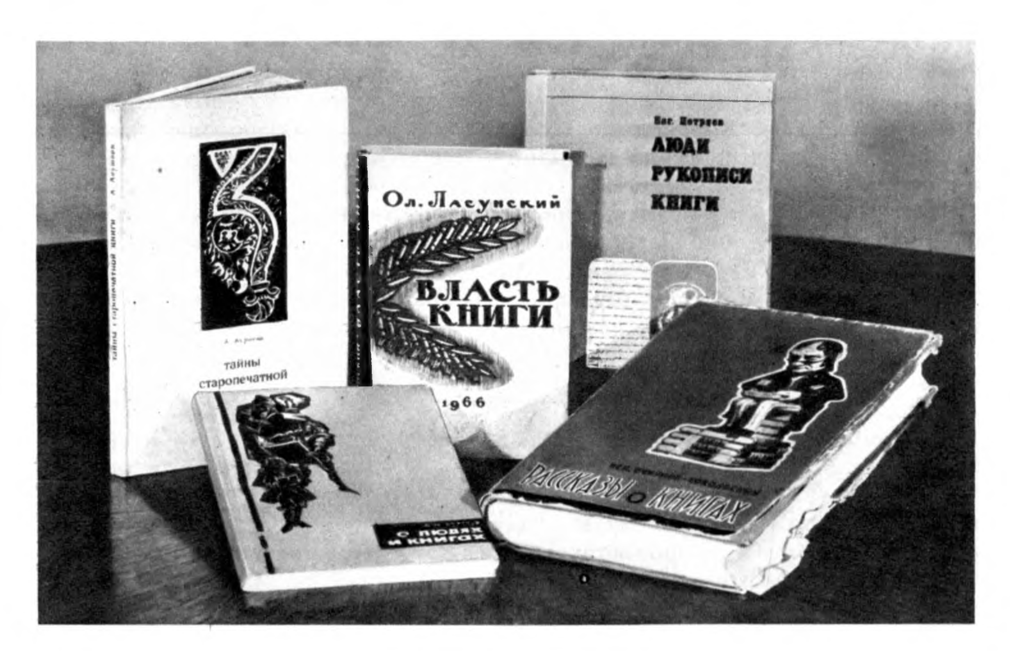
С помощью межбиблиотечного абонемента можно получить необходимую книгу из крупнейших книгохранилищ страны, если ее нет в местной библиотеке. А личное общение с библиотекарем или с другим читателем — какой книголюб не использует такую возможность в поисках книг? Постоянная дружба с библиотекой, умение в ней работать, пользоваться каталогами и указателями — один из верных путей формирования личной библиотеки.

Как хорошо сказал о публичной библиотеке Герцен: «Это открытый стол идей, за который приглашен каждый, за которым каждый найдет ту пищу, которую ищет; это — запасный магазейн, куда одни положили свои мысли и открытия, а другие берут их в рост».

ПУТЕВОДИТЕЛИ В МИРЕ КНИЖНЫХ СОКРОВИЩ

Человек, умеющий работать с книгой, не запоминает даты, цифры. Он просто знает, где эти сведения можно отыскать. В каждой области знания есть такие помощники книголюба — словари, справочники, энциклопедии, в том числе и по книговедению. В начале этого списка можно назвать знаменитый «Толковый словарь по книговедению», составленный библиотекарем и библиографом Этьеном Габриелем Пеньо и изданный в Париже в 1802—1804 годах. На протяжении последующего времени появилось много таких словарей и справочников о книге: по истории книгопечатания, искусству книги, издательскому делу, о выдающихся деятелях книги.

Ключом к ним может стать указатель И. М. Кауфмана «Русские биографические и биобиблиографические словари». В нем мы найдем сведения о тридцати начинаниях по изданию словаря, посвященного деятелям книги в дореволюционные годы и в советский период. Видное место в этом ряду занимает четырехтомный «Словарный указатель по книговедению (1924—1934)», составленный Августой Владимировной Мезьер. Пятнад-

Книги о книгах.

цать лет жизни талантливый библиограф потратила на создание этой энциклопедии книги. На ее страницах можно познакомиться с разнообразными сведениями: об истории книги, о многих знаменитых издателях, библиографах и библиофилах.

С тех пор как был издан этот труд, прошло много лет, и он во многом устарел. В настоящее время советские ученые и специалисты работают над энциклопедическим справочником по книговедению; он должен стать, как указывают его составители, «не только сводом весьма полезных и нужных терминологических и иных справок, но и обобщающим трудом, показывающим достижения советской книговедческой науки». В энциклопедическом справочнике «Книговедение» будет помещено около трех тысяч статей.

Книголюбу полезно иметь на своих полках терминологические словари по отдельным отраслям книжного дела. Например, «Словарь книговедческих терминов» Е. И. Шамурина.

Свыше чем на 500 вопросов книголюба может ответить «Словарь библиотечных терминов», выпущенный издательством «Книга» в 1976 году.

«Библиографический словарь» К. Р. Симона — своеобразный путеводитель по библиографии. «Полиграфический словарь» О. Я. Басина по-

зволяет выяснить значение многих издательских и полиграфических терминов, с которыми мы сталкиваемся, работая с книгой.

Книги собирают терпеливо, заранее зная, что надо отыскать. На этом пути ценным советчиком могут стать каталоги личных библиотек выдающихся писателей, ученых, общественных деятелей, библиофилов.

Крупным достижением советских ученых стало издание в 1961 году каталога «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». В каталоге приведено 8450 названий книг и других произведений печати, составлявших книжное собрание Владимира Ильича. Среди описанных книг около тысячи с собственноручными пометками и записями В. И. Ленина — неоценимый материал для изучения роли личной библиотеки и книги в жизни и деятельности Владимира Ильича.

Превосходный каталог личной библиотеки А. С. Пушкина еще в 1910 году подготовил Б. Л. Модзалевский. Есть каталог и библиотеки А. Н. Островского — она хранится в Пушкинском доме. Большую ценность представляет библиографическое описание библиотеки Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне, составленное научными сотрудниками музея-усадьбы «Ясная Поляна». Листая страницу за страницей вышедшие тома каталога, мы проникаем в мир толстовской мысли, видим его отношение к различным произведениям литературы, собранным в единую библиотеку, лучше понимаем методы работы Толстого с книгой.

В каталог включены сведения о каждой книге библиотеки, «не только о том, что читал Толстой, но и как он читал». После названия книги составители каталога кратко сообщают, каким образом она попала в библиотеку Л. Н. Толстого, о ее роли в его творчестве. Приводятся все упоминания об этой книге. Обращаясь к справочнику — путеводителю по толстовской библиотеке (4 тысячи книг на русском языке), мы можем проследить и судьбы этих книг, и круг читательских интересов писателя.

Сохранились письма Л. Н. Толстого, в которых он говорит, что «читает с карандашом в руках книги». Лев Толстой любил выставлять оценки и писателям, и книгам. В 1901 году он получил сборник рассказов Леонида Андреева. В конце рассказа «Ангелочек» черными чернилами поставлена единица, а под рассказом «Валя» — пять с плюсом. Особенно досталось рассказу «У окна». «Все не нужно» — так оценил его Толстой. Еще одна книга — «Были» В. А. Гиляровского. Толстой ее внимательно читал. На многих страницах книги, о которой автор сказал: «Здесь все: тревоги и мечтанья, порывы славных, бурных дней, народа горькие страданья и беды юности моей», следы вдумчивого чтения Льва Николаевича. Сколько подчеркнуто слов, сколько фраз заключено в скобки, поставлено вопросов! Остановимся еще на одной книге — «Семейной хронике» Аксакова. Познакомившись с каталогом, мы узнали, что 1 апреля 1891 года Толстой читал ее своим детям. На ней много пометок писателя.

«Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства... Она предмет наших изучений и восторгов» — так Пушкин начал

статью «Вольтер», напечатанную им в 1837 году в журнале «Современник». Работая над материалами по истории Петра I, поэт познакомился с знаменитой библиотекой Вольтера, приобретенной в свое время Екатериной II. Он высоко оценил значение этой подлинной сокровищницы, где собраны лучшие сочинения мировой и французской литературы, редчайшие книги XVIII века и которая ныне хранится в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В полной мере представить это огромное собрание в семь тысяч томов, как и понять значение пушкинских слов позволяет изданный в 1961 году в нашей стране каталог «Библиотека Вольтера». Он состоит из 1171 страницы, и в них «предмет наших изучений и восторгов».

Широкое поле деятельности, как это видно из каталога, открывает библиотека великого мыслителя для тех, кто хочет познакомиться с методами работы Вольтера над книгой. На многих страницах книг — следы его пера, различные заметки. Иногда в книги вложены отдельные записки. Тут и восхищение, и брань, и фактические поправки, справки и замечания, свидетельствующие об образе мыслей, вкусах, симпатиях и антипатиях писателя.

В одном из писем Вольтер писал: «Моим обыкновением является писать на полях моих книг то, что я о них думаю». «Невежественный сочинитель», «Плоское пустословие» и рядом оценки с неподдельным восхищением. Около тридцати различных способов употреблял писатель, чтобы отметить привлекшее его внимание то или иное место в книге. В ряде случаев он даже писал рецензии на книги.

Каталоги личных библиотек — это и своеобразные живые портреты их владельцев.

ЮНЫЕ КНИГОЛЮБЫ

Под влиянием старых книг о собирателях-подвижниках в нашем представлении сложился традиционный образ библиофила. Как правило, это обязательно пожилой человек, заваленный книгами, отрешенный от жизни кабинетный ученый, наслаждающийся в тиши своей домашней библиотеки книжными редкостями.

Подобный образ, очевидно, возник не случайно. Естественно, что среди библиофилов немало пожилых людей. Ведь необходимы годы, чтобы составить хорошо подобранную библиотеку, соответствующую интересам и наклонностям ее собирателя. Были и есть подвижники книги. Но теперь они — далеко не кабинетные ученые, в чем всегда я убеждался при встречах со многими библиофилами.

Большинство книжных собраний, о которых мы рассказали, люди стали собирать в начале жизненного пути, а то и в школьные или студенческие годы. Кировскому собирателю Евгению Дмитриевичу Петряеву было двенадцать лет, когда в свердловской газете «Всходы коммуны» появилась

его первая заметка о книгах. Иван Никанорович Розанов стал собирать свою библиотеку в тринадцать лет, Владимир Кирпичков начал первые поиски книг в шестнадцать лет, Петру Миновичу Матко не было полных восемнадцати, когда он избрал в качестве темы собирательства книгу Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка»...

Эти люди, как и многие иные собиратели, пронесли свою пламенную любовь к книге через всю жизнь. Можно не сомневаться, что юные книголюбы, делая сегодня первые шаги по пути собирания книг, пойдут той же дорогой.

Современный книголюб или библиофил — не ревнивый охранитель книг под стеклом книжных полок, а пытливый читатель, пропагандист книги, порой исследователь. Как часто мы слышим признания о том, что поиски интересных книг в жизни собирателей были всегда своеобразными путешествиями, рождали мечту о приключениях, открывали новые пути в познании окружающего мира и людей.

Вот каким рисует библиофила наших дней Вениамин Александрович Разумов: «Современный библиофил — это вовсе не тот человек, который ради страсти ставит на полку неразрезанные книги и никого не пускает в свое святая святых, даже супругу, чтобы вытерла пыль. Это не тот, кто сидит на пачке связанных книг, как это изображено на статуэтке-чернильнице знаменитого библиофила нашего времени Н. П. Смирнова-Сокольского. Нет. Сужу по себе, так как во мне всегда сочетается страсть ко всем проявлениям жизни: я писал и публиковал стихи, читал их со сцены, играл в футбол, увлекался фотографией, очень люблю мотоциклетный спорт, занимался боксом и... собирал редкие книги».

Собирателя сегодня можно встретить в библиотеке, музее, книжном магазине, в походе по местам героев любимых книг. Он следит за литературными новинками и переписывается с другими собирателями, чьи книжные интересы совпадают с темой его собственного увлечения. Он и читатель публичной библиотеки, и охотно предоставляет свои книги тем, кто в них нуждается. Он библиотекарь и библиограф и в то же время активный помощник библиотекарей и библиографов общественной библиотеки. Участвует в праздниках книги и читательских конференциях, посещает литературные вечера, диспуты, посвященные жарким спорам о любимых книгах. Не только учится отличить хорошую книгу от плохой, но и учит этому других.

В нашей стране, где столь высоко ценится печатное слово, для юных книголюбов открыты разнообразные возможности приобщения к книге. Побываем в одном из клубов юных друзей книги, что работает в 716-й московской школе. С первых классов здесь все начинается со сказок и игр волшебного «книжного города» — библиотеки, с праздника букваря, с посвящения в читатели. Проходит время, и мы уже видим ребят в качестве умелых «гидов» на всех «улицах» и «перекрестках» «книжного города». Они самостоятельно отправляются в плавание по книжному морю.

Ребята ведут читательские дневники, куда записывают впечатления о прочитанных книгах. Выпускают стенную газету «Юный книголюб», издают рукописный журнал. Есть в школе и примечательная книжка — ее написали сами школьники. Они рассказали в ней о пионерах нескольких поколений. Книга создана на основе интервью, авторы брали их у первых организаторов пионерских отрядов — пионеров довоенного времени и грозных лет Великой Отечественной войны. В школе есть и стенд под названием «Экран чтения». Подойдя к нему, всегда можно узнать о литературных новинках. Ребята сами готовят тематические выставки — к важным событиям в жизни страны, юбилеям любимых писателей, они организуют конкурсы чтецов, рисунков, работают в библиотеке.

Клуб «Лукоморье» в подмосковном городе Щелково увлечен творчеством Пушкина. Ежегодно его члены отправляются в поход по пушкинским местам. Они выпускают газету «Лукоморец», ставят спектакли на сюжеты пушкинских произведений и проводят состязания юных знатоков любимого поэта, собирают библиотеки для детских садов.

В Великих Луках есть клуб «Бригантина». Юные книголюбы Липецка организовали клуб «Парус» и музей «Лермонтов и ты». «Есенинская березка» — так назвали свой клуб рязанские юные книголюбы. При средней школе поселка Шолоховский, Ростовской области, создано литературно-краеведческое общество «Боян». Сорок пять различных изданий «Слова о полку Игореве» собрали ребята. В экспозиции школьного музея подобрана богатая коллекция репродукций о великом прошлом нашей Родины и о самом «Слове».

На Украине большую популярность приобрел клуб юных книголюбов под романтическим названием «Данко». Ребята организуют читательские встречи, участвуют в экскурсиях по историко-литературным местам, пропагандируют лучшие книги. В школе № 8 города Нальчика работает клуб интернациональной дружбы «Горный родник». Здесь всегда интересно. Всякая встреча — событие. Особенно запомнились вечера, посвященные Сергею Есенину и национальному поэту Армении Аветику Исаакяну.

Литературные лектории, книжные музеи, залы книги и небольшие книжные уголки, самодеятельные театры, галереи портретов писателей и экспозиции рисунков героев литературных произведений, книжные выставки по предметам или просто на различные темы о книгах, походы по памятным местам — сколько разнообразных направлений можно приметить в жизни юных книголюбов! А операция «Живи книга» — ее ежегодно проводят ленинградские юные книголюбы. Тысячам книг руками школьников дана уже вторая жизнь.

Всегда интересно познакомиться с библиотеками видных ученых, писателей, ветеранов труда, библиофилов. А тема «Сражающаяся книга»! Поиски книг — воинов Великой Отечественной войны, изучение судеб героического прошлого и настоящего нашей Родины — определить цену этого труда юных книголюбов просто невозможно. Разве, например, не увлекательно

совершить поход по следам героев книг «Железный поток» А. Серафимовича или «Молодая гвардия» А. Фадеева? По местам, где жили и творили Пушкин или Александр Грин, по лермонтовским и тургеневским местам, побывать в святынях русской культуры — толстовской Ясной Поляне, чеховском Мелихове или в Шахматове А. Блока?

Из таких походов юные книголюбы возвращаются с живыми и яркими впечатлениями, обогащенные новыми знаниями. Часто возникает и новое увлечение, и повод для дальнейшего поиска, который может стать значительным событием в жизни человека. Рождаются выставки, литературные уголки, фотовитрины, а иногда и первые заметки, очерки, статьи, появляются подборки материалов для местного краеведческого музея.

Не быть зрителями, учиться самостоятельно мыслить — таковы добрые принципы клубов юных книголюбов. «Искать и находить!» — вот их девиз. Следуя ему, Валерий Алексеев решил найти место клятвы Герцена и Огарева. Со школьных лет все мы знаем, что клятва эта была произнесена на Воробьевых горах в Москве (ныне Ленинские горы). Но где именно? Валерий вместе с отцом потратил немало дней, чтобы отыскать памятное для всех нас место. И отыскал его. О поиске рассказывает очерк «Святые камни», напечатанный в «Литературной газете» за 13 августа 1966 года. Сколько еще дорогих для народа памятных мест, о которых мы знаем пока слишком мало, ждут юных книголюбов. Каждый же такой поиск, всякая пусть даже маленькая находка — вклад в историю отечественной культуры.

Ленинградская школьница Галя Пржиборовская, просмотрев фильм «Оптимистическая трагедия», увлеклась биографией Ларисы Рейснер, прочитала все ее произведения, составила подборку редких ее фотографий, стала участником IV Всесоюзного похода по местам боевой славы. Увлечение это переросло в многолетние поиски материалов о юности любимой героини, в собирательство книг Ларисы Михайловны Рейснер и книг о ней, привело к литературоведческой деятельности, появлению оригинальных исследований.

В 1975 году в издательстве ДОСААФ вышла документальная повесть В. Азарова «На берегах Сороти», посвященная рассказу о разминировании в годы Великой Отечественной войны могилы А. С. Пушкина. Все началось с похода юных книголюбов в музей поэта в Михайловском. Ребят заинтересовал один из экспонатов с изображением первого предупреждающего знака саперов, разминировавших пушкинскую могилу. Но кто они, эти воины-герои, какова их судьба? Так были выяснены имена всех тех, кому мы обязаны спасением могилы поэта.

Немало добрых дел на счету юных книгораспространителей. В городе Донецке хорошо знают юных друзей книги школы № 20. Они помогают своим матерям и отцам-горнякам приобретать книги. Ребят этой школы с сумками «юного друга книги», набитыми книгами, часто можно встретить во многих дворах города, в общежитиях молодых рабочих, на шахтах, предприятиях. Школьники организуют книжные базары и лотереи, собирают

учебники в семьях, где дети закончили школу. В школе рядом с пионерской комнатой оборудован красочно оформленный книжный магазин. Здесь есть и клуб юных книголюбов. Многие выпускники школы идут работать продавцами в книжные магазины города.

Благородное занятие юных книголюбов — посылка целых библиотек на далекие стройки, в подшефные колхозы и совхозы, на пограничные заставы. Школьники Вакшинского района Хабаровского края собрали и отправили для молодых строителей БАМа две тысячи книг. Подобных примеров много.

Заботятся юные книголюбы и о сборе старых и ненужных книг, газет и журналов, понимая, какое огромное значение имеет это дело для страны. Ведь в результате можно сберечь немало лесов. Один примечательный пример. На бумаге, изготовленной из собранных школьниками Серпухова старых газет и журналов, накануне XXV съезда партии был напечатан весь тираж номера газеты «Пионерская правда».

В старинном украинском городе Каневе, где на высоком берегу Днепра покоится прах Т. Г. Шевченко и где похоронен Аркадий Гайдар, находится библиотека-музей любимого детского писателя. На белой мраморной стене высечен во весь рост воин в буденовке. Припомним скупые строки из его биографии. В четырнадцать лет он с оружием в руках защищал молодую Советскую Республику, в семнадцать командовал полком, сражался на многих фронтах...

Библиотеку эту строила буквально вся страна. Севастопольцы прислали мрамор, с Житомирщины доставили красный гранит, стеклянные витражи изготовили днепропетровские умельцы. В Саратове сделали для библиотеки металлические стеллажи, на которых собрано свыше 20 тысяч книг, присланных в Канев из Москвы, Ленинграда, Киева и многих других городов. Здесь же хранятся и книги самого писателя.

Библиотека Аркадия Гайдара стала подлинным символом дружбы юных книголюбов с книгой. Сюда они ежегодно приезжают, пишут письма, присылают рапорты о своих добрых и славных делах.

ДИАЛОГ С БУДУЩИМ

Интерес человека к книге за последние годы в нашей стране особенно возрос — свидетельство невиданного роста культуры и образования советских людей. Мы все чаще говорим о «книжном взрыве» и задумываемся над тем, что же это такое? Задумываемся о своей личной сопричастности к книге, о ее роли в жизни человечества, о ее завтрашнем дне.

В книге мы всегда как бы ощущаем «некое послание, адресованное нашей современности минувшими эпохами». Всякая книга — это диалог не только с прошлым или настоящим и даже с будущим, но и диалог с самим собой: во имя чего мы читаем и собираем книги? Диалог этот есть

и осознание своей собственной связи с духовной традицией поколений, понимание высших нравственных принципов нашего общества. И плоды поисков книголюбов, и собранные ими библиотеки — это не только то, что остается от времени, а прежде всего общее достояние народа, живая связь с нашей действительностью, многообразный опыт ее познания, в котором мы черпаем уверенность и необходимость в полезности собственного жизненного дела.

Ради любимого жизненного дела Евгений Дмитриевич Петряев открывает несправедливо забытые имена верных рыцарей книги, Артур Павлович Толстяков ищет следы каждого чудом сохранившегося экземпляра «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Радищева, Александр Иванович Анушкин создал целую чудо-библиотеку миниатюрных книг на бересте, школьный учитель и краевед Есбол Умирбаев двадцать лет жизни посвятил тому, чтобы составить карту мест, где побывал Т. Г. Шевченко, находясь в ссылке. Он прошел тысячи километров по степям Мангышлака, используя в качестве компаса репродукции шевченковских акварелей. Карта эта ныне хранится в местном музее Т. Г. Шевченко в городе Форт-Шевченко на Мангышлаке.

Как-то библиофил Олег Григорьевич Ласунский назвал свои рассказы о пламенных книжниках «Власть книги». Действительно, власть книги над человеком огромна. За любимыми книгами люди готовы идти хоть на край света. И когда книголюб с гордостью говорит: «У меня весь Пушкин!» — мы понимаем, насколько он счастлив.

Настоящее влечение к книгам — один из самых высоких и благородных человеческих порывов. Он захватывает человека целиком, становится как бы второй его профессией, значительным делом жизни, приносит ему и окружающим его людям радость и красоту. Вне зависимости от конечных результатов собирательство книг оказывает огромное влияние на формирование личности человека, на всю его жизнь.

Любая домашняя библиотека не существует изолированно. Она частица всей нравственной системы, в которой мы живем. Библиотека — это человек, выражение его нравственных принципов, проявление его отношения к самой жизни.

Выступая на XXI съезде Коммунистической партии, писатель Александр Твардовский сказал, что личная библиотека — это такой вид частной собственности, который успешно будет сохранен и при коммунизме.

«Без книг,— писал Константин Паустовский,— мы теперь не можем ни жить, ни бороться, ни страдать, ни радоваться и побеждать, ни уверенно идти к тому разумному и прекрасному будущему, в какое мы непоколебимо верим». Слова эти одного из лучших писателей нашей эпохи — доброе напутствие юным читателям.

СЛОВАРИК КНИГОЛЮБА

Автограф — подлинная рукопись автора. Личная надпись, сделанная автором или владельцем на произведении печати.

Антиквариат — магазины старинных и редких изданий.

Архитектоника книги — общее построение книги, включая внешнее и внутреннее оформление, в том числе расположение текста, иллюстраций, подбор шрифта.

Букинистический книжный магазин — книжный магазин, торгующий подержанными изданиями.

Гравюра — оттиск изображения, полученный с металлической, деревянной или иной доски, на которой оно вырезано от руки или вытравлено.

Дезидераты (от латинского desiderata — «желаемое») — произведения, которые библиотека или собиратели стремятся приобрести.

Издание — самостоятельно полиграфически оформленное произведение печати, выпущенное в определенном тираже.

Иллюстрация — в буквальном переводе с латинского языка означает «освещение», «наглядное изображение», «пояснение».

Ксилография — гравюра на дереве.

Лексиконы — словари. Так нередко их называли авторы XVIII—XIX вв.

Лассе — книжная закладка.

Манускрипт — рукопись, преимущественно древняя. Слово это произошло от латинского «либри ману скрипти», что означает «книги, написанные от руки».

Офорт — гравюра на меди или цинке, а также оттиск с такой гравюры.

Палеотипы — книги, выпущенные с 1 января 1501 по 1550 год.

Папирусный свиток — древняя форма книги в виде свитка, написанная на папирусе.

Партулан — средневековая книга для моряков с описанием гаваней, берегов, с картами.

Старопечатные книги — условно книги, напечатанные в начальный период книгопечатания. В нашей стране к старопечатным книгам относят книги, выпущенные в XVI—XVII вв.

Титульный лист — страница, на которой напечатано название книги, фамилия автора, год и место издания книги.

Эстамп — оттиск изображения, полученный непосредственно с деревянной или металлической доски, линолеума, камня, на которые оно было нанесено автором.

Фолиант — книга большого размера.

Фронтиспис — рисунок, помещаемый рядом с титульным листом на левой стороне.

Форзац — лист бумаги, соединяющий книжный блок с крышкой переплета.

Факсимиле — точное воспроизведение изображения, выполненное полиграфическим путем, которое трудно отличить от подлинника.

РЕКОМЕНДУЕМ ПРОЧЕСТЬ:

1. Альманах библиофила. М., «Книга». Выпускается с 1973 г.
2. Анушкин А. И. Тайны старопечатной книги. Поиски, находки, загадки. Симферополь, «Таврия», 1972.
3. Аникст А. А. Первые издания Шекспира. М., «Книга», 1974.
4. Берков П. Н. О людях и книгах. (Из записок книголюба). М., «Книга», 1965.
5. Берков П. Н. Русские книголюбы. М.—Л., «Советский писатель», 1967.
6. Берков П. Н. История советского библиофильства (1917—1967). М., «Книга», 1971.
7. Белоусов Р. С. Из родословной героев книг. М., «Советская Россия», 1974.
8. Глухов А. Г. Книги, пронизывающие века. Изд. 2-е, доп. М., «Книга», 1975.
9. Гладыш И. А., Динесман Т. Г. «Горе от ума». Страницы истории. М., «Книга», 1971.
10. Западов А. В. В глубине строки. О мастерстве читателя. М., «Советский писатель», 1972.
11. Зайденшнур Э. Е. «Война и мир» Л. Н. Толстого. Создание великой книги. М., «Книга», 1966.
12. Коллекция служит людям. Составитель В. А. Кандыбко. Л., 1973.
13. Краткий справочник книголюба. М., «Книга», 1976.
14. Ласунский О. Г. Власть книги. Рассказы о книгах и книжниках. Воронеж, 1966.
15. Ласунский О. Г. Книжный знак. Некоторые проблемы изучения и использования. Воронеж, 1967.
16. Наровчатов С. Необычайное литературоведение. М., «Молодая гвардия», 1974.
17. Горбачевский Б. С., Немировский Е. Л. С книгой через века и страны. М., «Книга», 1964.
18. Осетров Е. И. Поиски, находки, тайны. М., «Детская литература», 1964.

19. Петряев Е. Д. Записки книголюба. Киров, 1978.

20. Рубакин А. Н. Рубакин (Лоцман книжного моря). М., «Молодая гвардия», 1967.

21. Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. Изд. 3-е. М., 1977.

22. Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., Вс. кн. палата, 1962.

23. Степанов А. Н. У книг своя судьба. «Лениздат», 1974.

24. Сидоров А. А. Записки собирателя. Книга о рисунках старых и новых мастеров. М., «Художник РСФСР», 1969.

25. Фаворский В. А. О художнике, о творчестве, о книге. М., «Молодая гвардия», 1966.

26. Фаворский В. А. Рассказы художника-гравера. М., «Детская литература», 1976.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЛЯ СРЕДНЕГО
И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Борис Семенович Горбачевский

В СТРАНЕ КНИГОЛЮБОВ

ИБ № 2108

Ответственный редактор
В. С. Мальт

Художественный редактор
В. А. Горячева

Технические редакторы
В. К. Егорова и Н. Г. Мохова

Корректоры
К. И. Каревская и Г. С. Муковозова

Сдано в набор 11.12.78. Подписано к печати 27.07.79. А06936. Формат 70×90 1/16. Бум. для глуб. печ. № 1. Шрифт академический. Печать глубокая. Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 10,45. Тираж 75 000 экз. Заказ № 4009. Цена 65 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Горбачевский Б.

Г67 В стране книголюбов: Научно-худож. лит-ра/ М.: Дет. лит., 1979.— 159 с., фотоил.

В пер.: 65 коп.

Книга рассказывает о том, как собрать личную библиотеку, какие книги сделать своими постоянными советчиками и друзьями.

Г $\frac{70803-373}{М101(03)79}$ 398—79

ББК 78.3
02
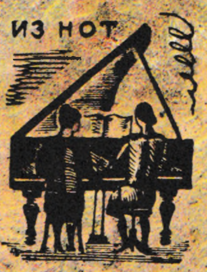

КНИГА
Юр. Артова

ИЗ КНИГ
ИРИНЫ БАКУСОВОЙ

ИЗ КНИГ
ИА МАСЕЕВА

EXLIBRIS
PABLO PICASSO

Из книг
К. Паустовского

ИЗ НОТ

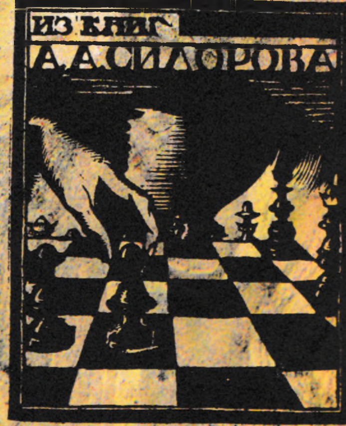

М. и Н.
КРЮГЕР

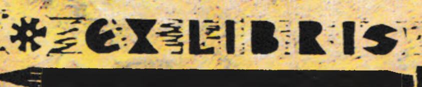

Из книг В. И. СЛОНИМ

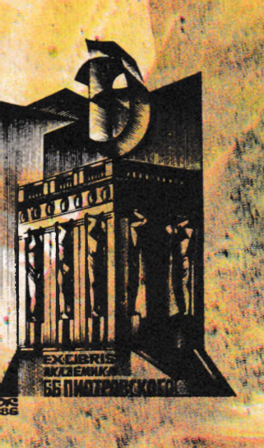

ИЗ КНИГ ОЛЕГА ПОПОВА

ИЗ КНИГ
ИВ. ЛАЗАРЕВСКОГО

ИЗ КНИГ
А.А. СИДОРОВА

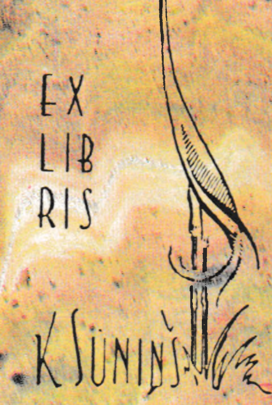

EXLIBRIS
Е. ГОЛЯХОВСКОГО

EXLIBRIS
АКАДЕМИКА
ББ ПИОТРОВСКОГО

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА В ТОКСОВО
Е. ТИМОШЕНКО

ИЗ ГРИБОЕДО-
ВЕДЧЕСКОГО
СОБРАНИЯ
Горе от ума
П.С.КРАСНОВА

EX LIBRIS
К.П. АВДЕЕВА

EX
LIB
RIS
K ŠUNIŅŠ

ИЗ КНИГ
КОЛЛЕКТИВА
ЗАВОДА
СЕРП И МОЛОТ

СОБРАНИЕ
Л.МАТКО
О
ГАШЕКЕ
И
ШВЕЙКЕ

EXLIBRIS
R. Tilberg

EX
LIBRIS
В.ДУВИДОВА

ИЗ КНИГ
КНИЖНОЙ
ЛАВКИ
ПИСАТЕЛЕЙ

65 коп.

